

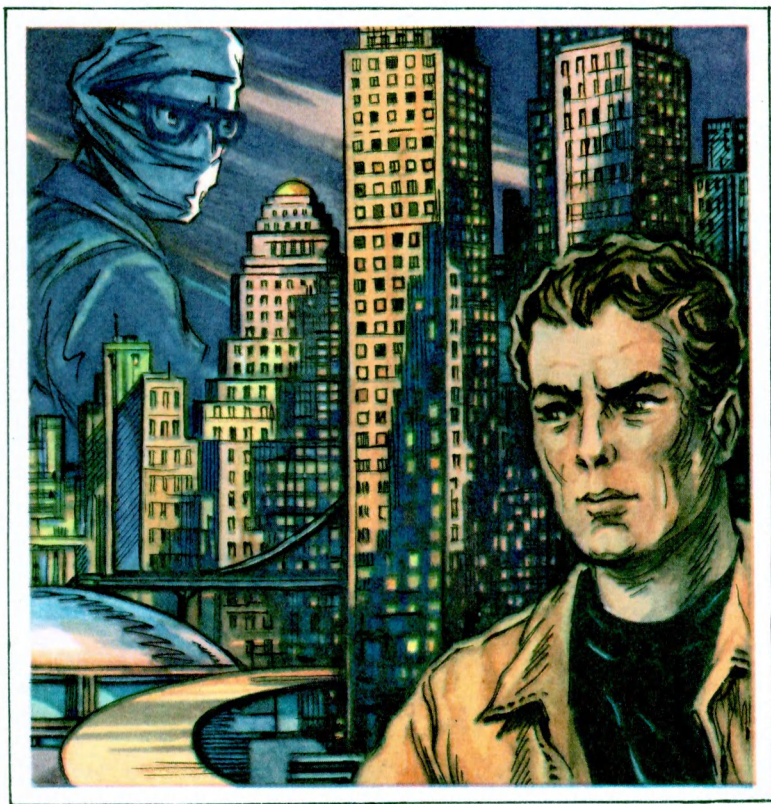

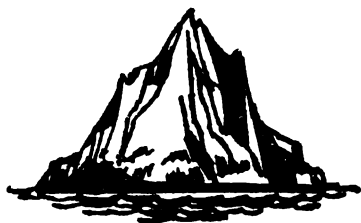
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ОСТРОВ
„ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА“

ЗАХАР МАКСИМОВ

ЗАХАР МАКСИМОВ
ОСТРОВ
„ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА“

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЗАХАР МАКСИМОВ

ОСТРОВ
„ЕГО
ВЕЛИЧЕСТВА“

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1984

84Р7
М 17

М $\frac{4702010200-284}{078(02)-84}$ Без объявл.

© Издательство «Молодая гвардия», 1984 г.

ТАЙНАЯ ИМПЕРИЯ

Самым фантастическим в романе Захара Максимова «Остров «Его величества» является, казалось бы, анабиоз с последующим оживлением, что позволило уцелеть после второй мировой войны гитлеровским головорезам СС, которых затем используют в своих преступных целях американские монополисты. Но, судя по зарубежным сообщениям, анабиоз с применением жидкого азота перестал быть фантастическим допущением. В США якобы за немалые деньги разорившиеся капиталисты (или преступники, стремящиеся уйти от преследования) в расчете на перемены и лучшие времена замораживают себя с тем, чтобы проснуться спустя заданное число лет. Нельзя быть уверенным, что кто-нибудь будет удачно разморожен, но сам факт таких сообщений может быть использован в художественной литературе.

Полезно напомнить читателю, что найденные в вечной мерзлоте некоторые бактерии оживали спустя сотни миллионов лет после своего замораживания. Упомянуть стоит и о том, что сохранившееся в вечной мерзлоте мясо мамонта использовалось северными жителями даже в пищу.

Надо отметить, что автор не пошел по обычному пути — анабиоз с помощью замораживания, а использовал для анабиоза искусственный летаргический сон, не повторяя Леонида Леонова с его сценарием, по которому снят фильм «Бегство мистера Мак-Кинли». Словом, автор романа «Остров «Его величества» воспользовался оригинальной идеей, и, пожалуй, неплохо ею воспользовался, приписав ее происхождение немецкому ученому, занимавшемуся изуверскими опытами в концлагерях.

Читатель познакомится не просто с научно-фантастическим сюжетом, но с увлекательным приключенческим политическим памфлетом. По данным 1981 года Федерального бюро расследований,

в США каждые 2,6 секунды происходит серьезное правонарушение, каждые 13 секунд в магазинах продается по пистолету, каждую 51 секунду происходит нападение на граждан, каждые 7 секунд — изнасилование, каждые 24 минуты — убийство.

В романе «Остров «Его величества» действие разворачивается вокруг борьбы с поставщиками наркотиков, но сюжет выходит на злободневную проблему всевластия миллиардера Хауза, который, не довольствуясь тем, что он владеет огромным состоянием, заводами и фабриками, намеревается силой оружия захватить власть не только в своей стране, но и подчинить своей вооруженной силе такую международную организацию, как ООН. Как ни фантастичны его замыслы, автор романа-памфлета прав — народы мира должны быть бдительны и, добываясь международной разрядки, ослабления военной конфронтации между странами, должны искать взаимопонимания, строгого контроля над вооружениями, чтобы его не могли никогда использовать авантюристы типа миллиардера Хауза.

Заслуживает внимания и помещенная в книге повесть «И ведро обыкновенной воды...». Проблема получения дешевого водорода, то есть топлива для автомашин, не загрязняющего окружающей среды, не нова. Но молодой автор сумел на ней сделать остросюжетную научно-фантастическую повесть. Актуальность, занимательность, политическая острота этой вещи, как, впрочем, и романа, позволяют мне с полным основанием рекомендовать молодежи эту книгу.

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

ОСТРОВ «ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА»

Роман-памфлет

СЕРГЕЙ КАРПОВ
(10.5.2005 г.)

Из монотонного гула, в который слилась в моих ушах затянувшаяся речь шефа о насущных задачах внутренней редколлегии газеты в ближайшем обозримом будущем, вдруг вынырнула фраза:

— Сергей, Хауза возьми на себя ты. Думаю, это самый лучший вариант...

Шеф, обычно немногословный, имел привычку примерно раз в неделю просвещать сотрудников относительно целей существования нашего международного издания. Я объяснял это тем, что старик сам еще не ощущал место главного редактора под собой достаточно твердо. Он привык за долгую репортерскую жизнь ко всяким передрыгам и теперь все никак не мог перестроиться. Вот и хотел, видно, вговориться в новую роль, в непривычное занятие. Объяснить поведение шефа было можно, но выслушивать его со вниманием — довольно трудно. Поневоле станешь рассеянным и спохватишься, только когда заговорят прямо о тебе.

— Хотя ты еще и молод слишком, а задание очень важное, но к Хаузу я обязан послать именно советского сотрудника нашей редакции.

Случай с Хаузом был действительно по теперешним временам из ряда вон. Это не двадцать-тридцать лет

назад, когда международное сотрудничество еще не было нормой жизни. А тут...

Вопрос о создании международного концерна по добыче минерального сырья из морей и океанов был, казалось, окончательно решен на уровне ООН. В мире острый кризис с титаном, свинцом, молибденом, танталом, платиной, серебром, хромом, кобальтом, магнием, вольфрамом. Да и недостаток железной руды сказывается все настойчивее, несмотря на экономию, разработку заброшенных и бедных рудой месторождений. Черная металлургия и машиностроение начинают задыхаться. И хотя развернуто в промышленных масштабах извлечение растворенного калия, натрия, магния, брома из морской воды — все это в конечном итоге мизер для планеты.

Другое дело — конкреции. На поверхности стоят огромные комбинаты по переработке руды в обогащенные окатыши, очищенные от пустой породы. А тут, на дне океанов, — гигантские запасы готовых, хоть сразу в печь, округлых, похожих на картофелины комочков руды. Да и редкие металлы в таких же картофелинах — у «земных» шахтеров прямо слюнки текут. Подумать только, чуть ли не до трети магния, по десять процентов железа, никеля, меди. А еще молибден, кобальт; цинк, ванадий.

Короче говоря, поскобли ковшом дно, процеди воду и получишь минеральное сырье. Причем более дешевое, чем с Луны или с пойманных в просторах Вселенной блуждающих астероидов (есть и такие проекты).

Но уж больно эти картофелины труднодоступны: самые богатые месторождения на глубине свыше четырех тысяч метров. До сих пор ни одна страна не смогла самостоятельно подступиться к разработке столь соблазнительных богатств. Сегодня необходимость создания международного концерна морских и океанских месторождений, казалось, была ясна каждому.

И вдруг, совершенно неожиданно, заартачился Хауз. Да, тот самый Хауз, «владелец заводов, газет, пароходов» и многого, многого другого, что Маршаку в его время и присниться не могло. Дело в том, что именно на принадлежавшем ему предприятии выпускалось необходимое для воплощения в жизнь проекта по добыче конкреций оборудование. Такого совершенного оборудования пока больше ни у кого в мире нет. Следовательно, раз Хауз напрочь отказывается участвовать в международном концерне, исполнение проекта несколько откладывается. Пока нового поставщика найдут, пока он свое оборудование до хаузовского уровня дотянет. Тем более что своих технических секретов Хауз выдавать не намерен. А время не ждет.

Шеф перешел к моему инструктажу:

— Просто послать к нему репортера — дело нетрудное. Не то, что, бывало, к его деду. В отличие от деда Хауз интервью дает охотно и всегда не прочь попозировать перед камерой. Встречал, наверное, его пространные рассуждения на целый разворот, да с портретом с обязательной обворожительной улыбкой? А корреспондентов нашего ооновского «Вестника» он жалует особо. Еще бы, такая реклама: международное сотрудничество, благодетель человечества, щедрый меценат. — Последние слова шеф произнес с нескрываемым сарказмом и, как мне показалось, даже с отвращением.

— Выяснить причину непонятого упорства Хауза правильное всего будет тебе, Сергей, — продолжил шеф. — Столько лет Хауз сотрудничает с вашей страной и в рамках советско-американской торговли, и в рамках международных программ под эгидой ООН. К тому же чуть ли не в каждом интервью подчеркивает свою заинтересованность в таком сотрудничестве. Читатели, конечно, желали бы знать, в чем причина его уклончивости теперь, когда решается вопрос кардинального пополнения сырьевых ресурсов планеты. Между-

народное сообщество в данном деле никак не может обойтись без доброй воли, научных достижений и экономических возможностей СССР, одного из основных инициаторов проекта. Но и без специфических возможностей Хауза в ближайшем будущем тоже...

Может быть, шеф прав, для интервью лучше всех действительно подхожу именно я — двадцатипятилетний репортер «Вестника ООН», выпускник факультета журналистики МГУ, год назад «за отличные успехи и примерное поведение» направленный по распределению в эту почтенную международную газету.

В кабинете главного на обсуждении были все ведущие репортеры «Вестника». Уравновешенный характер шефа, ценящего, как бы мы сказали, рациональную организацию труда, воплотился в обстановке. В шкафу библиографический порядок: полка для книг по вопросам политики, следующая — вопросы экономики, далее — справочники, атласы, словари. На его собственном письменном столе только стопка чистых листов бумаги, селектор, дисплей и шикарная перьевая ручка, которой завидовали, наверное, все. Наша разноплеменная журналистская братия вносила в кабинет беспорядок: на столе, вокруг которого мы сидели, были разбросаны последние номера газет, блокноты, коробочки магнитофонов, стояли полные окурков пепельницы. Поглядывая на этот первозданный хаос, старик всегда недовольно морщился, но молчал. Что поделаешь — демократия.

Не истребленная даже обычным редакционным кавардаком привычка к порядку выдавала в шефе немца. Хроникером событий в ООН у нас англичанин Смит, он же ведет раздел культуры и освещает деятельность ЮНЕСКО. Смит работает здесь давно и, конечно, гораздо опытнее меня. А француз Дюваль просто ас по части интервью с сильными мира сего. Его все знают и держат с ним -уху остро — вопросы задает с «поднач-

кой», а неосторожные ответы комментирует остро и едко. За столом рядом с ним всегда серьезный и основательный кениец Мбаса. Он наш главный специалист по проекту, о котором сегодня идет речь. Напротив — японец Аккоси. В отличие от своих обычно невозмутимых соотечественников вечно суеющийся и куда-то спешащий, что, впрочем, помогает ему поспевать чуть ли не повсюду одновременно.

Со всеми я за этот год уже успел и перезнакомиться, и подружиться, и сработаться. Все — отличные профессионалы, пишут добротню, порой не без таланта. Вряд ли при другом стечении обстоятельств я мог бы рассчитывать на столь ответственное задание.

Старик усталым жестом придвинул к себе пачку свежих гранок, вздохнул и произнес, вставая:

— Ну ладно, хватит нам заседать. Все-таки болтовня — язва международных и государственных организаций, а журналистам терять время не пристало. Вот, помню, в прежние времена, когда я работал не в этой, а в нормальной газете...

Что последует дальше, все мы знали заранее, так как слышали его истории не единожды. Скорее всего это у него не от природной занудливости и не от возраста, а из желания нас усовестить. И нередко вместо того, чтобы врезать кому-либо из нас за очередной прокол, он начинает плакаться, что нет, мол, больше ни стоящих газетчиков, ни настоящей журналистики. И работают у него сплошь сопляки (хотя «соплек» здесь один я), и писать-то стало сейчас совершенно не о чем, и проблемы совсем не те, что раньше. Тематика за последнюю четверть века действительно изменилась. О крупных войнах практически забыли. После XV Стокгольмского совещания, когда все международные военные блоки были распущены, по странам остались лишь территориальные формирования. Наступательное оружие, как и оружие массового поражения, запрещено.

Небольшое количество оружия разрешено иметь только войскам ООН, обеспечивающим порядок во всем мире. Конечно, локальные конфликты в разных концах земного шара изредка возникают, бывают и со стрельбой, но они обычно скоро прекращаются через ООН.

Так что плачется наш шеф все больше так, для красного словца. Наверняка ему куда приятнее печатать материалы о международной энергостанции в Антарктиде, о пуске седьмой международной шахты на Луне или об окончательном обводнении и озеленении Сахары, чем о всяких неприятностях, как раньше. Хотя кто его знает.

Вполне может быть, что сердце старого газетного волка еще не остыло и он с трепетом вспоминает свою полную приключений репортерскую юность в Южной Африке, где ему — в те времена нейтральному корреспонденту швейцарских газет — несколько раз изрядно намяли бока во время войны за свержение расистского режима, или же то, как просидел почти два месяца с партизанами в сельве Гватемалы.

Выйдя из кабинета главного редактора, я сразу приступил к делу, боясь упустить настроение, выйти из того особого состояния, когда для выбора верного направления интервью достаточно самых незначительных намеков собеседника. Я достал из ящика стола телефонный справочник и набрал номер телефона нью-йоркской штаб-квартиры концернов Хауза. Находилась она всего в двух или трех кварталах от здания ООН, и в случае удачи я мог там оказаться через полчаса.

Мне ответил приветливый женский голосок. Девушка меня внимательно выслушала и попросила позвонить через час. А в назначенное время она так же мило и музыкально предложила приехать завтра в 11 часов утра с заранее подготовленными вопросами. Меня примет «сам» и уделит целых тридцать минут делового времени.

Я тут же набрал номер шефа и сообщил ему обнаде-

живающую весть. Но шеф почему-то не разделил моей радости и хмыкнул только: «Ну-ну, давай посмотрим». Однако его безразличие не расхолодило меня, я с юношеским энтузиазмом принялся готовить вопросы для интервью с Хаузом.

На следующее утро я прибыл в контору Хауза ровно без пяти одиннадцать. Функциональная обстановка — удобные кресла, стол секретарши с консолью, на которую вынесены машинка и селектор. Я ожидал увидеть обладательницу вчерашнего очаровательного голоса. Увы... на месте созданной моим воображением славной девчушки сидела мадам лет сорока. А при поправке на достижения современной индустрии красоты нетрудно было догадаться, что ей уже давно перевалило за пятьдесят. Она окинула меня пристальным взором сквозь большие роговые очки и спросила густым мужским басом:

— Мистер Карпофф?

— Да, мэм. Доброе утро. Сергей Карпов из «Вестника ООН». Мне было назначено на одиннадцать.

— Глубоко сожалею, сэр, — начала было басить матрона, но тут раскрылась неприметная боковая дверь и в приемную впорхнула девушка, которой действительно был впору тот звонкий голосок.

— Большое спасибо, миссис Джебокс, что подменили меня, — весело прочирикала она.

Миссис Джебокс, пробурчав себе под нос что-то вроде «не стоит благодарности», скрылась за той же дверью. У меня от сердца отлегло, хотя, казалось бы, какая мне разница, кто дежурит в приемной у Хауза, да и вообще, как выглядят его сотрудники и сотрудницы.

— Мистер Карпофф?

Нет, это все-таки удивительно — одни и те же слова, а звучат совсем по-другому.

— Меня зовут Сережа, — вдруг неожиданно сам для себя сказал я. — А вас, извините?

— Конни. — Она на секунду опустила глаза, и я успел заметить, как мягок овал ее лица. Волнистые темно-каштановые волосы опускались на изящные, но не хрупкие плечи, обтянутые шелком золотистой блузки. Она уже снова смотрела на меня. Будто отсветом ткани вокруг темно-серой радужки глаз бежал золотистый ободок. — Конни Паркер. Надеюсь, вы подготовили вопросы, мистер Карпофф? — И она улыбнулась так приветливо, будто мы знакомы уже лет сто, только вчера расстались, и сейчас она переживает, выполнил ли я домашнее задание.

— О да, разумеется. — Я быстро взял себя в руки. — Хочется верить, что мистер Хауз...

— Должна вас несколько огорчить. Мистер Хауз глубоко сожалеет, но не сможет принять вас сегодня. Непредвиденные обстоятельства требуют его личного внимания. Оставьте вопросы, мистер Хауз ознакомится с ними и примет вас через два дня.

Из конторы Хауза я вышел, обуреваемый двумя желаниями: во-первых, во что бы то ни стало пробиться к знаменитому миллиардеру не позднее чем через два дня. Иначе редактор просто открутит мне голову и будет при этом совершенно прав. А во-вторых, я решил во что бы то ни стало познакомиться с Конни Паркер во внеслужебной обстановке.

Однако я тут же одернул себя: не дай бог, она еще подумает, что я, репортер, пытаюсь приударить за ней, чтобы использовать ее как источник информации. У них тут это в порядке вещей.

Но мне-то на самом деле было совершенно все едино — работает ли она у Хауза, или, скажем, в нашей редакции. Давно не встречал я здесь таких детски открытых лиц...

Нет, хватит, сначала надо выполнить задание, взять

интервью, подготовить и сдать материал, а уж потом... А потом посмотрим.

«Ладно, брат, — снова одернул я себя. — Не строй воздушных замков. Вполне вероятно, что она окажется обыкновенной секретаршей, мечтающей любой ценой завести роман с шефом. Мало ли ты встречал за последний год таких?»

И все же думать так не хотелось. Может быть, из-за излишней уверенности в себе или же просто надеясь на всегда благоволившую ко мне фортуна, я почти не сомневался в успехе. Мне казалось, что через два дня интервью с Хаузом будет у меня, что называется, в кармане, а воображение рисовало Конни, идущую рядом со мной по аллее Центрального парка...

«Стоп, Центральный парк не пойдет, это тебе не Сокольники. Здесь, того и гляди, обоим карманы вывернут, и еще будете благодарны, что так легко отделались. Ну тогда, пожалуй, Конни рядом со мной в зале кинотеатра... Да что я, школьник, в самом деле, в кино ее приглашать?»

Так и не найдя ничего конкретного, воображение рисовало просто Конни рядом со мной, а где — совершенно неважно. И конечно, она окажется милой, доброй и поэтичной девушкой... «Поэтичная секретарша из офиса миллиардера? — опять попытался остановить меня здравый смысл. — Хотя, впрочем, если верить, что Америка — страна чудес, то почему бы и нет?»

«РЕЗЕРВ 88»
(29.11.1944 г.)

Фонарик на берегу мигал условным набором точек и тире. На мостике подводной лодки, медленно и беззвучно скользящей в темной воде, резко вспыхнул желтым глазом прожектор, ответив на призывный сигнал двумя восьмерками подряд. И опять все погрузилось в крошечную темноту.

— «Восемьдесят восемь», — тихо сказал один из стоявших на малоприметной пристани. — Это они. Можете включить освещение... — И, заметив нерешительный жест собеседника, с плохо скрываемой издевкой продолжил: — Зря волнуетесь, бояться нам некого. До моря по реке более сотни миль. А самолеты здесь никогда не летали, тем более по ночам. Да и делать им здесь нечего, до ближайшего населенного пункта по прямой дня три пути.

А кто проберется через эту непроходимую сельву по прямой? Индейцы? Во-первых — они тупы до предела и ничего все равно не поймут. А во-вторых — тех из них, которых вы в свое время не загнали на строительство объекта, по вашему же приказу мы давно перестреляли.

— Но вы же прекрасно знаете, что командование приказало тщательно соблюдать конспирацию, герр доктор, и я не имею права нарушить этот приказ, — почтительно, но твердо напомнил высокий человек в черной куртке.

— Не забывайте, что командование возложило руководство проектом на меня, — сухо ответил «герр доктор». — И не заставляйте меня напоминать об этом, все вы в СС просто помешаны на конспирации, субординации и прочей профанации дела. Все у вас вроде бы есть, только... здравого смысла не хватает. Именно поэтому рейх и проигрывает сейчас войну...

Даже в темноте ночи было отчетливо видно, что лицо человека в черной куртке стало злым, а рука невольно дернулась к висящей на поясе кобуре.

— Будь мы сейчас в Берлине, а не в этих забытых и богом и чертом местах, и не знай я, что вас почтил своим высочайшим доверием сам...

— Но в том-то и дело, что мы в Южной Америке, — перебил эсэсовца «герр доктор». — Неужели вы не спо-

собны понять, что мы находимся сейчас здесь, в этой проклятой дыре, а не дома именно из-за того, что уставы и инструкции заменили таким, как вы, логику? Игре конец, на сегодняшний день все проиграно. Единственное, что можно еще постараться спасти, — это будущее. А на это способен лишь гений ученого... Мой гений!

Голос «герра доктора» приобрел жесткий и несколько самовлюбленный оттенок. Этим голосом ясновидца он и завершил свою тираду:

— И в следующий раз решающее слово будет принадлежать именно ученым. В этом я уверен, и прекратим бесполезную в данной ситуации дискуссию. Я возвращаюсь в бункер. Вы же, штандартенфюрер, прикажите включить освещение и оставайтесь руководить разгрузкой. «Каждому свое» — как было начертано над воротами того чудесного заведения, где мы имели удовольствие встретиться впервые.

— Слушаюсь! — рявкнул человек в черной куртке, но еще долго провожал злым взглядом «герра доктора».

Название места, где доктор Крафке познакомился с незначительным тогда эсэсовцем, ныне штандартенфюрером Райхером, стало символом безысходного кошмара для миллионов, но для Эрнста Крафке оно действительно звучало чудесно. Крафке был ученым и обладал острым аналитическим умом, редкой интуицией, энциклопедическими знаниями, фанатической, трудоспособностью. А совесть как таковая виделась ему лишь скользящим смелый полет мысли анахронизмом.

«На протяжении всей истории человечества более умный и сильный всегда давил более слабого и глупого, — нередко повторял он в беседах с приятелями и сослуживцами. — Поэтому вечно будет существовать элита, которая, если ей это необходимо, ставила и будет ставить над чернью любые угодные ей опыты и эксперименты».

Интуиция всегда точно подсказывала Крафке необходимый для решительных действий момент. Уже на третий день после поджога рейхстага все газеты Германии обошло краткое, энергичное заявление молодого, но уже известного в научных кругах своими теоретическими работами доктора Крафке.

«Научный мир страны сплотился вокруг фюрера, — писал он. — В этот суровый час, когда судьбам страны бросают вызов силы мировой большевистско-еврейской плутократии, ученые великой Германии должны решить, с кем они. С олицетворяющей здоровый дух нации партией великого фюрера, несущей новый порядок переустройства мира, или с неполноценными болтунами-интеллигентами, разводящими слюни над абстрактными понятиями свободы, чести и совести.

Честно и справедливо лишь то, что служит делу великого немецкого народа. Ученый! Великая Германия нуждается в тебе! Выполни же и ты свой долг!»

Доктор Крафке рассчитал верно. Пылкие и, что немаловажно, грамотно изложенные излияния ученого с именем прились как нельзя кстати доктору Геббельсу. Новоиспеченный член НСДАП Крафке вскоре вступил и в СС. А год спустя, после того как он в обход всех инстанций подал лично фюреру секретную докладную записку, в лагере, на воротах которого помещалась надпись «Каждому свое», появился «особый сектор 88», усиленно охраняемый ротой эсэсовцев под командованием штурмфюрера Райхера. Возглавлял сектор штурмбаннфюрер СС Крафке.

Крафке предпочитал, чтобы подчиненные обращались к нему «герр доктор», и за все время работы в концлагере ни разу не надел эсэсовского мундира. Даже на доклады в Берлин, где приходилось бывать довольно часто, он позволял себе ездить в штатском. Ему была не по душе вся эта эсэсовская параферналия, детские игры в золотые значки и почетные кинжалы. «Надо де-

ло делать, — считал он. — А то, увлекшись всевозможной мишурой, его можно и проиграть».

Ни при каком другом режиме он никогда не получил бы таких широчайших возможностей для своих исследований. Кто еще, кроме нацистов, предоставил бы ему неограниченное право проводить массовые эксперименты на людях? Через его сектор прошли за эти годы тысячи. Все они, слава богу, мертвы. О результатах Крафке знают разве что только ассистенты, но и их, когда придет время, тоже можно отправить в печь.

А если бы об этих результатах стало известно, научный, да и не только научный, мир был бы потрясен.

Приносило ли это Крафке удовлетворение, гордость? И да и нет. Ведь не только об этом мечтал он, когда писал обращение к ученым Германии, когда вступал в НСДАП. Он хотел, он жаждал, он страстно желал гораздо большего — власти. Власти мыслящей элиты над бестолковой, варварской чернью.

Каков же итог? Крафке должен был признать, что итог пока еще очень далек от замысла. Он, гений, каких было мало в истории, человек, добившийся, казалось бы, невозможного, вынужден прислуживать всякой истеричной швали, сам при этом оставаясь на вторых, если не на третьих ролях.

«Что же, надо опять ловить нужный момент, — твердо решил для себя «герр доктор». — Иначе будет слишком поздно, и все мои планы и мечты так и останутся невоплощенными...»

Наконец такой долгожданный момент настал.

К весне 1944 года ему, как человеку здравомыслящему, стало ясно, что исход войны уже предрешен. Пусть Геббельс сколько угодно обманывает и немцев и себя. Пусть Гитлер продолжает шаманить на митингах. Кто-кто, а уж Крафке великолепно понимал все.

Интуиция подсказала ему, что именно сейчас его выслушают и поймут. Сунься он со своим проектом еще

полгода назад, несдобровать бы ему наверняка. Но сейчас можно не только попробовать осуществить свой замысел, но и под не вызывающим подозрений предлогом основательно пополнить личный счет в швейцарском банке. Крафке решил, что настало время записаться на прием к рейхслейтеру Мартину Борману.

После беседы Крафке еще раз возблагодарил небеса за дарованную ему интуицию. Ведь даже такой хитрый человек, как Борман, в первый момент среагировал на его идею так, что Крафке подумал было, что дни, а вернее, часы его сочтены. И лишь после долгих заверений и объяснений рейхслейтер наконец понял, о чем речь. Даже представить себе страшно, как среагировал бы без подготовки сам фюрер. Не только полгода назад, но и сейчас всемогущий фюрер, недолго думая, послал бы его в печь за «пораженческие настроения», так и не поняв, что именно в нем, в Крафке, единственное спасение.

Да, в Бормане он все-таки не ошибся. Однажды схватив суть, Борман соображал быстро. Подумав, он сам решил доложить и разъяснить фюреру содержание проекта. Крафке, конечно, согласился. И вот через несколько дней «герр доктор», облачившись по этому случаю в черный мундир, присутствовал на докладе рейхслейтера у «вождя нации».

С умелой подачи Бормана проект «Резерв 88» был принят к осуществлению. Рейхслейтер даже самолично посетил «сектор 88» в лагере, ознакомился с работами и остался доволен. А год спустя, когда воплощение проекта в жизнь уже шло полным ходом, даже нанес секретный визит в Южную Америку. С тех пор там и обосновался «герр доктор» Крафке со своим штабом, укомплектованным медиками и биологами, отобранными лично им, а также инженерами, строителями и архитекторами, рекомендованными рейхсминистром Шпеером

«для выполнения секретного задания», сути которого сам рейхсминистр не знал.

Особым же штандартом СС, приданным группе Крафке, командовал дослужившийся к тому времени до чина штандартенфюрера Йоахим Райхер, «отличившийся» в Югославии, Польше и на Украине. Так судьбе было угодно вновь свести их, правда, теперь уже надолго.

Тайные караваны судов под самыми различными флагами, охраняемые подводными лодками, доставляли на секретную базу в безлюдном районе Южной Америки грузы и людей. Использовать индейцев на строительстве сочли нерациональным. Они ничего не умели, да и быстро умирали от тяжелой работы. Заключенных привозили из лагерей сотнями. Когда они отработывали свое, их просто скармливали пираньям. Крафке даже неоднократно всерьез уверял Райхера, что сама природа предоставляет им прекрасный заменитель неуклюжих душегубок и дорогостоящих газовых печей.

— Нет, в самом деле, — любил повторять «герр доктор», когда после трудного дня они встречались на берегу протекавшей рядом с объектом реки. — Знаете ли, Райхер, а не лучше ли было бы построить посреди лагеря огромный бассейн или выкопать озеро, в котором плавали бы эти милые рыбки? Это было бы дешевле, да и гигиеничнее. Как вы думаете? — И, увидев, что Райхер, как всегда, насупленно молчит, продолжал разглагольствовать: — В будущем, пускай и не очень близком, когда вся Южная Америка станет окончательно нашей, пираньи будут одним из видов дани, выплачиваемой ею «четвертому рейху». Рыбе начнем скармливать рабов, а скелеты пойдут на костную муку для скота. Вы только посмотрите, как чистенько эти рыбки объедают тело. Обязательно будем использовать их в «четвертом рейхе»...

Райхеру оставалось только скрипеть зубами. Каждый раз, когда Крафке так спокойно говорил о падении

«третьего рейха» как о чем-то само собой разумеющемся, ему до боли хотелось всадить пулю в массивный лоб доктора. Райхер просто физически ненавидел всех этих интеллигентов и ученых. Для него они были такой же чуждой расой, как евреи. Но, как офицер СС, он обязан был подчиняться приказу, обеспечивать безопасность Крафке и выполнять все его распоряжения. И приказ этот мучил штандартенфюрера Райхера пуще самой страшной пытки.

Все корабли, идущие к ним, были тайно от экипажей минированы, в трюмах устанавливались баки с горючей смесью. Достаточно было короткого радиосигнала с борта конвойной подводной лодки, и корабль немедленно превращался в яркий факел. Всех же, кому удалось бы спрыгнуть в случае гибели судна за борт, капитанам подводных лодок приказывалось добивать. Секретность есть секретность, и союзное командование ни в коем случае не должно было проникнуть в одну из последних тайн агонизирующей гитлеровской Германии.

Десятого января 1945 года в берлинском крематории была установлена в погребальную нишу урна с пеплом. Табличка у ниши гласила: «д-р Эрнст Крафке. 1901—1945». Траурная церемония затянулась не слишком долго. Берлин сильно бомбили, и людей больше интересовали свои жизни, чем память об известном ученом...

Но десятого января 1945 года «покойный» доктор Эрнст Крафке вместе с Райхером встречал на берегу южноамериканской реки караван судов, которые привезли последнюю партию оборудования для секретного «проекта 88». Три конвойные подводные лодки доставили груз золота, ящики с архивными документами и группу людей в штатском, числившихся в Берлине либо пропавшими без вести, либо погибшими в боях и бомбежках...

Отныне к доктору Крафке будут идти только подводные караваны.

ДИСПУТ И ДИАЛОГ (10.4.2005 г.)

— Господин Карпов! Скажите, а как вы оцениваете отказ Хауза сотрудничать с вашей страной в столь важном международном проекте, как освоение минеральных богатств Мирового океана?

Вопрос этот выпалила патлатая девица в сильно заношенных джинсах, больших роговых очках и мятой клетчатой мужской рубаше навыпуск.

«Небось учится на факультете искусств, — подумал Сергей, пытаясь представить занятия девицы, открывшей диспут, — и пока учится, считает своим неременным долгом эпатировать публику как может. Ходит замарашкой, курит в открытую марихуану, меняет парней куда чаще, чем блузу. Все наверняка изменится, как только она получит диплом. Сразу же вспомнит, что из «хорошей» семьи с большим банковским счетом, остепенится, вместо марихуаны тайком начнет понюхивать кокаин, найдет себе либо пристойное денежное занятие, либо преуспевающего, денежного мужа. И в дискуссии раз и навсегда играть перестанет. Чего дискутировать-то зря, когда все давным-давно точно распределено: кому — ананас спелый, кому — гнилой.

А подтекст ее вопроса мне совершенно ясен. Задай его кто другой, скажем, вон тот, бородатый, серьезный, у него скорее всего подтекст был бы иной. А эта сейчас наверняка пустится во все тяжкие, в обычную левацкую пропаганду, которая за время работы здесь успела мне уже порядком надоесть. Ну, да посмотрим».

— Оцениваю как событие, достаточно интересное для освещения в печати, — постарался как можно нейтральнее ответить Карпов, решив дать девице свободу самой развернуть линию.

Прежде Сергей нередко горячился, и его не раз внезапно срезали вопросом с неожиданного угла. Теперь

стал опытнее, во всяком случае, надеялся, что стал. Приглашали его на такие диспуты довольно часто. Может быть, потому, что сам он не очень далеко ушел от студенческого возраста и молодежь могла разговаривать с ним чуть ли не на равных, а может быть, просто кто-то рассчитывал, что по своей молодости и неопытности Карпов наделает немало ошибок.

Но ему не хотелось уклоняться от приглашений, несмотря на бытовавшее мнение, что на студенческих диспутах все — либо сплошной треп, либо заведомая и сознательная провокация против Советской страны. Вопросы, которые звучали из рядов аудиторий, заполненных равнодушными молодыми людьми, помогали понять, что на самом деле американцы думают о своем будущем. По общей атмосфере встреч можно было судить об эмоциональном отклике, о том, насколько сократилась пропасть непонимания «русской души». Треп же, думал Сергей, умеючи всегда можно в интересное русло направить, а провокаций бояться — в лес не ходить. Пусть лезут, если уж им так хочется. Чем сильнее пытаются нас сбить, тем крепче держимся. А тем, кто этого до сих пор не понял, будем это объяснять сколько понадобится.

Ведь здесь, как это ни смешно, до сих пор о нас практически ничего толком не знают. Хотя и конфронтации давно нет, и «холодная война» позади, слава богу, уже много лет. И ездим друг к другу много и часто, и работаем вместе, и от нас сюда разные люди приезжают, даже вчерашние студенты вроде меня. И все равно, поскреби здешних как следует, сразу начинают лезть клише и штампы про нас почти вековой давности.

— А все-таки, как вы сами считаете, почему Хауз отказался? — продолжала стоять на своем девица в очках.

— Я, знаете ли, почти месяц усиленно пытаюсь получить ответ на ваш вопрос от самого Ричарда Хау-

за, — сдержанно улыбнулся Карпов. — Мне это и как журналисту интересно, да и просто по-человечески любопытно, так же, как, вижу, и вам. Но мистер Хауз продолжает упорно отказывать мне в интервью.

«Ничего, ничего, — успел подумать Сергей. — Здесь есть два репортера, один с радио, другой из «Виллидж Войс». Вот пусть они завтра и сообщат, что «советский парень из «Вестника» никак не может получить интервью у Хауза». Меня это ни к чему не обязывает, а на миллиардера все-таки нажим. Если, конечно, он читает «Виллидж Войс» и слушает радио...»

— Мы считаем поведение нашего соотечественника Хауза непатриотичным! — горячо воскликнула девушка. — Да, да, это непатриотично для американского промышленника — отказываться от участия в проекте, нужном США и всему миру! Русские зарекомендовали себя как надежные партнеры, и нам совершенно нечего отворачиваться от них, когда речь идет об общей пользе человечества!

«Вот тебе и на! — хмыкнул про себя Карпов. — А я-то думал, что совсем в другую сторону гнет. Спасибо тебе, девочка, за науку».

Не успел Карпов и рта открыть, как девице ответил понравившийся ему серьезный парень с бородой:

— Хауз абсолютно прав! Совершенно незачем давать русским то, чего они не смогут сделать сами. А то они нам рано или поздно совсем на голову сядут. И так чересчур мы по отношению к ним щедры.

Опять физиономистика подвела. Но дело принимает неприятный оборот. Пора отбиваться.

— Видите ли, друг мой, — спокойно начал Карпов. — Вы уж извините, но у вас восприятие несколько смещено в сторону от реального. Если позволите, то я объясню, что имею в виду...

— Нечего мне объяснять! — выкрикнул парень. —

Все совершенно ясно. Без нашей технологии вы с места не сдвинетесь!

«Дайте ему ответить!», «Пусть говорит русский!», «Не мешайте ему!», «Пусть выкладывает, какие из Москвы инструкции получил!» — вразной закричали из зала.

— Насколько я понимаю, вы уже студент, — так же спокойно продолжил Карпов, обращаясь к бородатому, — и должны знать элементарные вещи, известные даже школьникам. Современные производительные силы требуют интеграции. Интеграции в международном масштабе. Если бы это было не так, разве стала бы Америка торговать со всем миром? И мы тоже торгуем и кооперируемся, где можем.

Сейчас перед человечеством встают такие задачи, решить которые можно только сообща. Это первое. Второе — не следует забывать, что у себя в стране мы и раньше и сейчас всегда были способны производить все, что нам нужно. На сегодня экономически более целесообразно развивать кооперацию — не затрачивается время на изобретение велосипеда.

Третье — мы против замкнутости не только по экономическим, но и по политическим причинам. На земле сейчас мир, но мир этот, к нашему сожалению, еще достаточно хрупок. И не затем столько поколений добивалось его, чтобы он пал жертвой корыстных устремлений отдельных стран или экономической нищеты других. И коли будет интегрированная мировая экономика, обеспечивающая развитие всех ее участников, значительно укрепятся и основы мира.

Не следовало бы вам забывать и четвертое. Мы не так остро нуждаемся в добыче минералов со дна морского, как некоторые другие страны. Нас природа и на суше не обделила. В одну шестую часть земной поверхности, на которой мы живем, она заложила достаточно много, так что мы еще довольно долго можем обходить-

ся и без подводных разработок. Поэтому-то, кстати, и оборудованием, аналогичным тому, что выпускает концерн Хауза, занимались не очень активно и практически не выпускали его.

Но проект «Океан» мы считаем необходимым именно потому, что он нужен всему человечеству для общего блага. По этим же причинам и хотим в нем участвовать. И оборудование Хауза — это для нас тот самый велосипед, изобретать который нам совершенно ни к чему, коль скоро он уже есть на рынке.

Проект «Океан», от которого так высокомерно отвернулся Хауз, необходим в интересах глобальной экологии, и прежде всего нужен самим Соединенным Штатам, не раз уже страдавшим от последствий хищнических действий монополий. Пыльные бури, заболачивание Великих озер, загрязнение воздуха в растущих масштабах. И вряд ли стоит напоминать, что процессы добычи и обработки руды угрожают окружающей среде, несмотря на все природоохранные меры.

Есть еще один, думаю, немаловажный для американцев момент. Наши заказы на заводах Хауза — это тысячи рабочих мест для безработных. Так кому это нужнее — вам или нам?

Теперь я хочу ответить еще на один вопрос, который мне здесь задали. Получаю ли я инструкции из Москвы. Так вот, я получил их вчера...

В зале вдруг стало тихо, хотя еще секунду назад, после ответа Карпова бородатому парню, раздавались довольно громкие смешки. Сергей усмехнулся про себя, представив еще один газетный заголовок: «Русский выкладывает инструкции Кремля!»

— ...от отца, — договорил он, весело окинув взглядом зал. — Правительство наше, вы уж извините, занято более серьезными делами, чем писать письма репортеру «Вестника» и заниматься его инструктажем...

Реакция в зале была смешанной. Кто-то откровен-

но хохотал, кто-то недовольно фыркнул, но большинство просто продолжало слушать.

— А вот папа до сих пор беспокоится, как бы я чего не натворил без его ведома. А ездят ли в Америку беспартийные? Да почему же нет! — спокойно продолжал Карпов. — Сейчас в Нью-Йорке гостит настоятель московской Елоховской церкви. И вчера я брал у него интервью.

После слов Карпова в зале тут же раздался смех со свистом. Сергея это не смутило, так как он уже знал, что свист здесь не всегда означает, что аудитория не согласна с говорящим. Обычно, наоборот, это подтверждает, что все хорошо.

— Ну а что до меня лично, — подождав, пока не успокоятся, продолжал Карпов, — я уже одиннадцать лет в комсомоле, а по убеждениям — коммунист...

Потом говорили о чем угодно — о музыке, о кино, о футболе, о молодежной моде...

Вечер после этого диспута Сергей Карпов провел дома, так как устал и идти ему никуда не хотелось, да и работать тоже. Он слушал музыку, играл с компьютером в шахматы. Но мысли его все время возвращались к диспуту.

«Вот бы поговорить обо всем этом с Конни», — вдруг подумал он неожиданно для себя. Внутренний голос было попытался опять одернуть его: «Она небось не знает, где Москва-то находится, а ты к ней со своей философией. Да и зачем это нормальной здоровой красивой стопроцентной американке, секретарю большого босса из большой фирмы? У нее ведь совершенно другие интересы в жизни».

«А ты откуда знаешь? Опять пробавляешься стереотипами? — сразил Карпов этот вечно сомневающийся голос. — Мало тебе сегодняшней девицы в очках и парня с бородой?»

БЕРНАРД ХАУЗ
(18.6.1920 г.)

Отцу Бернарда Хауза сверкнула однажды улыбка фортуны, но сразу же померкла. Он сумел «сделать» сто тысяч «зелененьких» на нефтяном буме 1905 года в Техасе. Но друзья-собутельники помогли ему быстро спустить денежки.

Все это маленький Бернард знал лишь по рассказам, так как родился в канун 1906 года, неожиданный и нежеланный, в деревянном ветхом домишке в Хьюстоне. Нельзя сказать, чтобы жизнь слишком уж баловала парнишку. Отец, преследуемый сладкими воспоминаниями о своем недолговечном счастье и распаленный постоянными упреками жены, занимался только тем, что строил поистине фантастические планы немедленного обогащения. Но из них, разумеется, ничего не выходило. Мечты так и оставались все время лишь мечтами.

Однако иных разговоров, кроме как о том, что вот-вот, осталось еще совсем немного, и они опять станут сказочно богатыми, Бернард никогда в доме не слышал. И его вечно злило, что разговоры эти так и оставались только разговорами. Отец же его куда чаще искал утешение в бутылке, чем в работе.

Бернард, ставший к четырнадцати годам крепким и сильным подростком, решил сам взяться за дело. Вот уже полгода, как он работал подмастерьем, а вернее, мальчиком на побегушках у чужака, обосновавшегося не так давно в неказистой, покосившейся хибаре на окраине городка. Никто не знал даже его настоящей фамилии, так как представлялся он всем одинаково: буркал себе под нос короткое и недружелюбное «Джек», а потом хмуро спрашивал, зачем пришли.

А приходили к нему многие, так как руки у этого сумрачного Джека были золотые. Он мог починить все, что угодно, от кофейной мельницы до шестизарядного

кольта. Кстати говоря, и то и другое всегда было незаменимыми предметами быта истинных техасцев.

А хьюстонцы — люди деловые и вечно занятые — никогда особенно и не интересовались, что Джек творит у себя в хибаре, половину которой он превратил в мастерскую. Просто приносили заказы, объясняли, что надо сделать, потом на следующий день забирали починенную вещь, расплачивались и убирались восвояси.

Так что интересовался этим самым Джеком — и не зря! — только его молодой подмастерье, мальчик на побегушках Бернард Хауз.

Работая у себя в мастерской, Джек частенько приказывал Бернарду принести бутылочку-другую маисовой и не беспокоить его потом, пока он сам не выйдет. Бернард в это время должен был приводить в порядок жилую половину, где всегда царил хаос не меньший, чем в мастерской. А закончив уборку, принимался на маленьком верстаке выполнять мелкие заказы: лудить, паять, клепать. Если же работы не было, что случалось довольно редко, ему надлежало спокойно сидеть и ждать дальнейших распоряжений.

Распоряжения эти, как и манера хозяина отдавать их, страдали некоторым единообразием. Чаще всего неожиданно раздавался грубый рев, смешанный с проклятиями и воплями, из которых Бернард мог разобрать только, что у хозяина опять чего-то не получается. Потом с треском распахивалась дверь и вылетала пустая бутылка из-под маисовой. Чуть погодя появлялась лысая голова Джека, приказывающего «паршивому и ленивому ублюдку» принести еще одну, но не порожнюю.

Бернард был весьма самолюбивым и вспыльчивым подростком, но он молчаливо терпел все. Почему? Да потому, что, обладая недюжинной природной технической смекалкой, понял — потерпеть стоит. Он уже не раз проникал в запретную часть мастерской, когда

Джек в пьяном беспамятстве валялся на полу, и прекрасно разобрался, над чем так настойчиво работает этот полуспившийся самородок.

В те далекие времена весь богатый нефтью Техас мечтал только об одном — об инструменте, способном проходить через твердые скальные породы, как сквозь масло... И Джек как раз и изобретал мелкозубчатую коронку для бура, сулившую революцию в нефтедобывающей промышленности.

И Бернард терпел, терпел и ждал. Ждал, снося грубость, все оскорбления, придирки и даже нередко и зуботычины. А дожидался он только одного — того дня, когда этот чертов пьяница Джек закончит свою работу.

В томительных ожиданиях прошел еще год. И вот однажды холодным осенним вечером Джек вышел из своей мастерской. Да, да, на этот раз он именно вышел, а не вылетел, как обычно, изрыгая в порыве гнева проклятия. Мало того, бутылку обожаемой маисовой, почти полную, он нес в руке вместо того, чтобы вышвырнуть ее за дверь пустой.

— Мальчик мой, — тихо сказал Джек, и Бернард тут же насторожился, потому что впервые за прошедшие полтора года хозяин назвал его «мальчиком», а не «ублюдком», «паршивым койотом», «вонючим лодырем» или «недоношенным проходимцем».

— Мальчик мой, — повторил он. — Ты можешь идти домой. И не приходи завтра. Если хочешь, поиграй с приятелями, отдохни. Мы заслужили отдых, мой мальчик. Завтра я уеду и вернусь только через несколько дней. Что будем делать дальше — там посмотрим. Сейчас же, мой дорогой, принеси мне, пожалуйста, еще бутылочку маисовой и ступай...

Маисовую в этот раз Бернард нашел довольно быстро. Правда, потом пришлось сделать небольшой крюк, чтобы забежать за стрихнином, давно припасенным в укромном месте. Джек даже не обратил внимания на

задержку подмастерья. К его возвращению он был уже изрядно пьян. Отдав маисовую, Бернард попрощался и, уходя, окинул взглядом ведерную бутылку керосина, которую давно приметил в углу.

...Вдоль старого, покосившегося забора мелькнул еле уловимый человеческий силуэт. Тяжелые плотные тучи надежно закрывали луну, и на земле ничего не было видно даже в двух шагах. И в светлую-то ночь мало бы кто отважился проходить мимо разваливающейся хибарки ворчливого Джека, стоящей на отшибе, а уж в такую-то погоду к ней никто бы не приблизился ни за какие деньги. Человек, проскользнув к хибаре, боязливо оглянулся по сторонам, тихо прокрался к двери и склонился над замком.

Конечно, пьяный Джек вряд ли закрыл засов изнутри, но если и сделал это, беда невелика — несколько раз мазнуть обмокнутой в клейстер кистью по окну, приложить к нему заранее подготовленную газету и затем аккуратно выдавить стекло. Все было продумано Бернардом с учетом опыта не один раз виденных им гангстерских фильмов. Но ничего подобного делать ему не пришлось. Дверь спокойно подалась. В жизни оказывается все гораздо проще, чем в кино.

Джек валялся на полу посередине мастерской. По позе было ясно, что он из последних сил пытался доползти до стола, на котором лежало единственное его сокровище — изобретенная им коронка для бура.

...Пожар заметили не сразу, и пока полусонные соседи добежали до хибары Джека, тушить было уже нечего. От нее остались одни головешки. А на следующее утро обгоревший труп опустили в наспех вырытую могилу, старик пастор пробурчал себе под нос что-то невнятное, так как все равно никто толком не знал, какого Джек был вероисповедания, и хьюстонцы потянулись со своими кофемолками и кольтами к другим мастерам.

Смерть чужака, по пьянке спалившего свою лачугу и погибшего при пожаре, не была для них событием, заслуживающим большого внимания.

Джонатан Кэрби, по прозвищу «грэйвдиггер», был пьян. И не просто пьян, а пьян невероятно, мучительно. Последнюю неделю он занимался тем, что усиленно оправдывал свою кличку и теперь, как сказали бы на полстолетия позже, «снял стресс», или, как выражались в те патриархальные времена, пытался «залить совесть».

В Хьюстоне безглаголиво поговаривали, что молодому тридцатилетнему владельцу юридической конторы как-то не пристало самому марать руки о черномазых. Во всяком случае, настолько, чтобы заслужить кличку «грэйвдиггер» — «гробокопатель», или для друзей попросту Джон Дигги. Так, по крайней мере, считали дамы. Их мужья, правда, подобной безглаголивости не разделяли и на каждом заседании ложи клана восторженным ревом приветствовали Джона Дигги, когда тот зажигал ритуальный крест. И Джон усердно оправдывал доверие друзей.

Но на этот раз он и сам понимал, что несколько переусердствовал. Три линчевания и три приличных негритянских погрома за одну неделю — это, что ни говори, утомительно. Так и бизнес может прийти в упадок, если столько времени тратить на стороне. В ложе начали ворчать. Пришлось всех временно распустить.

«Так с чего же у нас на прошлой неделе началось? — вспомнил Джон Дигги. — Ах да, тот грязный ниггер целых два раза подряд не сказал Уолту Монтгомери «сэр». А какое, интересно, ты право имеешь, черномазый, не говорить белому человеку «сэр»? Эдак ты еще подумаешь, что и сам не хуже белого. Ну а раз не хуже, значит, ты ему почти что ровня. А коли

ты ему ровня, то так ты еще и за белыми женщинами ухлестывать начнешь! Бить их, бить черномазых, чтоб им даже думать неповадно было!..»

Он припомнил, как «белые рыцари» маршем вышли в сторону негритянских кварталов, неся зажженный крест и распевая: «Берегись, ниггер, к тебе идет «грэйвдиггер». Очень уж была по душе Джону эта песня.

«Да, а второго черномазого линчевали еще по более веской причине, — опять принялся рассуждать Джон Дигги. — Он ведь, мерзавец, совсем обнаглел. Это же надо заявить, да еще во всеуслышанье, что господь наш Иисус Христос кровь свою пролил за всех грешных, то есть как за белых, так и за черных. Оно, конечно, если тщательно разобраться, то господь-то наш тоже личность сомнительная, и эти римские легионеры поступили правильно, что пустили кровь ему самому. Но какое ты имеешь право, черная твоя морда, о таких вещах рассуждать? Вот и проливай свою собственную кровь на кресте, раз ты так о грешниках печешься. Вот именно — печешься, правильное слово, здорово мы его тогда вместе с крестом подпекли.

А уж третий-то черномазый совсем вовремя подвернулся! — Джон Дигги даже застонал, вспомнив, как они стояли друг против друга в темном переулке над истерзанным трупом Нэнси Буллит, известной всему городу потаскухи. — Да, свела нас тогда судьба... Во время подвернулся черномазый... Нэнси, какая бы она ни была, а все равно белая женщина, и давать всяким ниггерам белых женщин в обиду никто не позволит! Что-то в таком духе орал я потом на собрании ложи».

Джон улыбнулся, вспоминая все это, и снова потянулся за бутылкой.

В дверь робко сунулась старая негритянка Стелла, с детства служившая в семье Кэрби. Как ни страшно ей было жить в доме клановского «дракона», но куда же

денешься! Да и вообще, своих-то слуг масса Джон не обижал. Ну, прибьет разок-другой, так ведь отлежится и жива. Зато другие клановцы не трогают, боятся нанести ущерб хозяйскому добру. Вот молодым служанкам, конечно, труднее, не дает им масса Джон проходу. А она все равно уже старая, ей бояться нечего...

— Масса Джон, — тихонько позвала Стелла, — к вам тут какой-то молодой джентльмен...

— Исчезни, старая выдра! — зло рывкнул Джон Дигги. — Жить надоело?

— Он говорит, масса Джон, что у него есть что-то важное. А коль не примете, говорит, в полицию пойдет...

— Что?! — У Джона Дигги от удивления глаза на лоб полезли. — В полицию? Это кто же смеет так со мной? Да я его сейчас!..

Но тут же обмяк. В затуманенном виски мозгу мелькнуло подобие трезвой мысли и сразу же исчезло. Однако этой маленькой искорки сознания было достаточно, чтобы решить посмотреть на всякий случай, кого это принесло к нему.

— Пусть войдет! — вяло приказал он.

Через минуту в дверях появилась личность, назвать которую «молодым джентльменом» могла только старуха Стелла, да и то с большого перепугу. В доме Джона Дигги каждый белый должен был именоваться «джентльменом», если о нем говорил негр. Даже если это был полуграмотный скотовод или последний алкоголик.

Перед Кэрби стоял рослый парень лет пятнадцати на вид, в поношенной одежонке и стоптанных башмаках. Войдя в гостиную, он шагнул грязными башмаками на ковер, вытер рукавом нос и внимательно посмотрел на хозяина. Взгляд у него был далеко не детский. Пронзительные бледно-голубые, почти бесцветные глаза с точками зрачков захватили блуждающий взор хозяина и сковали, не отпуская. Парень смотрел на Кэрби и молчал.

— В чем дело? — резко спросил Джонатан Кэрби,

которого уже начал раздражать взгляд этого странного юнца. — Что ты там болтал насчет полиции? И зачем ты вообще сюда приперся? — поспешно добавил Кэрби, вдруг сообразив, что задать надо было именно этот вопрос, вместо того чтобы спрашивать о полиции.

Парень все так же молчал.

— Говори, ну! — взвизгнул Кэрби, начиная трезветь от охватившего его недоброго предчувствия.

— Мистер Кэрби, — разлепил плотно сжатые губы парень. — У меня к вам дело.

— У тебя ко мне? — недоверчиво спросил Кэрби.

— Да, у меня к вам. Я хочу, чтобы вы через свою юридическую контору помогли мне запатентовать одну штуковину. Стоящую штуковину, сами увидите. И вы внакладе не останетесь. Мне самому нельзя — я еще несовершеннолетний. Эти гады могут облапошить за здорово живешь. Все они такие, никому нельзя верить. — И парень сплюнул на ковер.

— Да я тебя!.. — взревел Кэрби и, шатаясь, поднялся с дивана, но парень и бровью не повел.

— Тише, мистер Кэрби! — сказал он спокойно. — Нечего вам зря шуметь, вы уж мне поверьте. Я вам ведь еще не все сказал.

И Кэрби замер на месте.

— Вы ведь тоже меня облапошите, потому что вы такая же сволочь, как и все остальные. — И парень снова сплюнул. Было в его тоне что-то, заставившее Кэрби слушать его молча.

— Вернее, облапошили бы, не знай я того, что о вас знаю. — И парень усмехнулся.

— И... и что же ты... что же ты обо мне знаешь? — выдавил наконец Кэрби.

— Знаю, что это вы убили Нэнси Буллит, а ниггер просто случайно шел по переулку и подвернулся вам под руку. Вы ведь с Нэнси давно путались, мистер Кэрби, она вам сказала, что у нее будет от вас ребенок, и

требовала пятьсот монет, грозила, что закатит скандал. А вы ведь жениться собираетесь, мистер Кэрби. Я все слышал, мистер Кэрби, и видел все. Она сказала, что написала письмо вашей невесте. А вы потом ее уже мертвую обыскали и письмо нашли. Только малограмотная она была, мистер Кэрби, писала еле-еле, с ошибками. Так что она только черновик написала и пришла с ним к Джеку, к хозяину моему покойному. Хозяин его начисто и переписал. Она ему часто маисовую таскала, почитай, кроме нее, у него и души-то ни одной толком знакомой не было. Жалел он ее, что ли. А может, она его. Ну, Джек-то, он умер, значит, сгорел, а черновик я припрятал. Никуда вы не отвертитесь, мистер Кэрби, хоть вы в клане и «дракон». Джеффи Робертсон давно на ваше место метит, он вас страсть как не любит...

Бернард не зря столько времени ошивался в мастерской Джека. Ведь техасцы почесать языками не дураки, а на парнишку кто ж будет обращать внимание...

— Так что вы не ерепеньтесь попусту, мистер Кэрби. Если вы мне чего такое сделаете, этот черновик все равно в полицию попадет. Я его одному парню дал и попросил завтра отправить. А если договоримся, то я его сегодня заберу.

Кэрби рухнул обратно на диван.

— Да вы не сомневайтесь, мистер Кэрби. Я к вам со всем уважением, по-хорошему, потому как вы — настоящий джентльмен. Вы мне две «косых» за черновик отвалите да штучку мою на мое имя запатентуете, а там не пожалеете. Мы еще друг другу сгодимся, мистер Кэрби, поверьте, здорово сгодимся.

В последующие пятьдесят лет патент на коронку для бура принес хозяину — Бернарду Хаузу, числившемуся в документах ее изобретателем, 746 миллионов чистой прибыли. Его наличные расходы на реализацию

изобретения составили: пятьдесят центов на стрихнин, два цента на коробок спиче десять центов на изготовление клейстера и десять центов на газету. Маисовую для Джека всегда отпускали в кредит, ну а керосин у него был свой. Нетрудно подсчитать, что 746 миллионов дохода было получено с затраченных семидесяти двух центов, из которых, как оказалось, двадцать были потрачены зря. Бернард долго не мог их забыть.

Нет, у Бернарда Хауза не было никакого дяди-миллионера. Но он сумел не упустить своего случая. А дальше эффективно «выжимал» деньги из всего, что могли ухватить его длинные цепкие руки. А ухватить они умудрялись очень многое.

ДЖЕРАЛЬД ФИНЧЛИ (16. 4. 2005 г.)

Мне просто необходимо было отвести душу. Признаться честно, из джунглей Таиланда я выбрался с трудом. Да и какое там выбрался — насилию ноги унес. И это в наше время, когда обстановка в каждой стране мирная, само сознание людей, казалось бы, привыкло к новому образу жизни, я вынужден был бежать... Да, это я — старший инспектор Спецотдела по борьбе с наркотиками Совета Безопасности ООН, Джеральд Финчли. Вот уж не подумал бы никогда, что где-то со мной такое может случиться.

Такого дела не было еще в моей весьма обширной практике. Мы наткнулись на очередную базу «пушеров», торговцев наркотиками. Перед операцией обязательно требовалась обстоятельная разведка, чтобы, разгромив базу, не оборвать ведущие от нее дальше концы. Без этого об успехе дела и говорить было нечего.

А в результате погибли двое моих талантливых сот-

рудников, а Гарсиа Фернандес, мой заместитель-венецуэлец, лежит в бангкокском госпитале с простреленным легким. Я тащил его на себе по джунглям пять миль, пока нас не заметили с патрульного вертолета. Базу, разумеется, успели эвакуировать прежде, чем туда прибыл десант. В общем и целом операцию я завалил.

Шеф пытался убедить меня, что все дело в редчайшем совпадении: кто же мог предположить, что Фернандеса опознает один из его соотечественников, оказавшийся там. Но мне от этих душеспасительных разговоров не становилось легче.

И единственное, чего мне хотелось, когда я покинул кабинет начальства, — это увидеть Сергея Карпова, симпатичного парня из России, с которым мы познакомились год назад, когда редакция «Вестника» прислала его освещать одну из наших операций.

Живи мы в печальной памяти времена Джо Маккарти, Гарри Трумэна, дружба с этим человеком наверняка вышла бы мне боком. До сих пор ведь в глазах многих наших «блустителей устоев» русский «оттуда» — чужак, подрывной элемент, источник зла. А я, коль скоро с ним дружбу веду, — потенциальный предатель.

Нас всю жизнь учили бояться, а мы не хотели жить в страхе. Нас учили ненавидеть, а мы не хотели ненависти. Нас готовили к войне, а мы не хотели воевать. Ведь мы, американцы, народ дружелюбный и общительный. Даже, говорят, иногда чересчур. И загонять свою общительность, свое любопытство к жизни других, свое стремление сделать с ними бизнес в навязываемые узкие рамки «национальной безопасности» нам всегда обходилось себе дороже.

Есть у каждого народа свой характер. Я чту наши национальные устои и традиции не меньше любого другого, но почему мы должны разрешать узколобым мракобесам держать монополию на интерпретацию на-

ших традиций? Это же не производство стирального порошка. Многим моя служба в органах ООН не по душе, многие у нас эту организацию не жалуют, считают, что миру была бы полезнее главенствующая роль США, а не форума международного сообщества.

Интересный он парень, Сергей Карпов. Совершенно непохож на привычный мне тип репортера: больше слушает, чем говорит, неназойлив, к людям проявляет неподдельный интерес, а не стремится просто выжать из них информацию для сенсационного материала.

Девицы при его появлении млеют. Другой на его месте с такой внешностью только и знал бы, что романы крутить: рост под два метра, в плечах, как у них в России говорят, косая сажень волнистые темные волосы, голубые глаза, открытое, приятное, чуть наивное лицо... Но наивность его весьма обманчива — язык у парня остер как бритва. Двумя-тремя словами он может дать человеку убийственную характеристику, но делает это нечасто. Однажды объяснил полущутя-полусерьезно: «Язык — мое оружие. Оружие же без нужды в ход не пускают».

Нравится мне этот Карпов, и все тут. Я бы, конечно, мог перечислять его достоинства долго, может быть, нашел бы и недостатки. Даже наверняка нашел бы. Но стоит ли копаться в человеке, если он твой друг... Другей у меня, конечно, и без Сергея хватает. Но вот бывают случаи, когда хочется повидать именно его. Почему? Из-за той его черты характера, которую сами русские зовут «душевностью». А что это такое? Знать-то я знаю, но вот объяснить... Эх, заразная же это штука — «загадочная русская душа»! И прилипчивая. Вот так пообщается с ними нормальный деловой американец и, глядишь, сам становится «загадочным», что твой Достоевский.

В фиолетовом полумраке нашего излюбленного бара я сразу же увидел Сергея. Он уныло сидел за стой-

кой спиной к двери и лениво потягивал что-то через соломинку. Уныние выражала вся его спина, облаченная во всепогодный пиджак из темно-коричневой кожи, державшийся у репортеров, несмотря на все превратности моды, ставший своего рода униформой. Пил он наверняка апельсиновый сок со льдом. Вряд ли молоко, его он любит не меньше, но на людях пить стесняется. Тоже мне, журналист...

Однако слишком уж он размяк. Я тихо подкрался к нему и рывкнул прямо в ухо:

— Привет, Сергей!

Карпов инстинктивно попытался увернуться, но не успел и чуть не слетел со стула от ласкового, дружеского прикосновения моей полицейской лапы.

— Вы не могли бы вести себя более пристойно, инспектор Финчли, тем более в общественном месте? — сухо спросил он, снова устраиваясь на своем насесте. — А то от ваших дружеских приветствий мне придется преждевременно выйти на пенсию по инвалидности.

— Ничего, — усмехнулся я. — Зато будет много свободного времени, сумеешь роман о нашем СОБН написать. Тема модная, так что роман с радостью опубликуют. А полгонорара отдашь мне. За идею.

— Знаешь, Джерри, при нашей первой встрече ты произвел на меня впечатление интеллигентного человека, — буркнул Сергей. — Как я мог так ошибиться?

— А меня в тот раз сильно контузило, — засмеялся я, устраиваясь на табурете рядом с ним и заказывая оживившемуся бармену два виски. Карпов возражать не стал, думаю, из уважения ко мне. — И от встряски всплыла на поверхность вторая половина моего «я» — личность ученого-астронома, которую в обычных условиях вытесняет и подавляет личность полицейского.

Я когда-то действительно был астрономом, это чистая правда. Жил в небольшом уютном городишке, где была крохотная, но удобная обсерватория, писал кни-

гу, которая, может быть, и была никому не нужна, но само написание которой доставляло мне удовольствие и возвышало в собственных глазах. Мне тогда даже в голову прийти не могло, что в моем заштатном городке орудует целая шайка торговцев наркотиками, что скоро я переквалифицируюсь на ловца этих контрабандистов.

Контрабандистов привлекло мое положение ученого-астронома и репутация человека несколько не от мира сего плюс авторитет капитана нашей городской футбольной команды, добившейся всеамериканской известности, что, как они считали, могло принести пользу бизнесу. Но скорее всего их устраивало сочетание всех этих факторов, вместе взятых. Предложение, что и говорить, мне сделали заманчивое. Но не по адресу. По молодости лет я вспылил, решил покарать злодеев, добиться торжества справедливости и обратился в полицию, прихватив с собой в порядке вещественных доказательств двух сопляков, которые сунулись ко мне с этим заманчивым предложением. А шеф нашей местной полиции и почти весь его персонал, как выяснилось несколько позже, именно на них и работали. Вернее, на их хозяев.

В итоге после того, как я получил три пулевых и одно ножевое ранение и чудом остался жив, местную полицию и местную мафию посадили в одну и ту же тюрьму, поскольку, на мое счастье, в дело вмешался СОБН. Но главари ушли. Тогда я еще не понимал того, что, увы, чересчур хорошо знаю сейчас, — им служит не только местная полиция, да и не одна только полиция.

У нас ведь обычно что получается: накрываем мы где-то периферийное звено, громим отдельную базу, но вытянуть и размотать всю цепь целиком не можем. Кто-то умело рвет ее, как только мы беремся за дело слишком рьяно. Рвет и запутывает следы. Вот потому-то я так и расстроился сейчас, завалив операцию, — каза-

лось, выпал очень нечастый в нашей работе случай зацепиться за что-то основательное, да не тут-то было.

А следы наши враги запутывают очень умело, устраняя при этом наиболее активных наших сотрудников, зачастую получая о них информацию намного оперативнее и полнее, чем мы о своем противнике. Не исключено, что прямиком из наших досье и папок. Так что и в своем собственном отделе я отнюдь не всем целиком и полностью доверяю. Не думаю, чтобы кто-нибудь хотел так работать.

Сергей мне как-то сказал по этому поводу:

— Беда ваша в том, что рубите вы сучья, и иногда даже довольно эффективно. Щепки летят с шумом и треском. Но сучьев много; и со всеми вам не справиться, если не срубить ствол под корень. А этого вам никто не разрешит.

Я было взвился:

— Как так не разрешит? У нас свободная страна, и людям давно уже надоело, что молодежь, их детей травят всяким зельем. Ты только посмотри, какая поднялась кампания борьбы против наркомании: врачи добровольно дежурят в специально оборудованных больницах; учителя пытаются занять подростков, чтобы отвлечь их от всяких уличных шаяк, где процветает наркомания; общественные организации создают специальные фонды помощи жителям бедных районов, где особенно активно орудуют «пушеры». Известно ведь, что в безысходной нищете час искусственного блаженства, купленный за пятерку, иногда кажется единственным выходом. Мы боремся с этой заразой и справимся с ней...

— А «пушеры» ходят за вами по пятам и стреляют вам в спину, — хмыкнул Сергей. — Все деньги, друг мой, деньги. Я от души желаю вам успеха, ты же знаешь. Но в корень бить вам все равно не дадут, потому что в корне — деньги, как ты сам лучше меня знаешь, деньги большие, чтобы от них так запросто отказать

ся. Торговля наркотиками давно превратилась в хорошо поставленный бизнес. И, по данным ООН, дает своим организаторам больше прибыли, чем вся космическая промышленность.

Русские подо все стремятся подвести социальную базу. Но... За годы службы в СОБН я уже привык, что в Совете Безопасности наша организация получает больше поддержки от Советского Союза, чем от американского правительства. Вот и задумаешься поневоле.

В бытность свою астрономом я как-то по-другому на эти вещи смотрел. Ну не парадокс ли — обрести философский взгляд на жизнь, переквалифицировавшись из ученого в полицейского!

Хотя всерьез я начал об этом задумываться, еще когда отлеживался в госпитале после крушения моей башни из слоновой кости, крушения иллюзий о независимости академической жизни от суеты мирской и грез о безмятежном существовании среди друзей в тихом городке с его обсерваторией, библиотекой и спортивными площадками.

Задумался потому, что потерял Боба — давнишнего своего друга, коллегу и соратника по этим самым спортплощадкам, который за большие деньги стал связником бандитов. Он-то и порекомендовал им начать обрабатывать меня. Как знать, может, по-своему он о моем благе и заботился — как же, заработал сам, дай заработать и другу. Да и о чем тут особенно рассуждать, если в засаду, из которой я чудом ушел еле живой и не ушел бы вообще, если бы не счастливое стечение обстоятельств, заманила меня Кэт, на которой я хотел прежде жениться. Но что поделаешь, если очень уж она любила меха и бриллианты.

Мы с Сергеем молча сидели бок о бок за стойкой, потягивая виски. Хорошо, когда есть человек, с которым можно вот так просто помолчать. Даже от души отлегло.

— Как у тебя дела? — спросил я наконец, заказав нам еще по бокалу.

— Дела как сажа бела, — вздохнул мой русский приятель, помешивая лед в бокале.

Беседуя, мы обычно «меняемся языками» для практики — я разговариваю по-русски, он по-английски. Но сейчас он тоже говорил по-русски, из чего мне нетрудно было сделать вывод, что мой друг действительно чем-то изрядно огорчен. Я так не привык видеть этого здорового русского парня растерянным или опечаленным, что даже забыл о своих собственных заботах.

— Так что же у тебя стряслось? Главный редактор статью зарезал? Или ты проиграл в шахматы любимому партнеру? — пошутил я.

Карпов любит шахматы. С друзьями он играет охотно, потому что знает: им интересно с ним играть. Но когда ему хочется помериться силами с достойным противником, играет со специальным шахматным компьютером повышенной сложности. За год всего одну партию ему проиграл и ужасно расстроился. Живем мы в компьютерный век, но Карпов считает, что машина никогда не должна стать интеллектуально сильнее человека. Или, вернее, человек не должен стать интеллектуально слабее компьютера. По его мнению, логика и быстрота мышления компьютера должны лишь все время подстегивать человека, держать в постоянной рабочей форме мыслительные способности, напрягать и тренировать их.

— Ну, признавайся, еще раз продул своему железному ящику? — засмеялся я и стукнул его слегка по плечу.

Он отрицательно качнул головой и продолжал молчать. Это мне совершенно не понравилось. Необходимо было его расшевелить.

— Неужто... — я сделал страшные глаза, — Сергей

Карпов совершил предосудительный поступок и теперь стыдится показаться на глаза соотечественникам?

— Единственное, что есть предосудительного в моем поведении, это дружба с тобой, — вздохнул Сергей. — Мало кто из моих соотечественников понимает, как я могу дружить с человеком столь низкого интеллектуального уровня.

— Ладно, не злись, я больше не шучу, — миролюбиво сказал я.

— Нет, почему же, если выйдет остроумно — я не против, — пробурчал он. — Только не очень верится, что у тебя получится.

— Сережа, что же случилось? — спросил я уже серьезно.

— Дали мне тут одно задание... — начал он, теребя галстук. — Думал, управлюсь, перед шефом щегольну, и все такое... А получилось совсем не так, как хотелось. Меня послали взять интервью у Хауза...

«У Хауза? — тут же мелькнуло у меня в голове. — Ничего себе... Интересно, на какую тему они должны были беседовать?»

Сергей в лицах принялся рассказывать мне обо всем, что с ним произошло дальше.

То, что Хауз «тянет резину», Сергей заподозрил сразу, когда была отложена заранее согласованная встреча. Нет, ему не отказали, а вежливо попросили перенести встречу на более удобное для мистера Хауза время. То же самое повторилось и во второй раз. А когда это произошло и в третий, он все окончательно понял. Сергей поинтересовался, когда же наступит это «удобное время», ему посоветовали позвонить через месяц.

— Это еще не конец света! — засмеялся я.

— Ведь я самонадеянно, как мальчишка, заявил шефу, что уже добился согласия на встречу и через два дня сдам срочный и нужный материал, — вздохнул Сергей.

В редакции Сергей самый молодой, коллеги его — опытные, цепкие профессионалы, и он боится показаться слабаком.

— Хауз не хочет меня принимать, — продолжал Сергей. — Но почему? Что ему от меня скрывать?

— Крупному бизнесмену всегда есть что прятать от прессы!

Мы помолчали. Почему Хауз так странно повел себя? Совсем на него не похоже. Ведь рекламу он любит. Тратит на нее огромные деньги, а сейчас отказался от бесплатной. Только ли из-за подводных разработок? Вряд ли. У миллиардера есть какие-то основания отказываться от интервью русскому журналисту.

А может, рассказать Сергею кое-что об этом Хаузе? Хотя я должен держать все в тайне, но Сергей меня не подведет.

— Слушай, а ты самого-то Хауза когда-нибудь видел? — спросил я.

— На экране и в газетах — тысячи раз, — пожал плечами мой приятель. — А в чем дело?

— Личность он колоритная. Богат до неприличия, а взгляни на него — одет как обычный служащий. Дед у него, Бернард Хауз, был скряга. Но Ричард Хауз не такой. Общителен, любит приемы. И высок, чуть седой, имеет изысканные манеры, но способен и на ковбойскую грубость. Одет просто, но если достает из кармана зажигалку, то она обязательно золотая, хотя сделана будто из меди.

— Зачем ты рассказываешь мне это? — Сергей отодвинул фужер, собираясь покинуть стойку. — Я и сам кое-что знаю о Ричарде Хаузе.

Я эффектно допил виски. Сергей тоже отхлебнул немного и от неожиданности поперхнулся.

— Фу, Джерри, как ты глотаешь, — он потер себе пальцами горло и пристально взглянул на меня. — Уж не хочешь ли ты помочь мне встретиться с Хаузом?

— А почему бы нет? — мне было приятно подсмеиваться над Карповым. — Денег таким, как Хауз, всегда не хватает. А мне кое-что о нем известно. Не зря же я ишу и ловлю торговцев наркотиками?.. У Хауза все куплено. И полиция, и сенаторы, и даже кое-кто в Интерполе. И в нашем СОБН у него тоже есть свои люди, а они делают так, что он якобы никакого отношения к торговле наркотиками не имеет...

Я насладился удивлением, которое выражало розовое лицо моего русского друга и сделал знак бармену, чтобы он принес еще виски. Сергей отрицательно покачал головой.

— Все, что я сейчас сказал, известно лишь мне, двум моим сотрудникам и начальнику нашего СОБН. Да теперь еще тебе.

— Почему не Совету Безопасности? — насторожился Сергей. — Он же преступник.

— Тише, Сережа, — я постучал пальцем о краешек стойки, — у Хауза везде свои люди: и в правительстве США, и в ООН, и в Совете Безопасности, и у нас в СОБН. Мы зашумим. Он быстро заметет следы и на нас же подаст в суд. У нас с тобой не хватит денег расплачиваться... Вот если бы получить неопровержимые доказательства...

Мы оба таращились друг на друга. Для Сергея выглядят преступления многие из тех операций, которые в Америке воспринимаются как обычная деловая практика. Даже элементарную свободную торговлю он считает спекуляцией. Но Хауз занимается кое-чем не дозволенным даже в мире бизнеса.

— Только держи язык за зубами, — еще раз напомнил я. — Хауз отказался дать тебе интервью. Не случайно. Он почему-то нервничает. Ты бы мог нам помочь... Если тебе проявить журналистскую настойчивость... Ты обладаешь куда большей свободой действий по отношению к Хаузу, чем любой из наших журнали-

стов. Сотрудник ооновской газеты, да еще к тому же и советской. У Хауза руки коротки достать тебя...

— К чему клонишь? — насупился Карпов.

— Риск большой. Мне не очень-то хотелось бы тебя впутывать, но, пожалуй, никто больше не сумеет... Пока отложим этот разговор...

— Как знаешь. — Сергей отодвинул в сторону свой фужер. — Я готов тебе помочь! — И вдруг он улыбнулся. — А что за нацистскую организацию накрыли в Латинской Америке твои коллеги?

В одной южноамериканской стране агенты Интерпола, который теперь подчинен СОБН, вышли неожиданно для себя на подпольную типографию, печатающую нацистские листовки. При ней обнаружили склад с эсэсовскими формами: Пятьдесят штук — и все с иголки.

Карпов не прерывал моего рассказа.

Министерство внутренних дел страны, о которой идет речь, закрыло представительство СОБН и Интерпола, мотивируя свое решение тем, что работники ооновской полиции нарушили целый ряд пунктов соглашения ее правительства с ООН, регламентирующего порядок их деятельности на данной территории. А еще два дня спустя местные полицейские перевозили в легковой машине из одной тюрьмы в другую троих молодых, арестованных в этой типографии. В эту машину на улице города кто-то всадил два снаряда из базуки. Все разнесло в клочья.

На чердаке, откуда стреляли, нашли базуку и надпись на стене: «Смерть нацистским последышам!» И все. Больше никаких следов.

— Странная история, — проговорил Карпов. — Нацисты, эсэсовские униформы... Откуда они взялись? Интересно, дадут мне туда визу?

— Попробуй, ты же ничего не теряешь.

Мы долго еще сидели в баре, но в разговоре больше Хауза не касались, хотя оба думали о нем.

КОРОЛЬ И НАСЛЕДНИК (3.2.1995 г.)

К 1995 году, в канун девяностолетнего юбилея, Бернард Хауз, прозванный за свою особую, непонятную большинству конкурентов, да и просто всякой мелкоте и обывателям манеру вести дела и за некоторые «оригинальные» личные привычки Невидимкой, «стоил» ни много ни мало — около восьми миллиардов долларов.

Жил он в полнейшей изоляции то на купленном им острове в Атлантическом океане, то в специально выстроенных для него домах-крепостях в Багаме, Акапулько, Лондоне и Лас-Вегасе, где у него были не только свои заводы, но и игорные и публичные дома.

Со своими секретарями, юристами и советниками Хауз общался только через стеклянную стенку, прикладывая к ней записки с инструкциями. Количество персонала, общающегося с боссом непосредственно, сократилось лишь до пяти человек. Одним из этих пяти был внук Хауза Ричард, единственный оставшийся в живых прямой наследник старика. Его отец, сын Бернарда Хауза, много лет назад погиб в авиационной катастрофе при весьма странных, вызывающих некоторые подозрения обстоятельствах.

Ричард и был тем человеком, к кому знаменитый Невидимка снизошел до личной беседы в начале 1995 года.

Старик допустил к себе Ричарда, но приказал охране облачить своего внука в специально доставленный и несколько раз заранее продезинфицированный... космический скафандр! И велел разговаривать с собой по радио.

Перед дедом на столике стоял небольшой микрофон, а на голове красовались наушники.

Бернард Хауз по-старчески пожевал дряблыми губами:

— Ричард, по пустякам я не стал бы встречаться

с тобой... Я стар, болен, и долго мне уже не протянуть...

Внучек понял, что разговор сейчас пойдет о завещании.

— О, да что вы, сэр...

— Заткнись! — зло проворчал старик. — Мне не нужны твои вздохи!

Ричард счел за лучшее помолчать.

— Тебе уже тридцать пять лет. Ты — мужчина в расцвете сил и единственный, в ком течет моя кровь. — Старик устало замолчал. Могло показаться, что он уснул.

Ричард просто обливался потом и думал со злостью:

«Наверняка люди этого помешанного на экономии старого скупердя купили по дешевке подержанный скафандр, у которого кондиционер перестал работать лет десять назад. Его бы самого в это идиотское испорченное изобретение — блеск конструкторской мысли пятнадцатилетней давности, — сразу бы отправился к праотцам. Больше двух минут уж точно не выдержал бы».

— Хотя наследство можно завещать не только кровной родне, — очнулся Бернارد Хауз. — И такие случаи нередки. Но ты уже получил кое-какую власть в моей империи...

Ричард невольно усмехнулся выпренному слову, но неуместная усмешка тут же сползла с его лица. А как еще назвать все то, что создал за свою жизнь этот проклятый старик? Он на корню скупал республиканцев и демократов, отечественных министров и иностранных, клерков и королей, горничных и президентов. И каждый из них в нужную минуту сослужил ему службу. Такого могущества не было ни у одного императора прошлого.

— ...Ты много знаешь. Но своих главных тайн я тебе не раскрывал. Сегодня же я вынужден посвятить тебя во все мои секреты. Дело в том, что...

Ричард застыл и даже затаил дыхание в предвкушении откровения.

— Я купил себе... бессмертие, — тихо произнес Бернارد Хауз, посмотрев на внука, как тому показалось, с иронической улыбкой.

«Спятил, — мелькнуло у Ричарда в голове. — Все-таки девяносто лет старику».

— Не беспокойся, я в здравом уме и твердой памяти. А бессмертие — тот же товар, только дороже прочих. Теперь я могу купить *историю* и сделать с ней все, что хочу, — с расстановкой проговорил старик, пристально глядя на внука, но выражения его лица за начавшим запотевать стеклом скафандра различить не смог.

«Нет, все-таки он окончательно рехнулся, — подумал Ричард. — Что же теперь делать?»

— Еще десять лет назад я приказал своим медицинским институтам решить проблему пересадки моего мозга в молодое, здоровое, сильное мужское тело, — доносился до Ричарда голос деда, ворочавшегося в кресле. — Пять лет спустя врачи заявили, что такая операция пока полностью невозможна. И я уволил всех, кто работал по этой программе, нанял других ученых. К счастью для себя, — Бернارد Хауз зловеще улыбнулся, — они отнеслись к моим приказаниям более серьезно. Медикам на основе всех собранных научных сведений удалось составить программу для головного компьютера моего вычислительного центра. Затем компьютеру задали вопрос: когда станет возможной пересадка мозга? Ответ был неутешительным для меня: только через двадцать пять лет, то есть в 2020 году.

Ричард крикнул в скафандре:

— Да, но ведь...

— Совершенно верно, — кивнул старик. — Двадцать пять лет — срок весьма долгий для моего возраста. Поэтому я и вызвал тебя сюда. В тебе течет моя кровь, кровь Хаузов. Ты сделаешь все, что я прикажу.

За это будешь щедро вознагражден. Ну а если же ты ослушаешься... — Пауза была красноречивее слов. Старик устало вздохнул. — Сейчас я нажму кнопку, и кресло, в котором ты находишься, опустится этажом ниже. Там найдешь на столике папку. Прочтешь все бумаги, лежащие в ней. А я тем временем немного отдохну. Через два часа я верну кресло вместе с тобой обратно сюда, и тогда мы продолжим...

Через несколько мгновений Ричард сидел в том же кресле, но уже за столом в небольшой комнатке без окон, в которой ничего, кроме этого стола, и не было. Подняв стекло шлема и утерев пот с лица ладонью, Ричард открыл лежащую перед ним черную кожаную папку и принялся за изучение подшитых и пронумерованных листов, на которых была запечатлена история «империи» Хауза...

А началось все с того, что нюх опытного воротилы уловил интересную тенденцию среди мафиози — старые «семейства», накопившие немалые средства налетами на банки, торговлей спиртным в годы «сухого закона», содержанием публичных и игорных домов, пытались обрести респектабельность. Им необходимо было легализовать миллионы, «выйти на поверхность», и они входили в союзы с промышленниками, банкирами, политиками.

Но после того как первые биржевые начинания мафии довольно быстро лопнули, встретив глухую оппозицию капиталов Хауза, «крестные отцы» поняли, что здесь конкуренции им не выдержать, что разбой и в подметки не годится деловой хватке «честного бизнеса». Приходилось перестраиваться и, отчасти сохраняя свое, работать все же на Хауза. Однако понимание этой необходимости пришло к ним не сразу. Поначалу Вено Джакомо, король мафии Нью-Йорка, решил «проучить» Бернарда Хауза. Полсотни отборных головорезов готовились штурмовать поместье в Неваде, где, по данным его разведки, находился в то время Хауз. Велико же

было изумление Джакомо, когда всего за день до операции ФБР накрыло его резиденцию под Нью-Йорком. Ближайший помощник и друг с детских лет, Марио Косой, прежде чем застрелить Джакомо, сказал:

— Ты извини, Вено, но нет другого выхода. Или я тебя, или же они меня. Не удивляйся, я ведь теперь работаю у Хауза.

И Джакомо было чему удивляться в свой предсмертный миг. ФБР терпело его пятнадцать лет и исправно получало за молчание мзду. Но терпение ФБР лопнуло тут же, как только Джакомо захотел поднять руку на самого Хауза. Акции фирмы Хауза стоили куда больше, чем наличные мафии.

Этот урок пошел впрок гангстерам, конечно, а не банкирам. Одно «семейство» за другим начало капитулировать перед императором. А бравые молодцы Джакомо, отобранные в свое время для нападения на поместье Бернарда Хауза в Неваде, стали его гвардией. И тогда-то в руки Хауза перешла изрядная доля организованной торговли наркотиками. Но даже среди самых высокопоставленных чиновников его империи мало кто был ознакомлен с информацией, переданной Хаузу Марио Косым. Он поведал миллиардеру, что в операциях Джакомо, охватывающих и Азию, и Африку, и Европу, и Америку, активно участвовали люди нацистского подполья. Они старались прибрать к рукам контроль над сетью в Европе и в Азии и уже замахивались на Америку.

Так перед Бернардом Хаузом встала проблема, требующая неотложного решения...

Н-да, трудно сразу переварить такую информацию. Практически новость для Ричарда состояла только в одном: что Марио использовал в своих операциях нацистское подполье. Но она стоила всех остальных фактов, вместе взятых, тем более если учесть, как Бернард Хауз с ним управился.

Именно сейчас Ричарду не помешал бы хороший глоток бурбона... Он с досадой пнул носком облаченной в ненавистный скафандр ноги стол. Закурить и то нельзя, зажигалка и сигареты остались в пиджаке.

Человек сугубо деловой, старый Хауз презирал нацистов. Одобряя в принципе их методы и цели, он все же считал большинство из них, особенно вождей, бездарными истеричными людьми, демагогами, авантюристами. Из всей нацистской своры он видел цену разве что только в эсэсовцах. От таких кадров, как Скорцени, Бернард Хауз в любое время не отказался бы. Для черной, естественно, работы.

Из документов в черной папке Ричард узнал, что нацистское подполье семидесятых годов интересовало деда потому, что где-то отсиживались главари, хранящие ключи к несметным тайным вкладам «третьего рейха» в швейцарских банках. Но, кроме интереса к нацистским деньгам, думать о них заставляла и необходимость. Он понимал, что наци было просто не по зубам «семейству» Джакомо, чего покойный никак по своей самонадеянности осознать не мог. И поэтому наци могли спокойно копить силы, чтобы захватить охотничьи угодья Джакомо в самих Соединенных Штатах и этим полностью поставить под контроль торговлю наркотиками. Добившись этого, они получили бы в свои руки огромный источник доходов, а дальше — мощное оружие политического влияния.

Люди Хауза разрабатывали сложную операцию несколько лет. Тайно собирали информацию, устанавливали адреса, решали, кого оставить в живых и взять в дальнейшем на службу. Так что дел им хватало с лихвой, всё они готовили тщательно и кропотливо.

Потом решительно, быстро и эффективно, как и всегда, провели эту операцию, которую сам старик иронически назвал «Неделей длинных ножей». «Ножи» работали одновременно и в Европе, и в Азии, и в Америке, и

в Австралии. Главарей перерезали, остальных прочно, как и требовал Хауз, взяли под контроль, заставив работать на нового хозяина...

Много над чем мог еще поразмышлять Ричард Хауз, продолжая листать «Историю» Бернарда Хауза. Тут на стене вспыхнул красный сигнал, и внук, чертыхнувшись, еле успел опустить стекло шлема, прежде чем снова предстал перед дедом.

КОННИ ПАРКЕР
(7.5.2005 г.)

Вдруг поймала себя на том, что жду звонка Сергея Карпова. Странно, я недавно знакома с этим русским парнем, а уже привыкла к нему и его частым звонкам. Сказать по правде, когда после своих неудачных попыток встретиться с «Его величеством» он вдруг подкараулил меня на улице и пригласил на представление гастролирующего в Нью-Йорке Московского цирка, я отнеслась к этому как к обычной попытке репортера разработать источник и получить необходимую информацию. Кого же еще в таком случае окрутить, если не молоденькую дурочку секретаршу! Что же, вроде бы самый подходящий вариант. Я ведь все уловки этих газетчиков знаю настолько хорошо, что просто вспоминать не хочется...

Именно поэтому-то я сначала резко и холодно отказалась. Ведь в данном случае я была на улице, и значит — сама себе хозяйка и не обязана мило улыбаться журналистам и клиентам фирмы. Но в глазах у этого крупного уверенного парня вдруг появилось такое детское выражение боли и обиды, что я даже растерялась.

— Как вам удалось достать билеты? — спросила я, когда мы уже ехали в такси. — Весь город просто с ума

сошел, только о цирке и говорят... Билеты на представления перекупают за бешеные деньги...

— Мне очень хотелось провести с вами вечер, — улыбаясь, ответил он. — Зашел к директору труппы и сказал: «Помогите соотечественнику, совсем пропадая на чужбине! Встретил американку, которую ничем не проймешь и не удивишь».

— А вы советский?

— Да, я представляю в нашем «Вестнике» Советский Союз, — улыбнулся он.

«Наверное, именно поэтому босс и отказался его принять!» — подумала я.

Мелькнула у меня тогда мысль, не лучше ли сообщить о своей неожиданной встрече с советским журналистом мистеру Джонсону, начальнику службы нашей внутренней безопасности, но я передумала.

Я сидела в гостиной и смотрела на молчащий телефон. Что же он не звонит? Как он может?

Да что же это я? Неужто опять, как зеленая девчонка, влюбилась в журналиста! И это после истории с Моррисом!

Моррис был предупредителен и настырен. «Ах, Конни, вы просто прелесть!» И приглашал в бар, а потом и в свою квартиру. Я догадывалась, чем может все кончиться, когда он в загородном мотеле стал подробно расспрашивать меня о Хаузе, о его делах, о персонале, о порядках в конторе. И это ночью, под самое утро... Но я так любила его, что, хоть и поняла, что он из меня просто-напросто информацию выкачивает, пыталась убедить себя не верить в это. Он журналист, у него работа такая, он должен уметь в любых условиях необходимую информацию добывать. Иначе кто же его в газете будет держать?

И я уверяла себя, что сначала он просто видел во мне удобный подход к Хаузу, при котором можно еще и совместить приятное с полезным, но потом по-настоя-

щему полюбил меня. Я хотела помочь Моррису в его работе. Но Моррис, выведав, что надо было, перестал мне звонить. Я все еще надеялась на что-то, верила, что можно вернуть того, прежнего Морриса. Я преследовала его звонками, пока не поняла: все кончено...

Шесть больших очерков Морриса о Хаузе уничтожили мои иллюзии. К счастью, босс не догадался, от кого узнал Моррис подробности о его персоне. Хауз в целом был даже доволен этой публикацией. Я ничего плохого о нем не рассказала.

Сергей сильный, умный, добрый и открытый, неловко подозревать его в нечестности. Мне хорошо с ним. По газетам и кино я представляла себе русских совсем другими. Вечно насупленными, подозрительными, холодными... И по моим прежним представлениям, они должны были сторониться американских девушек, а не ухаживать за ними. А нравлюсь я ему совершенно определено. Хотя опять привычное слово тут не подходит.

Нравлюсь-то я многим, мужские взгляды ловлю на себе часто. На меня даже сам босс поглядывает, хотя романы с сотрудницами не в его правилах. А человек он привлекательный, всегда аккуратный, подтянутый. Прямо с рекламы или из фильма. Разговаривает-то как — голоса никогда не повысит. Сплошная вежливость, хотя и проглядывает сквозь нее жесткость и властность. Недаром все у нас за глаза называют Ричарда Хауза «Его Величеством», что ему, разумеется, давно известно. Но он молчит. А раз молчит, значит, нравится ему это. И ведь действительно, что ни говори, «Его Величество» — и богатства хоть отбавляй, и внешность в самый раз.

Богатство... богатство... Конечно, меня не во все посвящают, но я знаю достаточно, чтобы понимать: не все дела чисты у босса, не все деньги — от честного бизнеса. Слишком много у него тайн, и от многих. Хотя, кто его знает, может быть, мне все это только кажется.

Да и кто выживет в нашем мире, не сохраняя своих тайн — коммерческих в том числе.

Вспомнить страшно те бесконечно долгие месяцы безуспешных поисков места после коммерческой школы. А ведь закончила я ее блестяще и никак не думала, что основным источником пропитания станет знание стенографии и абсолютная память, не раз выручавшая меня во время учебы. Когда мной вдруг заинтересовался Хауз и предложил через своего сотрудника стать его личной секретаршей, я согласилась, почти не раздумывая. И дело было вовсе не в магии имени. Десятки отказов от фирм, куда я посылала свои предложения, лишили меня многих надежд, но уверенность в собственных силах не уменьшилась, и справиться с работой секретарши для меня не составляло труда. Ну еще, может быть, решение подстегнуло любопытство — фигура Хауза манила своей загадочностью.

Но вот кого я здесь терпеть не могу, так это Реймонда Сандерса — начальника личной канцелярии и любимца Ричарда Хауза, — это он тогда и приходил меня нанимать. Противный человек. Весь какой-то скользкий, явно себе на уме. Я даже иногда думаю, что все дела вершит за спиной «Его величества» именно он. И этот самый Сандерс еще и равнодушен ко мне.

«Ах, Конни, Конни, Конни... Не хотите ли провести со мной уик-энд в Париже? Или в Венеции? Или вас больше устроит сафари в Африке?..» Нужен он мне со своим сафари!

Пришлось мне ему несколько пощечин влить, чтобы в себя пришел, остыл. Подействовало, из приемной пульей вылетел, хотя и пообещал перед уходом, что так просто этого не оставит.

Да, это вам не тихоня Сергей. А ведь мы с ним ездили уже на пикник в Нью-Джерси, да и дома он у меня был, вспомнить только! Два дня назад, провожая меня из театра, он дошел со мной до самой двери в кварти-

ру и начал вежливо раскланиваться, убедившись, что все в порядке и меня не ждут грабители.

Я предложила ему зайти ко мне выпить кофе, и он так робко согласился, что я чуть не расхохоталась. Что им, операцию, что ли, делают, прежде чем отправлять за границу? Он просидел битый час на ковре подле моей тахты, смотрел на меня грустными преданными глазами и — можете себе только представить — читал стихи! Да их мне в жизни никогда никто не читал! А знаете, сказать начистоту, мне это понравилось. Это очень даже хорошо, когда женщине читают стихи.

Что же он не звонит, черт его возьми! Ну а что будет, когда он позвонит? А тогда... да один только бог знает, чем все это может кончиться. В одном лишь я уверена: что бы ни случилось — я никогда об этом не пожалею.

Почему же все-таки Хауз так упорно уклоняется от встречи с ним? Босс, конечно, не девушка, у него другие критерии, но... Но раньше я такого за ним не замечала, он всегда охотно принимал журналистов.

Наконец-то телефон зазвонил. Я не подошла, а просто рванулась к телефону, как будто после одного или двух звонков Сергей мог повесить трубку, решив, что меня нет дома.

— Что же ты так поздно?

— В редакции задержался, — виновато звучал его голос. — Получал очередной нагоняй от редактора.

— Ну ладно, потом расскажешь. Что ты предлагаешь предпринять сегодня?

— Честно говоря, еще не знаю, — признался Сергей. — Как-то не было времени подумать.

— И не надо думать, — уверенно сказала я. — Все уже решено за тебя. Ты сейчас, просто немедленно, приедешь ко мне в гости. И не вздумай отказываться. Надо было звонить раньше, тогда, может, что-нибудь бы и придумали. А теперь уж слушайся меня.

Если бы он позвонил и на три часа раньше, все равно я ничего изобретать бы не стала. Но ему-то совершенно необязательно знать об этом.

— Да я и не собираюсь возражать, — смущенно ответил он. — Жди, сейчас приеду!

Приготовить что-нибудь на скорую руку, когда полон холодильник, труда не составляло. Руки резали овощи, терли сыр, накрывали на стол, мысли же вертелись вокруг одного — сказать или не сказать Сергею, что через день я поеду на неделю, если не больше, на Остров, принадлежащий Хаузу. С одной стороны, вроде бы можно признаться. Но завтра-то я еще буду здесь. Так что, пожалуй, успею.

Остров... И зачем я там понадобилась? Сказали мне только, что там будет какое-то совещание, и я могу потребоваться — обычного штата секретарш не хватает. Кто его знает, может быть, это и так. Но я не очень-то люблю туда ездить, хотя там все шикарно, по высшему разряду.

И яхты, и пляж, и большая вилла для гостей, и теннисный корт, и зверинец, и все, что угодно. Главное же — это гигантский вычислительный центр, электронный мозг всего хаузовского бизнеса. Мозг, который наверняка знает то, о чем я даже и не догадываюсь. Мозг, без которого, как я думаю, Хауз никогда не стал бы столь могущественным. Мозг, на который босс израсходовал просто огромные деньги, но никогда не пожалел и не пожалеет об этом.

И все-таки не из-за этого электронного монстра я не люблю Остров. Просто там везде чувствуется хозяин. Да, да, именно хозяин-властитель. Там, и только там, наш милый миллиардер-плейбой позволяет себе быть тем, что он представляет собой на самом деле — «Его величеством». Посторонним на Остров въезд запрещен. И охраняется Остров военными катерами.

И этот мерзкий старый козел Сандерс обязательно там опять начнет приставать ко мне...

Рассказать про Сандерса Сереже? Он бы его взял за воротник двумя пальцами и... Я встала с тахты и пошла на кухню, чтобы взять из холодильника бутылку «Пепси». И в это время раздался звонок в дверь. Ну наконец-то... Наконец... Наконец...

КОРОНАЦИЯ

(1.4.1996 г.)

Подруливая к стоянке, Ричард Хауз глянул на циферблат электронного календаря, установленного над приборной доской. «1 апреля 1996 года». Всего лишь год с небольшим понадобился деду Бернарду, чтобы привести в порядок свои дела, поставить Ричарда под надежный, по его мнению, контроль и уйти дожидаться 2020 года, нового тела и вожеленного бессмертия.

«Спи спокойно, дорогой дедуля! — с улыбкой подумал Ричард. — Наверное, от старости стал ты таким наивным, что вознамерился управлять мною из-под земли. Отгородился стеклянными стенками не только от микробов, но и от нас грешных. Роскошь, непозволительная даже императору».

Захлопнув дверцу машины, Ричард неторопливо огляделся по сторонам. У подъезда мрачного серого дома, в котором с 1935 года размещалась известнейшая в стране респектабельная юридическая фирма, лениво прохаживались двое парней из его личной охраны.

«Да, дедушка, не подозревал ты, что у меня уже четыре года существует своя разведка и своя личная охрана, — посмеялся про себя Ричард. — Впрочем, ты многого не знал. В том числе и того, сколько причитающихся тебе миллионов уплыло в мои карманы...»

Согласно плану операции внутри дома находится еще

шестеро его людей. Под видом посетителей, почтальонов, рассыльных. Если переговоры не увенчаются успехом и стороны не поймут друг друга, то делом займутся его ребята. Реймонд Сандерс — младший совладелец конторы, не единожды оказывавший Ричарду тайные и весьма высокооплачиваемые услуги, — выполнил задание и на этот раз, сумев вовремя ознакомиться с секретными инструкциями старого Хауза и принять кое-какие меры, не поставив о них в известность главу компании.

«Сегодня ведь первое апреля! — осенило вдруг Ричарда. — Вот выйдет шутка на славу! Жаль, рассказать некому. Однако пора и на коронацию. На второй этаж, где почтенные юристы сейчас вложат мне в руки скипетр, хотя сами пока и не подозревают об этом...»

Грузный седовласый джентльмен восьмидесяти лет, глава фирмы Дэвид Томз, вежливо, но без должного, как считал Ричард, почтения указал ему на кресло перед своим столом:

— Прошу, мистер Хауз.

По сторонам стола сидели брат хозяина Джордж и младший совладелец фирмы Реймонд Сандерс.

— Мистер Хауз, — продолжал Дэвид Томз, дождавшись, пока секретарша расставит чашки с кофе и выйдет, — я имел честь пригласить вас сюда для того, чтобы огласить письмо-инструкцию вашего деда Бернарда Хауза, одного из самых уважаемых клиентов нашей фирмы. Попутно хотелось бы отметить, что иметь дело с мистером Бернардом Хаузом всегда было приятно. И я, и мои партнеры восхищены мудростью, прозорливостью и великодушием этого замечательного человека, согласившегося на рискованный эксперимент во имя прогресса науки и общественного блага.

Ричард удержался от усмешки. Если девяностолетний миллиардер пытается купить себе новую жизнь, это теперь называется «радеть прогрессу человечества»!

— Мы польщены, — монотонно продолжал Томз, —

что он избрал именно нашу фирму, чтобы следить за неуклонным соблюдением своей воли. Здесь, — он поднял пухлый, запечатанный сургучом пакет, — лежат тщательно продуманные и, смею вам заметить, с моей помощью подготовленные инструкции. Прежде чем зачитать их полностью, я хотел бы изложить вам суть в нескольких простых фразах, лишенных нашего юридического крючкотворства.

Содержание инструкций вашего деда сводится к следующему: ученые его медицинских фондов и институтов разработали технику искусственного летаргического сна. Благородный Бернард Хауз решил подвергнуть риску самого себя и лично провести практический эксперимент. Не сомневаюсь, что когда-нибудь человечество по достоинству оценит величие его души.

Ваш дед приказал своим ученым поместить себя в специальную камеру жизнеобеспечения и разбудить в 2020 году. Вас, внука Бернарда Хауза, он назначает управляющим своими делами на период отсутствия. Бумаги, которые я намерен сейчас огласить, излагают все это юридическим языком с соблюдением определенных мер предосторожности, рассчитанных, позвольте сказать откровенно, на то, чтобы интересы Бернарда Хауза к 2020 году никак не пострадали и чтобы, воспрянув от сна, он без помех и каких бы там ни было препятствий сумел бы вновь принять бразды правления.

«Да, яснее не скажешь, — подумал Ричард. — Все продумано до мелочей для того, чтобы я не смог узурпировать власть. Не предупреди меня вовремя Сандерс...»

— Бернард Хауз, достойный гражданин и глубоко порядочный член общества, — нудно гудел Томз, — всю жизнь чтил общественное мнение. Хорошо известно, что свои предприятия он рассматривал как общественное достояние и поэтому всегда охотно информировал о своих планах и замыслах как держателей акций — совладельцев, так и широкую общественность. Исходя из этой

принципиальной политики, мистер Хауз распорядился разослать в редакции ведущих газет сообщение о задуманном эксперименте. Нет сомнения, что миллионы читателей во всем мире будут с нетерпением ждать 2020 года и приветствовать возвращение героя, послужившего науке, а следовательно, и им всем...

«Попробовал бы я хоть пальцем пошевелить, — снова подумал Ричард, — публика разорвала бы меня на куски. Ну ничего, покажу же я им сейчас».

— Выполняя волю Бернарда Хауза, — со скучной торжественностью бубнил Томз, — мы отправили сообщение в газеты в ту минуту, как вы вошли в этот кабинет. Когда вы — управляющий делами Хауза и его внук — покинете кабинет после нашей беседы, вас с энтузиазмом встретит толпа репортеров, жаждущих подробностей. А сейчас позвольте мне взломать печати и огласить официальные документы.

— Не трудитесь, мистер Томз, — добродушно сказал Ричард, доставая сигареты.

«Теперь придется, пожалуй, перейти на сигары, — ухмыльнулся про себя Хауз. — Или, может, императору больше пойдет трубка от Данхилла? Подумать только, какая чушь лезет в голову в самые серьезные минуты!»

— Простите? — недоуменно поднял брови Томз. Его брат встрепенулся в кресле. Лишь Реймонд Сандерс, стоя за спиной Томза, сохранял спокойствие.

Ричард неторопливо прикурил от настольного «ронсона» и с удовольствием затянулся. Нет, все-таки к сигаретам он привык больше, а для сигар нужны спички, вечно они теряются...

— Мистер Томз, надеюсь, вы обратили внимание, что я в трауре? Мой любимый дед Бернард Хауз, которому я стольким обязан, неожиданно скончался на своем острове в Атлантическом океане и незамедлительно был кремирован согласно письменной инструкции, давно пе-

реданной им своему персоналу на случай внезапной смерти. Я прилетел в Нью-Йорк сегодня утром из Испании, где проводил свой отпуск и откуда меня вызвали в связи со смертью деда. — Ричард раскрыл плоский портфель-«дипломат», извлек из него пухлый, запечатанный сургучом пакет и передал его по-прежнему невозмутимому Сандерсу.

— Здесь, — продолжил Ричард, — с удовольствием передразнивая оторопевшего Томза-старшего, — лежит тщательно продуманное и, смею заметить, с моей помощью составленное завещание, которое мой предусмотрительный дед Бернард Хауз передал вашей фирме на хранение еще пять лет назад, будучи в здравом уме и твердой памяти. Не так ли, мистер Сандерс?

— Что?! — выдохнул Томз.

— Совершенно верно, — прогудел младший совладелец. — Вы, мистер Томз, показали мне этот пакет сегодня утром, достав его на моих глазах из сейфа, и поручили пригласить мистера Ричарда Хауза сюда, чтобы сообщить ему последнюю волю его почившего деда. Поэтому я и позволил себе несколько подредактировать текст сообщения, отправленного по вашему приказанию в газеты, как только мистер Ричард Хауз переступил порог этого кабинета. Боюсь, что мистер Хауз так потрясен смертью своего горячо любимого деда, что вряд ли будет в состоянии отвечать на вопросы репортеров. Щадя его чувства, я предложил бы ему покинуть здание через черный ход и воспользоваться моим автомобилем.

Оба Томза лишились дара речи. Они смотрели вытаращенными глазами то друг на друга, то на Сандерса, то на Ричарда Хауза.

— Мистер Томз, — обернулся Ричард к почтенному юристу, продолжая передразнивать его. — Прежде чем вы вскроете печать и зачтете мне завещание моего деда полностью, я хотел бы изложить вам его суть в не-

скольких простых фразах, лишенных вашего юридического крючкотворства. Старый альтруист умер, упокой, господи, его бессмертную благородную душу, и все оставил мне. Пакета же, которым вы только что размахивали перед моим носом, вообще никогда не существовало в природе. И выбирайте: либо вы и ваш братец будете работать на меня, либо я с удовольствием сделаю с вами то, что более полусотни лет назад мой дед сделал с вашим предшественником, Джонатаном Кэрби, когда тот имел неосторожность стать ему поперек дороги.

Старый Томз прекрасно знал подробности событий, развернувшихся в 1944 году, когда Джон Дигги впервые почти что за четверть века службы Хаузу осмелился проявить прыть. Старый Томз сохранил об этих событиях весьма живые воспоминания, поскольку принимал в них самое непосредственное участие.

Поначалу многие знакомые почтенного мистера Кэрби удивлялись странным отношениям, сложившимся между солидным юристом, независимым и богатым техасцем, к тому же одним из вождей могущественного в те годы ку-клукс-клана, и вдвое младшим его годами подростком. Но Кэрби старательно исполнял свою роль юридического консультанта при Хаузе без права решающего голоса, которого, впрочем, среди слуг Хауза никто не имел. Обучать Хауза законам он так и не смог. Да и ни к чему они были Хаузу, эти самые законы, нищий он, что ли! Но вот манипулировать ими Кэрби его научил. Нюансы Кэрби всегда улаживал сам, за что и получал недурное вознаграждение.

Хауз быстро богател, жалованье так же быстро росло, и деньги держали Кэрби куда прочнее шантажа, да сгубила его самая что ни на есть вульгарная жадность. Теперь, считал он, настала его очередь прикидывать, сколько содрать с Хауза за документы, лежащие в абонированном Кэрби сейфе швейцарского банка. Десять

миллионов? Пятнадцать? Сто? Сколько отвалит Хауз за подробно документированный отчет о сделке, заключенной им через третьи страны и десятые руки? В результате этой аферы гитлеровское военное командование получило огромную партию нефти и марганца.

Американским промышленникам заниматься подобным бизнесом с врагом не запрещалось. Возбранялось только попадаться на нем. Момент же для Кэрби выдался особенно благоприятный.

Даже деньги и связи не помогли бы Хаузу уйти от электрического стула, попади на страницы газет достоверные документы, изобличающие его. Ведь он был человеком, поставившим горючее для немецких танков, чуть не опрокинувших англо-американские войска в Арденнах.

Кэрби все рассчитал и предусмотрел, кроме одного. Он сгорел дотла вместе со снятым им домиком на берегу Женевского озера за день до того, как намеревался отправить к Хаузу курьера с письмом.

На место покойного «грэйвдиггера», выкопавшего самому себе могилу, заступил молодой проныра Дэвид Томз, его в эту могилу и столкнувший. Это он известил Хауза о замыслах Кэрби.

Подавать сигнал охране не пришлось. Обменявшись взглядом с молча кивнувшим братом, Дэвид Томз положил пакет с инструкциями Бернарда Хауза в раскрытый портфельчик Ричарда, закрыл его и сказал:

— Примите наши соболезнования в связи с кончиной вашего деда, уважаемый мистер Хауз, и разрешите вскрыть завещание и огласить последнюю волю покойного.

Реймонд Сандерс невозмутимо стоял за спиной Томза. Кресло главы фирмы перестало интересовать его окончательно и бесповоротно еще вчера, когда новый «император» Ричард Хауз назначил его начальником своей личной канцелярии.

СТОЯН ГАНЕВ
(5.5.2005 г.)

Человека, известного в розданных агентам СОБН ориентировках под кличкой Джекобс, инспектор Стоян Ганев заметил в международном аэропорту Нюрнберга совершенно случайно. Узнал его Ганев по приметам, перечисленным в той же ориентировке. Фотографией Джекобса СОБН не располагал, но Джеральд Финчли, с трудом унося из джунглей ноги и раненого Гарсиа Фернандеса, успел все же многое и многих рассмотреть.

Однако после разгрома базы «пушеров» войсками безопасности ООН Джекобс как в воду канул и больше нигде не всплывал. По крайней мере, до сегодняшнего дня. Поэтому Ганев тут же пустил за ним «хвост».

Джекобс несколько раз проверял, нет ли за ним слежки. И в аэропорту, и в прокатном пункте, где брал машину, и по дороге, ведущей в один из пригородов, расположенных за противоположной чертой города. Но ведущие его работники СОБН следили за объектом не менее профессионально и не упустили его.

Да и как понял потом Ганев, этот человек был настолько глубоко законспирирован в организации, что полностью уверовал в свою легенду и в свое алиби. Джеральда Финчли он в расчет не брал, так как считал, что Финчли видел его всего лишь краем глаза, да еще при таких обстоятельствах, когда не должен был думать ни о чем другом, кроме собственного спасения. Вот эта-то ошибка Джекобса и подвела его. Поэтому он и привел за собой «хвост» агентов СОБН на небольшую виллу в тихом пригороде Нюрнберга. Как удалось выяснить Ганеву, она принадлежала ничем не приметному отставному профессору медицины Нюрнбергского университета.

Джекобс засел на вилле и не высовывал носа на улицу. Стоян приказал работникам местного отделения

СОБН продолжать наблюдение. Задерживать Джекобса на основании внутренних служебных данных СОБН он не мог. Да это ничего бы и не дало — тот отвертелся бы.

Ганев ждал и чертыхался про себя. Если бы можно было вызвать сюда самого Финчли, то Джерри уж точно бы обрадовался возможности возобновить знакомство с Джекобсом... Но Джерри на свой страх и риск отправился в южноамериканскую сельву выяснить кое-какие весьма странные обстоятельства. А Стоян — один из числа очень узкого круга посвященных в истинный характер «турне» Финчли — от души переживал за него.

Волновался он и потому, что в случае исчезновения Джерри именно он, Стоян, должен был также на свой страх и риск отправиться в сельву по его следам. Они договорились, что он сделает это ровно через две недели после отъезда Джерри, если тот не даст о себе знать. Срок приближался, а вестей от Финчли не было...

За виллой установили электронное наблюдение. Все, кто входил в дом и покидал его, сразу же фиксировались на видеомониторах. Однако первые двое суток фиксировать было некого, и Ганев с тоской подумал, не вытянул ли он снова пустой номер.

Стояна очень печалили мысли о том, что «пушеры» проникли даже в СОБН, причем настолько глубоко, что у того внутреннего круга, к которому принадлежал он и Финчли, то есть людей, преданных делу, готовых, если надо, положить все силы и всю жизнь на борьбу с отравляющими людей мерзавцами, не хватает ни ресурсов, ни сотрудников.

От наркомании страдает западный мир, а не социалистические страны. Казалось бы, они могли и не беспокоиться так, достаточно было бы просто поставить крепкие преграды проникновению этой заразы к себе. Но не все проблемы соседа можно считать только его проблемами. Поэтому Стоян и был готов всей душой помогать

своим западным коллегам, особенно таким, как Финчли, которого Ганев искренне любил и уважал.

Наконец Стоян заметил, что на виллу начали прибывать гости, причем не очень обычные. Первая группа из трех человек заявила на виллу ранним утром. Один из гостей остался в доме и больше из него не выходил, остальные двое уехали сразу же, через полчаса. Затем подобные тройки начали прибывать регулярно с небольшими интервалами. И каждый раз повторялось одно и то же: один оставался в доме, двое почти сразу же уезжали.

«Ай да Финчли! — только и прищелкивал языком Стоян. — Засек одного Джекобса, а с него вон какой улов».

Срочно размножались фотографии и описания примет как людей, покидавших виллу, так и остающихся там. Требовалось пускать «хвосты» за отъезжающими, смотреть, куда они направляются, на кого еще могут навести. Необходимо было понять, к чему готовятся «гости» виллы.

Внимание Стояна привлекла странная деталь. Один из трех — как раз тот, кто оставался на вилле, — всегда был мужчиной лет сорока — сорока пяти. Складывалось впечатление, что каждые двое конвоировали третьего.

Стоян отдал приказ посмотреть в аэропортах, на вокзалах, не покажутся ли там аналогичные группы по три человека. Скоро агенты СОБН засекли несколько аналогичных троек, которые вывели их еще на две стоящие изолированно от остальных домов виллы, тоже расположенные в тихих пригородах. И так же, как и на первой вилле, каждый раз один оставался, а двое уезжали.

Два дня спустя Стоян не знал, что делать. Оказалось, что странные типы расплзались в разные стороны по всему земному шару. Они улетали на самолетах,

уезжали на поездах. По крайней мере, человек тридцать из них проходили по тем или иным делам СОБН и числились в картотеке. Те, кого удалось выследить, по очень запутанным маршрутам попадали в Южную Америку, где почти все исчезали... в той самой стране, откуда недавно так скоропалительно выставили представительство СОБН и куда отправился в свою отчаянную экспедицию Джеральд Финчли.

Стоян больше не сомневался, что события нарастают как снежный ком, но куда этот ком покатится? Стоян не мог не обратить внимания на то, что за время всех этих миграций на засеченные им виллы ни разу не завозили продовольствия в больших количествах. Да и сами-то виллы были скромных размеров. Отсюда вывод, что там заранее были подготовлены убежища и запасы продовольствия.

«Зачем? — ломал себе голову Ганев. — С какой целью?»

Стоян начал беспокоиться, что бандиты заметят наблюдение за собой. В Нюрнберг пришлось вызвать слишком много сотрудников СОБН, чтобы обеспечить наблюдение за покидающими его «конвоирами», как болгарин для удобства называл отъезжающих с вилл людей. Тех же, кто оставался там, он именовал «подконвойными». Ганев великолепно понимал, что столь крупномасштабная операция СОБН никак не пройдет мимо внимания скрытой агентуры противника в их рядах.

Однако развязка наступила пятого мая — куда быстрее, чем мог ожидать Стоян.

Занимался рассвет. Первые лучи еще невидимого солнца окрашивали из-за горизонта улицу, заставляя уходить ночные тени. Стоян, сидя у окна маленького домика, расположенного чуть наискось через дорогу от виллы, рассеянно бросил в рот маленькую ментоловую пастилку. Месяц назад он на спор с приятелем Финчли,

Сережей Карповым, бросил курить и теперь пытался заглушить сосущую жажду табака этими конфетками.

До слуха Ганева донесся звук моторов. По улице, моментально наглухо закупоренной с обеих сторон полицейскими мотоциклами, с ревом промчались четыре бронетранспортера. Два из них стали напротив виллы, занятой бандитами. А два других, резко развернувшись, направили пулеметы на тайно арендованный несколько дней назад одним из местных агентов Стояна домик, где оборудовал свой наблюдательный пункт СОБН.

Большой черный «мерседес» застыл на углу — достаточно далеко от зоны огня, чтобы находиться в безопасности, но так, чтобы сидевшие в нем трое мужчин — один в полицейском мундире, а двое в серых штатских костюмах — могли наблюдать за происходящим. В воздухе послышалось жужжание огромных стрекоз. Над оцепленной улицей повисли два боевых вертолета. Через борта броневинов посыпались полицейские с автоматами наперевес. Без всякого предупреждения и по вилле и по домику СОБН был открыт шквальный пулеметно-автоматный огонь.

— Не стрелять! — отчаянно завопил Стоян, увидев, как один из трех его сотрудников, находившихся вместе с ним на наблюдательном пункте, выхватил пистолет. — Всем на пол, оружие в ход не пускать!

«Не хватало еще только нам вступить в перестрелку с западногерманской полицией, — лихорадочно думал Ганев и рухнул ничком на пол. — Наши «друзья» лишь этого и ждут. А нас сейчас, как пить дать, перестреляют, словно куропаток, сделай мы только ложный шаг».

Пули с визгом носились по комнате, впиваясь в книжные полки, от которых летели деревянные щепки и обрывки бумаг, вырывая куски из мягких кресел, разнося вдребезги стекла в окнах и в рамах стеллажей и трюмо. Полицейские вели себя более чем странно. Окру-

жив дом, они палили по нему не переставая. Но внутрь заходить не спешили, несмотря на то, что ответного огня оттуда не велось.

Стоян с отчаянием увидел, как дернулся в смертельной агонии его старый друг, инспектор Ван Гроот — всегда невозмутимый, подтянутый голландец, верный семьянин и любящий отец двух маленьких девочек. Пулеметная пуля, срикошетировавшая от стены, угодила ему прямо в затылок.

Наконец пальба стихла. Воспользовавшись паузой, Стоян крикнул:

— Не стреляйте, мы сдаемся!

Он мог крикнуть, что они — агенты СОБН, что полиция обстреляла их по ошибке. Но Ганев никогда не верил в случайную пальбу, хотя и знал заранее, какие именно объяснения и извинения услышит, если ему и его товарищам все-таки удастся выйти из этой передряги живыми...

На вилле, где скрылись «пушеры», события разворачивались по-другому. Полицейских, ринувшихся к ней под прикрытием пулеметов, встретил шквальный автоматный огонь. Упал размахивающий парабеллумом офицер, возглавлявший атаку, вслед за ним рухнули еще несколько человек. Отстреливались люди, привыкшие к оружию и умеющие вести бой.

Все это было непривычным для полицейских, никогда раньше с подобным противником не встречавшихся. Нападавшие пытались укрыться на узком пространстве между броневиками и виллой. Но пули оборонявшихся безжалостно настигали их. Из дома рывкнули базуки, и пулеметы одного из броневиков захлебнулись, оборвав свои очереди. Из ходовой части броневика повалил дым.

Водитель второй бронемашины резко дал газ, но только успел тронуться с места, как второй залп из базук накрыл его. Интенсивность огня, ведущегося с виллы, ослабла. Из задней двери, ведущей во двор, нача-

ли появляться фигуры разбегающихся в разные стороны людей.

Один из мужчин, сидящих в черном «мерседесе», выругался сквозь зубы и резко скомандовал что-то в маленький микрофон, укрепленный на лацкане его модного пиджака. Тут же мотоциклисты оцепления, оставив свои машины, начали веером охватывать двор виллы и прилегающие к нему строения, непрерывно стреляя из автоматов и кидая гранаты.

Ближайший из вертолетов, застывших над виллой, клюнул носом, и из-под его брюха резкой вспышкой метнулись две ракеты. Раздался оглушительный взрыв. Когда рассеялись клубы дыма, на месте, где стояла вилла, показалась огромная черная яма с рваными краями...

— ...Ввиду исключительной опасности преступников не пытаться брать живыми, — продолжал отдавать команды человек с микрофоном на лацкане пиджака. — Главное, чтобы никто не ушел.

Второй вертолет, осветив двор виллы фарами, поливал его пулеметным огнем. В ярком свете лучей было отчетливо видно, как мечутся по земле фигурки бросающих оружие людей. Бежать им теперь было некуда...

— Выходить по одному, руки держать на затылке! — услышал Стоян голос с улицы. — Оружие бросайте! При малейшем подозрительном движении стреляем без предупреждения!

Достав пистолет и положив его на пол, Стоян мрачно кивнул двум оставшимся в живых коллегам:

— Пошли. Я первый, вы за мной с интервалом в две минуты. — И шагнул к расщепленной пулями двери.

На улице его сразу же скрутили и надели наручники.

— Обыскать! — рявкнул полицейскому офицер и спросил у Ганева: — Сколько там вас еще?

— Живых двое, один убит, — бесстрастно ответил болгарин.

— Лейтенант! — вдруг изменился в лице обыскиваю-

щий его полицейский. — Это же агент СОБН! — И он протянул офицеру его ооновское удостоверение.

— Чего только эти бандиты не придумают, — презрительным, но уже менее уверенным тоном фыркнул офицер.

— Я действительно сотрудник СОБН, инспектор Стоян Ганев, — медленно разлепил губы болгарин. — И в доме находится убитый вами мой товарищ. Требую доставить меня к вашему руководству.

На пороге показался один из его ребят. Шел он, шатаясь, и Стоян только сейчас понял, что он ранен.

— Моим коллегам требую немедленно предоставить медицинскую помощь, — добавил Ганев.

— Что здесь происходит? — раздался откуда-то сзади начальственный баритон.

Ни лейтенант, изрядно ошеломленный происходящим, ни смертельно уставший от только что пережитого Ганев даже не заметили, как к ним подкатил черный «мерседес» и из него вышли человек в полицейском мундире и двое в штатском. Вопрос задал мужчина в элегантном сером костюме с микрофоном на лацкане пиджака.

— Почему вы препираетесь с арестованным, лейтенант, вместо того чтобы... — раздраженно продолжал обладатель начальственного баритона. — О боже, да это же Стоян Ганев! Как вы сюда попали, инспектор? И что все это значит? Немедленно снимите наручники! — повернулся он к лейтенанту, тут же поспешившему выполнить приказ.

— Это я должен вас спросить, что все это значит, комиссар Шнайдер, — хмуро ответил Ганев, потирая запястья. — Ваши люди атаковали нас при исполнении нами служебных обязанностей и убили одного из моих сотрудников.

— Мы получили данные, что здесь и еще в двух местах скрывается очень опасная банда уголовных преступников. Было решено разгромить ее, пока она не

успела перейти к преступным действиям. Но кто же мог знать, что СОБН...

— Почему же вы приступили не к обезвреживанию банды, а к немедленному ее уничтожению? — удивился Ганев. — Ведь вы могли использовать слезоточивый газ и другие средства и взять их живьем.

— Я действовал строго по инструкции, — вставил вконец растерявшийся лейтенант.

— Молчать! — рявкнул комиссар Шнайдер и снова обернулся к Ганеву, пытаясь что-то сказать, но болгарин перебил его:

— И почему ликвидацией тех, кого вы считали бандой уголовных преступников, руководит не начальник криминальной полиции, а комиссар ведомства по охране конституции Шнайдер? Почему потребовалось привлечь к операции армейские вертолеты, вооруженные ракетами? Не слишком ли много чести для уголовников?

— А почему СОБН не вошел с нами в контакт и не поставил в известность, что следит за этой бандой? — пытался перехватить инициативу Шнайдер. — Ведь мы приняли вас за пост наружного наблюдения бандитов. Сообщите вы нам...

— Вы не ответили на мои вопросы, Шнайдер.

— А я и не намерен на них отвечать, — перестал разыгрывать растерянность Шнайдер. — Они выходят за пределы вашей компетенции, так же как и мои возможные ответы на них будут выходить за пределы моей. Я не уполномочен моим руководством давать подобные ответы инспектору СОБН. Мы сотрудничаем с СОБН, но на нашей территории сохраняем во всем приоритет.

— Полагаю, что на остальных точках картина та же самая? Всех бандитов разнесли в клочья вместе с их базами? И наших тоже постреляли, кого могли? Много вам за это заплатили, Шнайдер? — сорвался Ганев, увидев, как четверо полицейских выносят из дома труп Ван Гроота.

— Вы мне ответите за эти инсинуации, инспектор Ганев! — обрадованно взвился Шнайдер. — Мы еще разберемся, чем занимаются красные в международной организации СОБН. Я придам делу официальный ход! — И тут же сменил тон. Он был хитрый и тертый калач, этот Шнайдер. — Ну, ну, не надо горячиться, инспектор. Я понимаю ваши чувства, я и сам не меньше вашего расстроен недоразумением и спешу выразить соболезнование по поводу гибели вашего товарища. Случайной и нелепой гибели.

День спустя Стоян Ганев поинтересовался, когда можно будет получить доступ к останкам гангстеров и к вещественным доказательствам, захваченным во время операции. В полиции ему ответили, что останки погибших уже преданы кремации, а вещественных доказательств захвачено не было, поскольку их разнесли в пух и прах ракеты и гранаты.

Но Шнайдер не знал, что на руках у Ганева осталась козырная карта. В тот день, когда полиция обрушилась и на явки бандитов, и на посты СОБН, сотрудники Ганева, дежурившие в аэропорту, получив сигнал о нападении на их товарищей, сообразили, в чем дело, и успели арестовать одну подозрительную тройку, только что прилетевшую в Нюрнберг из Танжера. Это, разумеется, шло вразрез с уставом СОБН и с законами страны пребывания, но ничего иного работникам международной полиции не оставалось.

Всех троих доставили спецсамолетом на базу СОБН в Лондоне, куда и прилетел Ганев.

Стоян сидел за столом, ожидая, пока к нему доставят одного из арестованных, и перебирал лежащие перед ним справки и перфокарты. Он хорошо подготовился к допросу, хотя из-за этого не спал всю ночь. Ах, как сейчас ему не доставало Финчли! Но от старшего инспектора по-прежнему не было никаких вестей.

— Можно? — приоткрыл дверь дежурный. — Привели.

— Да, заходите, пожалуйста, — ответил Ганев и включил видеомэгнитофон.

Арестованный сидел напротив него, дежурный пристроился в углу.

— Итак, — начал Ганев, но арестованный хладнокровно перебил его:

— На каком основании меня и моих спутников задержали словно каких-то карманников? Я — сотрудник южноамериканского филиала фирмы «Ромерсон», нахожусь в служебной командировке вместе со своими подчиненными. Вы ответите за чинимый произвол! Я требую немедленно дать мне возможность связаться с моим адвокатом, после чего буду незамедлительно настаивать на нашем освобождении и наказании тех, кто посмел поднять руку на частных граждан! Вы — международная полиция ООН или международное гестапо? Мировое сообщество не потерпит подобного издевательства...

Ганев поднял руку, прося своего собеседника помолчать, затем развернул перед ним досье.

— Ваши документы сделаны превосходно, — спокойно проговорил он. — Абсолютно уверен, фирма «Ромерсон» подтвердит, что вы действительно ее сотрудник, если мы ее об этом запросим. Но вы проявили крайнюю неосторожность, считая, что нам ничего не известно об этой фирме. И слишком понадеялись на свою легенду. Вы известны как Колин Холбрук, гражданин США, занимающий важный административный пост в южноамериканском филиале британской фирмы «Ромерсон». Но вы же занимаете важный административный пост и в международной организации торговцев наркотиками. Это нам тоже известно. Вот, ознакомьтесь. — И Ганев показал на раскрытое досье. — Вы наследили и в Таиланде, и в Бирме, и в Италии, правительство которой

разыскивает вас по обвинению в уголовных преступлениях и преднамеренном убийстве.

— Это всё не доказательства,—так же хладнокровно ответил арестованный. — Суд присяжных — это вам не народный суд в вашей Восточной Европе, инспектор Ганев.

— Вы меня знаете? — искренне удивился болгарин.

— Еще бы! Не удивляйтесь, что я так откровенен. Ваших данных достаточно лишь для того, чтобы вам самим быть уверенным в моей истинной сущности, но для суда недостаточно даже той видеопленки, на которой записывается наш разговор. Я всегда могу заявить, что вы меня принуждали и воздействовали на меня наркотиками.

— Ну-ну, не учите меня. Достаточно прожил в Западной Европе, — не удержался Ганев. — Удивляюсь я лишь тому, что вас не смущает моя откровенность по поводу информации, имеющейся у нас о фирме «Ромерсон». Это ведь одна из тщательно охраняемых тайн вашей организации. С чего бы мне проговариваться?

— Действительно, с чего бы? — засмеялся Холбрук.

— А с того, что суда над вами не будет. Вы абсолютно правы — нет у нас достаточного материала, чтобы добиться обвинительного приговора. И арестовали мы вас незаконно, за что я смиренно прошу прощения. — Холбрук поднял голову. — Выпустим мы вас, Холбрук.

Арестованный молчал.

— Вы можете даже подать на нас в суд за незаконный арест, а?

— Что у вас на руках? — выдавил наконец Холбрук.

— Вот это уже другой разговор, — хмыкнул Ганев. — Уважаю деловых людей.

Его душило отвращение, но он сдерживал себя: с такими типами можно говорить только их собственным языком, иного они просто не понимают. А Холбрук почувствовал, что ему будет худо.

— Убийство, совершенное вами в Италии, шло вразрез с инструкциями, которые вы получили от вашей организации. Вы убрали человека, который должен был передать вам крупную сумму, вырученную от продажи картин, похищенных в национальном музее. Обвинили его в том, что он деньги эти присвоил. А на самом-то деле деньги у вас. И вы прикончили его, заматавая следы.

Для суда над вами доказательств у нас не хватит. А если и хватит, ваши адвокаты смогут растянуть дело на много лет. Но наших данных вполне достаточно для ваших же собственных хозяев. И у нас есть возможности их с этими доказательствами ознакомить. Прекрасно, я приношу свои извинения и выпускаю вас. Но вы даже не успеете подать на меня в суд, так как вас убьют свои же. Итак, будете говорить?

И Холбрук начал говорить. После того как с его показаниями ознакомили второго «конвоира», развязался язык и у того. Молчал только «подконвойный».

Но самую большую загадку этот «подконвойный» задал Ганеву четыре дня спустя после своего ареста, неожиданно скончавшись. Экспертиза установила, что он был отравлен за... десять дней до ареста очень медленно действующим ядом. Вывод напрашивался сам собой: он должен был выполнить задание и умереть.

«Но какое задание? Чье? Что вообще, черт побери, происходит?» — спрашивал сам себя Ганев, теряясь в догадках.

Холбрук охотно выкладывал все, что знал о торговле наркотиками, но замолкал как рыба, стоило только Ганеву завести речь о том, что же привело его в Нюрнберг и кто такой «подконвойный».

— Это страшная тайна, господин Ганев, — бормотал тот. — Я расскажу, я все расскажу, но сперва отправьте меня в Нью-Йорк. Я знаю, там есть специальная федеральная тюрьма с особым режимом безопасности, которой пользуется и СОБН. Только там меня не доста-

нут. А здесь... Боюсь, господин Ганев, боюсь... Я и так уже наговорил вам много. Но это все пустяки по сравнению с тем, что вы от меня добиваетесь... Я буду говорить только там...

От страха Холбрук был не вполне в себе.

Второй же бандит — его напарник — просто ничего не знал. Ему лишь было приказано сопровождать Холбрука и «подконвойного» и не задавать вопросов.

Делать нечего, решил Ганев, надо ехать в Нью-Йорк. Тем более что оттуда поступили данные, еще больше запутывающие и без того туманную картину. Косвенным путем были установлены личности троих людей, арестованных при разгроме нацистской типографии и убитых снарядом из базуки в той стране, где исчез почти две недели назад Джеральд Финчли. Все трое оказались «пушерами», проходившими в прошлом по делам СОБН.

«Круг замкнулся? — еще и еще раз возвращался к одной и той же мысли Ганев. — Но что это был за круг? И какие еще круги идут от него? Нет, надо срочно этапировать заключенных в Нью-Йорк и лететь туда вместе с ними».

Ганева спасла от смерти обыкновенная бюрократия. Не задержись он в Лондоне всего лишь на один день из-за подробного доклада о нюрнбергском деле, затребованного региональным директором СОБН по Западной Европе, Ганев рухнул бы в Атлантический океан вместе с обломками ракетоплана, на борту которого отправили в Штаты его подопечных. Ракетоплан взорвали управляемой по радио миной, не пощадив четыре сотни пассажиров, находившихся на борту.

УГОДЬЯ ФИРМЫ «РОМЕРСОН» (5.5.2005 г.)

Видели бы меня сейчас мои бывшие коллеги по нашей тихой уютной обсерватории! Физиономия заляпана грязью так, что через нее с трудом пробивается много-

дневная щетина. От рубахи остались одни лохмотья, джинсы располосованы. За последнее время я не ел ничего, кроме представителей местной флоры, потому что рюкзак с продуктами и питательными таблетками остался на месте моей позавчерашней встречи с одним из представителей местной фауны — ягуаром. Честно говоря, в кино это все выглядит гораздо лучше, чем в жизни. Он бросился на меня так неожиданно, что я еле успел достать нож и, катаясь с хищником в обнимку по земле, всадить ему в горло.

Потом я из последних сил бежал с того места, боясь, что шум и запах схватки привлечет еще кого-нибудь из хищных зверей.

Первое, что я услышал, придя в себя, было журчание воды. Губы мои слиплись от жажды, и я прильнул к маленькому ручейку, благо что вода в нем была относительно чистой. Но важнее было другое. Я заблудился, а ручеек должен был вывести меня на главную тропу — к реке. Превозмогая боль, я через несколько часов добрался до реки. Шорохи и шелесты слышались со всех сторон. Быть может, это были змеи, но у меня уже не было сил реагировать на них. Я свалился у самой воды, теряя сознание. Что-то ползло по моим ногам, быть может какой-нибудь ядовитый паук, но в тот момент все уже было безразлично.

Судя по всему, я пролежал без сознания довольно долго. Однако за ночь я выспался, и с утра мне даже показалось, что силы мои прибывают. Я постепенно стал привыкать даже к комарам и оводам и боялся не хищников и не змей, а мух, которые могли отложить яички мне прямо под кожу.

Не помню, на каком дне пути дорогу мне преградили лютые муравьи-переселенцы. И хотя мозг работал с трудом, я понял, что единственное мое спасение — вода. Я влез в полужидкую грязь больше чем по пояс

и просидел там часа два или три, пока опасность не миновала.

Потом меня обуяла неукротимая жажда жизни. Я должен был бороться с ней, ибо понимал, что стоит мне только уступить — и ради самосохранения я пойду на самые безрассудные поступки. И не доберусь до цели своего путешествия — угодий фирмы «Ромерсон».

Река становилась все шире и шире. Эти проклятые мухи, одолевшие меня, сколько я ни отбивался от них, все-таки населили меня своими личинками. Слава богу, что сохранившиеся остатки одежды не позволили им это сделать по всему телу. Но руки и ноги болели невыносимо. Сознаюсь честно, у меня даже мелькнула мысль: не ампутируют ли мне их?

Я сел на поваленный ствол дерева, собрался и сказал себе: «Джеральд Финчли, прекрати ныть. Ты не маленький. Идти сюда тебя никто не заставлял. Сам решил. Почему решил? Потому что надо. Почему надо? Потому что если Джеральд Финчли не пойдет в сельву, рискуя потерять руки-ноги, а Гарсиа Фернандес не поедет в Таиланд, рискуя получить пулю, а Стоян Ганев не поедет в Нюрнберг, рискуя неизвестно еще чем, то многие тысячи, если не миллионы, людей рискуют стать жертвами огромной банды негодяев».

И как только это дошло до меня, все вокруг стало привычным, даже спокойным, как будто я родился не на ухоженной ферме в Штатах, а меж полусгнивших, оплетенных лианами стволов.

Хотя идти вдоль реки было делом не самым легким, я все же боялся потерять ее, так как знал, что худо или бедно, я иду правильной дорогой и рано или поздно доберусь до тайных владений фирмы «Ромерсон». Там мне предстоит провести тщательную разведку. И одному только господу богу известно, что я обнаружу. Думаю, что ничего хорошего.

Несколько дней назад в стране, на территории кото-

рой я нахожусь, закрыли представительства СОБН и Интерпола. Мы, мол, плохо себя вели...

Доходили до нас слухи о странных делах, творящихся в районах, скупленных солидной английской фирмой «Ромерсон» для проведения «долгосрочных сельскохозяйственных экспериментов». Фирма держала все свои работы в глубокой тайне. Вот поэтому никому никогда не было хода в эти районы. В нашем обществе уважение к святому праву частной собственности — это вам не шутки... Уж не эксперименты ли по разведению в сельве опиумного мака и переработке его в героин вела там эта фирма? Тем паче, что бывший золотой треугольник, столько веков исправно служивший поставщикам наркотиков, мы все-таки с помощью правительств Бирмы и Лаоса скоро ликвидируем окончательно, и нашему противнику может потребоваться новая крупная опорная зона.

Под давлением все той же фирмы «Ромерсон» правительство этой страны приняло решение выступить на предстоящей сессии ООН с отказом от участия в жизненно важном для страны предприятии — прокладке новой межконтинентальной транспортной магистрали Север — Юг, которая должна была проходить через Канаду, США, Центральную и Южную Америку и оканчиваться на Огненной Земле. Она, конечно же, пересекла бы не только Трансамазонскую магистраль, но и зону, скупленную фирмой «Ромерсон».

Правительство держало свое решение в тайне, чтобы не вызвать накануне предстоящих выборов волну возмущения в стране, но о нем узнал главный редактор ведущей политической газеты. Редактор был честный человек и не получал субсидий от фирмы «Ромерсон». Я говорю «был», потому что он решил выступить публично на страницах своего еженедельника с разоблачением правительства, попирающего национальные интересы страны в угоду иностранным дельцам. Редактора

нашли мертвым, когда гасили пожар, вызванный взрывом мощной мины в его доме.

Джейк Питерс раскопал эту историю, но доказательств не имел. Зато он загорелся желанием наведаться в сельву и посмотреть, чем это так мешает фирме «Ромерсон» новая дорога и чем эта фирма вообще там занимается. Но после того, как местные власти закрыли здешнее бюро СОБН, ему, разумеется, пришлось выкатываться отсюда и ждать официального обсуждения протеста нашего руководства правительству этой страны на сессии Генеральной Ассамблеи.

Я же срочно вылетел сюда из Нью-Йорка «для ликвидации дел бюро»... Два дня спустя, выполнив все формальности, я сел во взятый напрокат элегантный электромобиль и на глазах наблюдавшей за мной полиции пересек границу с соседним государством. Еще через день, оторвавшись от пущенных кем-то за мной «хвостов», я пересек границу в обратном направлении и «растворился»...

Скандал, конечно: старший инспектор СОБН находится нелегально в стране, нарушая закон и международное право. Это только «пушерам» можно, а нам такого нельзя. Если меня поймут — СОБН скомпрометирован. Ну что же, я знал, на что шел. Американец я, в конце концов, или нет?

Отвечаю — американец. А какой уважающий себя американец побоится проявить свою вольную индивидуальность, не пойдет на приключение один? Нет, действовать в одиночку для моих предков было куда привычнее, чем работать в рамках какого-то аппарата. Проповедь гнилого индивидуализма, заявил бы на это мой уважаемый русский друг Сергей Карпов.

«Эх, — подумал я, вставая со сломанного ствола дерева, — Серега, в настоящий момент мне одинаково начхать и на индивидуализм и на коллективизм. Мне

просто, увы, одиноко и грустно и очень хочется поскорее отсюда выбраться».

В конце концов река привела меня туда, куда мне было нужно — к самым границам «государства в государстве», к угольям фирмы «Ромерсон». Обходя очередную излучину реки, я наткнулся на высокий проволочный забор, пересекавший даже реку. Насколько я понял, он был установлен не столько против лесных бродяг вроде меня, сколько против зверей. В проволоке не было электротока, часовых я не обнаружил, заросли близ забора метров на сто были расчищены. Я приблизился к забору, сделал подкоп и проник на территорию фирмы. Крупное зверье в огражденную зону попасть не могло. Но зона за забором может просматриваться средствами электронного наблюдения, поэтому я включил свою «шапку-невидимку» — маленький такой приборчик, делающий меня практически невидимым для всех видов электронного наблюдения. Хорошо еще, что этот прибор я нес в застегнутом на «молнию» внутреннем кармане, а то, катаясь с тем ягуаром, вполне мог бы растерять все.

К лагерю я вышел совершенно неожиданно для самого себя, отшагав всего две мили.

«Ну, если это опытная мирная сельскохозяйственная станция по разведению новых сортов гевеи-каучконоса или черных тюльпанов, — мелькнуло у меня в голове, — то я папа римский, а фирма «Ромерсон» — воплощенная невинность».

Высокий забор из колючей проволоки через каждые двести метров разрывался вышками, на которых находятся по два часовых с пулеметом. Вдоль забора, без всякого сомнения, проходят невидимые глазу лучи электронного наблюдения. Я посмотрел на свой приборчик: так и есть. Ну, да нам это не страшно. Главное, чтобы в колючей проволоке не было тока. С моим при-

бором и ток преодолим, хотя сгореть может моя «шапка-невидимка», и останусь я без прикрытия.

Я спрятался в кустах и принялся выковыривать из кожи рук и ног личинки мух; кожа зудела и чесалась так, как будто я был искусан по меньшей мере миллионным комаров. Затем я кое-как привел в порядок свою одежду. Не скажу, что после этого я выглядел как денди, но, по крайней мере, не как пугало.

После всего этого я устроился поудобнее, притаился и принялся наблюдать за забором.

За первый день наблюдения я установил, что часовых на вышках сменяют каждые четыре часа. Первые час-два они стоят очень напряженно, но потом внимание у них ослабевает, они даже начинают между собой болтать. Люди днями ждут опасности, но ее нет, и напряжение, а вместе с ним и дисциплина падают. Ветер доносил до меня обрывки речи, и, к моему удивлению, иногда я слышал, что говорят они по-немецки, но на каком-то странном и непривычном диалекте.

Каждые четыре часа перед сменой караула вдоль забора проходит вооруженный автоматами патруль из трех человек с собакой. Хорошо, что с внутренней стороны лагеря, а не с наружной. Все-таки подальше от меня. На собаку моя «шапка-невидимка» не действует.

На второй день я вел наблюдение, сидя на высокой пальме, слева и справа от меня находились две сторожевые вышки. С дерева была хорошо обозрима часть лагеря — бараки, плац, непонятные мне сооружения. Противоположной стороны забора я не видел. Прямо не лагерь, а небольшой городок в сельве.

Как я выяснил позже, этот городок выходит на берег огромной судоходной реки, притоком которой служит та речка, по берегу которой я шел. Городок рос от берега в глубь сельвы.

У многих объектов была выставлена своя внутренняя охрана, что разжигало мое любопытство. Здание у

плаца вместо любопытства разжигало аппетит. Там, судя по всему, располагалась столовая, потому что с задней стороны этого барака часто появлялись одетые в поварские колпаки и халаты люди.

В столовую в строго определенные промежутки времени утром, днем и вечером отправлялись строем с плаца группы людей. И этот плац, и люди на нем потрясли меня больше всего. Они занимались самой что ни на есть настоящей военной подготовкой. Причем люди были очень разные. Белокурые рослые европейцы, жгучие брюнеты-латиноамериканцы и, к большому моему удивлению, парни очень хорошо мне известного типа — китайцы, вьетнамцы, камбоджийцы... Эти, кстати, уходили есть в другое здание, расположенное поодаль от плаца.

Я могу, если повезет, воспользоваться одним странным ритуалом, происходящим здесь каждый день, и с его помощью пройти в лагерь. А потом с помощью моего приборчика выйти оттуда обратно. Приборчик, конечно, сгорит, но, сгорев, выведет из строя на несколько часов их систему внешнего электронного наблюдения. А больше мне и не надо.

Вполне возможно, они припишут аварию внутренним техническим неполадкам, а пока разберутся, я уже буду далеко и, даст бог, сумею уйти. В двух днях пути находится база, которую Джейк заблаговременно успел подготовить для обстоятельной разведки района. Там есть оружие, еда, рация и маленький двухместный флер, на котором я быстро окажусь за границей и в сфере действия СОБН. Итак, рискнуть можно.

Странный же ритуал, увидев который я и решил попробовать проникнуть в уголья фирмы «Ромерсон», заключался в следующем. Ежедневно в полдень к левой от меня вышке подъезжал маленький одноместный открытый роллер, за рулем которого сидел высокого роста человек в форме цвета хаки и в кепи с большим козырь-

ком. Точно так же были одеты часовые на вышках. Не спускаясь с вышки, часовой включал какой-то прибор, внизу раскрывались ворота, роллер выезжал за пределы лагеря, и ворота закрывались за ним. Затем роллер катился по дороге метров сто до начала леса, человек вылезал из кабины и пешком шел в глубь густых зарослей. Появлялся обратно он ровно через десять минут. Снова садился в роллер, подкатывал к вышке. Наблюдавший за ним часовой опять открывал ворота, и человек возвращался обратно в лагерь.

В первый же раз, когда я его увидел, меня разоблало страшное любопытство, что это он там делает.

И после его возвращения в лагерь я решил посмотреть, что там к чему.

Прорубленная в зарослях тропинка упиралась в большой бетонный крест, врытый в землю. На кресте — изображение черепа и рядом с ним непонятные мне знаки. Чуть ниже надпись: «Бригаденфюрер СС Юзеф Шульц, 1900—2005»...

Эта надпись привела меня в полнейшее недоумение: «Что у них здесь, тайный заповедник долгожителей? И что такое «бригаденфюрер»? Может быть, самый старый долгожитель?»

На следующий день я затаился в зарослях неподалеку от могилы, выбрав позицию так, чтобы находиться чуть сбоку от маленькой, плотно утрамбованной площадочки, которой кончалась тропинка. Там как раз было достаточно места для одного человека.

Точно в то же время, что и вчера, появился мой загадочный незнакомец. Размеренно ступая, он прошагал чуть сбоку от маленькой, плотно утрамбованной площадочки прямо перед крестом. Замерев на месте по стойке «смирно», он вдруг резко выкинул правую руку в неизвестном мне приветствии.

Сейчас он хорошо был виден в профиль. На отворо-

тах воротника его форменной рубашки я разглядел те же непонятные мне знаки и изображение черепа, что и на бетонном кресте. Под ним виднелось какое-то золотое шитье, на мой взгляд, на рубашке цвета хаки совершенно неуместное.

Опустив руку, человек стоял навытяжку перед памятником ровно пять минут, я проверял по своему хронометру. Ну и выдержка! Неподвижно застыть на такой жаре. Затем он снова резко выкинул правую руку вперед, повернулся через левое плечо и зашагал обратно к роллеру.

Итак, сегодня он придет сюда снова... Мой план основывался еще и на том, что в лагере, видимо, была установлена твердая дисциплина. Все люди ходили только группами в строю и по определенным дорожкам. По тем же дорожкам, обгоняя их, проезжали многоместные роллеры. Во всяком случае, так было в той части лагеря, которую я был способен просмотреть. Водичку, кроме моего таинственного «гренадера», как я мысленно окрестил его за рост и выправку, по лагерю не разъезжал никто. Это обстоятельство в сочетании с тем, что он мог выходить за ворота, свидетельствовало, что он был фигурой высокопоставленной. Уж во всяком случае, не рядовой. Это факт.

Насколько я мог судить на основании двухдневных наблюдений, он, возвращаясь в лагерь, придерживался одного и того же маршрута. То есть проезжал по широкой дорожке, проходящей мимо трех странного вида зданий, у которых не было постов наружной охраны, затем огибал плац и направлялся в сторону зданий в дальней части лагеря, что заинтересовали меня больше всего остального, здесь увиденного. Я заметил: иногда к ним подъезжали тяжелые машины и уезжали обратно, чем-то нагруженные. А сегодня утром к одному из них подкатили длинную платформу на гусеничном ходу и долго и аккуратно грузили на нее подъемным краном

нечто длинное и сигарообразное, заботливо закрытое чехлами.

Еще пятнадцать минут спустя роллер возвращался обратно и останавливался у ближнего ко мне конца плаца, где росло огромное тенистое дерево. «Гренадер» выходил из роллера, усаживался в установленный под деревом шезлонг и со вкусом выкуривал сигару, на что у него уходило от первой затяжки до последней ровно тридцать минут. Ишь, сибарит! Затем он снова садился в роллер, подкатывал к одной из столовых на противоположной стороне плаца и исчезал в ее дверях.

Вот на это-то я и рассчитывал. На те тридцать минут, которые мой пунктуальный незнакомец тратил на самоугощение никотином. Мне их вполне хватит, чтобы, посмотрев в непосредственной близости что к чему в лагере, повернуть обратно, пока «гренадера» не хватились в столовой, куда он не придет к своему обычному часу. Здесь в действие вступает мой приборчик. Я жертвую им, чтобы вывести из строя систему электронного наблюдения, и ухожу через те же ворота, что и въехал.

Проезжая вышку, в первый раз я оставляю под ней маленький баллон величиною с тубик губной помады. Таймер поставлю на три минуты. За это время я успею отъехать достаточно далеко, чтобы облако парализующего газа, которое вырвется из баллона, не задело меня. Когда я вернусь обратно, газ уже рассеется, а часовые на вышке будут в состоянии полной прострации вплоть до самого вечера.

Пока охрана лагеря найдет причину выхода из строя систем электронных сторожей и электронного наблюдения, обнаружит, что с часовыми на вышках неладно, и, наконец, сообразит, что «гренадер» исчез, а его роллер уткнулся в вышку, я уже буду довольно далеко, выиграв себе изрядную фору. А там уже как повезет. Но если действительно все пройдет нормально и если я доставлю в СОБН фото пленки, которые уже заснял сна-

ружи и засниму внутри, то общий счет в наших играх с этой «респектабельной английской фирмой» и с тем, кто за ней на самом деле стоит, несколько изменится в нашу пользу.

Да, наркотиками здесь вроде бы и не пахнет. Тут что-то совсем другое. И не СОБН этим делом заниматься, а непосредственно Совету Безопасности... Нет, инспектор Финчли, придется вам совершить прогулку за забор, хотя сейчас у вас при одной мысли об этом даже поджилки трясутся, ну а в дальнейшем читатели ваших мемуаров, если, конечно, вы останетесь живы после всей этой передраги, наверняка обвинят вас в безрассудном авантюризме.

Итак, я поджидал своего «гренадера» неподалеку от места его ежедневного паломничества. Он появится у поворота тропинки ровно через три минуты. Я выбрал место, максимально удаленное от вышки и прикрытое от нее кустарником. Отсюда до креста он обычно идет еще четыре минуты. Пять минут у могилы, четыре обратно. Итого, тринадцать минут в моем распоряжении, прежде чем я должен выйти из-за поворота в поле зрения часовых. За это время я должен моего «гренадера» ошеломить, скрутить, раздеть, напялить на себя его одежду и допросить. Затем укол в руку, и он проспит богатырским сном ровно шесть часов.

Чтобы сэкономить каждую секунду, я заранее сбросил свои лохмотья, специальными салфетками снял с лица грязь и щетину. Короче говоря, как мог привел себя в порядок и продумал вопросы. На моей стороне, разумеется, внезапность, но противник на вид тоже силен и в хорошей форме. Поэтому схватка может занять больше времени, чем хотелось бы. К тому же мне никак нельзя рвать его одежду...

«Ага, вот он. Раз, два, три... Пошел!» — мелькнуло у меня в голове, и я почувствовал, что напрягся каждый мускул.

Я бесшумно вырос у него за спиной и большим и указательным пальцами левой руки сжал ему артерию на шее, расстегивая при этом правой рукой кобуру его пистолета. Но я недооценил противника, за что и был наказан. Несмотря на внезапность моего нападения, на то, что я взял его стальной хваткой, парализующей обычно любого нормального человека, он успел среагировать так молниеносно, что дело чуть было не закончилось для меня плачевно.

Массивный затылок резко откинутой назад головы врезался мне прямо в нос. От боли, пронзившей мозг, я ослабил пальцы на его шее и отпустил кобуру. Тут же локти все еще стоящего ко мне спиной человека заработали, как мощные поршни. Правый врезался мне в печень, левый — под ребро. Он молниеносно обернулся на каблуках, заученным движением выбросив вперед кулак левой руки, который, как он считал, должен был найти челюсть его уже оглушенного предыдущими ударами противника, своротить ее набок, а самого противника — на землю. Правой рукой он уже доставал из кобуры пистолет.

Но «гренадер» допустил ту же ошибку, что вначале позволил себе я. Меня он тоже недооценил, как и я его. Разумеется, нормальный человек, получив предыдущие три удара, действительно был бы достаточно ослеплен болью, чтобы получить четвертый и рухнуть на землю. Но только не здоровяк Финчли, с детства игравший в американский футбол, где бьют так, что приходится надевать специальные доспехи.

Инстинктивно, не успев еще подумать, я сделал кругообразное движение правой рукой, которая змеей обвилась вокруг левой руки «гренадера», довольно болезненно перехватив ее в локтевом сгибе. Левое колено я поднял еще до того, как «гренадер» повернулся. Рассчитывал въехать ему в крестец, но он повернулся так стремительно, что вместо этого удар пришелся в пах.

Сейчас об этом говорить легко, а тогда все происходило в считанные доли секунды. «Гренадер» не то чтобы скрючился, слишком здоров для этого он был, но чуть-чуть пригнулся от боли.

Это привело к двум моментальным последствиям. Затрещал локтевой сустав его левой руки, а мое правое колено пришло в соприкосновение с его подбородком. Он подавился собственными зубами. В то же мгновение ребром левой руки я ударил его точно по локтю правой руки, и вытасненный уже из кобуры пистолет упал нам под ноги. Отпустив его левую руку, я нанес ему страшный удар в висок.

Таким образом можно свалить с ног даже быка. Я думал, что сейчас мой «гренадер» рухнет как подкошенный. Вместо этого он только лишь глухо крикнул и выбросил вперед левую руку. Рухнул же как подкошенный я, правда, рухнул прямо на него. В падении я сумел стукнуть его головой о ствол дерева, за которым скрывался в засаде до его появления. Это меня и спасло. «Гренадер» наконец-то потерял сознание.

Содрать с него рубаху, брюки, ремень с кобурой и ботинки было делом одной минуты. Переодевшись, я посмотрел на снятые с его запястья часы. Схватка и переодевание заняли четыре минуты. Что же, пора приводить его в чувство. Я «легонько» похлопал его по щекам. Он пришел в себя удивительно быстро и посмотрел на меня бесстрастным взглядом. Я показал ему нож и объяснил по-английски:

— Сейчас я выну кляп и буду задавать вам вопросы. Вы тихо и быстро ответите на них. При первой же попытке закричать я всажу вам нож прямо в горло. Будете вести себя разумно, гарантирую вам жизнь. Если вы меня поняли и согласны, кивните головой.

«Гренадер» кивнул.

— Кто хозяин вашего лагеря?

Пленник молчал.

— У меня мало времени, и мне не хотелось бы прибегать к крайним мерам, — прижал я острие ножа к его горлу. Я блефовал. Оставалось только надеяться на его сообразительность.

— Я требую, чтобы меня рассматривали как военнопленного, на которого распространяется действие Женевской конвенции, а не как военного преступника, — прохрипел он, и я чуть не выронил в тот момент от удивления нож.

Ничего себе жаргончик! «Военнопленный», «военный преступник»! Мы от таких слов давно отвыкли. И что такое Женевская конвенция? Я ничего не мог понять, но показывать этого было нельзя.

— Отвечайте на вопросы. Этим вы облегчите свою участь, — на всякий случай сказал я. Более нейтральной фразы мне на ум не пришло. — Так кто же хозяин лагеря?

— Всем заправляет американец по имени Томпсон, — ответил пленник. — Он время от времени навещается сюда с Большой земли.

«Гренадер» говорил по-английски достаточно хорошо, но с акцентом. С каким, понять было трудно из-за выбитых зубов. Но, вспомнив доносившуюся до меня с вышки немецкую речь, я вдруг неожиданно сам для себя спросил его:

— Давно вы из Германии?

— Шестьдесят лет, — хладнокровно ответил мне этот сорокапятилетний на вид мужчина.

Ну, дела! То ли я его чересчур сильно приложил головой о дерево, то ли здесь стойбище долгожителей.

— Кто вы такой?

— Заместитель начальника лагеря по режиму, бригаденфюрер СС Отто Пальбе!

Ах, будь у меня чуть-чуть побольше времени, чтобы его подробно расспросить об этом самом режиме! И что же все-таки такое — бригаденфюрер? Тот, под крес-

том, тоже бригаденфюрер. Но выяснять не было времени.

— Что находится в лагере?

— Часть «резерва 88».

Каждый его ответ задает все больше и больше загадок. А минуты идут.

— Что за объекты на территории? Те, к которым подходит транспорт?

— Там собирают военную технику. Какую конкретно, мне знать не положено. Затем ее транспортируют в спецзону В вниз по реке.

— Но вы же заместитель начальника по режиму...

— Эти объекты меня не касаются. Я отвечаю только за объекты «резерва 88».

«Нет, здесь явно происходит нечто, далеко выходящее за пределы компетенции СОБН, — подумал я. — Стоит ли вот так лезть в лагерь, инспектор Финчли? Может быть, имеет смысл уносить отсюда ноги прямо сейчас? И не только для спасения собственной шкуры, а для того, чтобы довести всю эту информацию до Совета Безопасности ООН. Не знаю конкретно, что здесь именно происходит, но того, что я увидел, вполне достаточно, чтобы послать сюда несколько батальонов «голубых касок».

— Но подъехать вы к этим объектам можете? — задал я ему вопрос.

— Могу. Мой роллер имеет право беспрепятственного проезда по всей территории. Я регулярно объезжаю весь лагерь.

— Внутренние посты вас останавливают?

— Нет. Ведь я контролирую их. Подъезжаю к дверям объекта, останавливаю роллер и, не выходя из него, проверяю, как они несут службу, на месте ли стоят. Потом еду дальше. Иногда я провожу выборочную проверку объектов «резерва 88». Постов там нет, двери

можно открывать электронным ключом. Он лежит в правом кармане рубашки.

Я проверил. Ключ на месте. Однако время мое истекло. Задавать дальнейшие вопросы было бессмысленно.

— Прошу засвидетельствовать вашему командованию, — вдруг заговорил мой пленник, — что я ответил на ваши вопросы охотно и в полную меру собственной информированности. Можно считать, что я сдался добровольно. Ведь сопротивление я оказал чисто машинально, еще не зная, кто на меня напал. Прошу верить, что я хотел сдаться западным союзникам еще тогда, но в силу приказа оказался здесь, почему и не сумел осуществить своих намерений. И вообще я всегда только лишь выполнял приказ.

«Нет, определенно, то ли он свихнулся, то ли у меня уже начались галлюцинации», — успел подумать я. Но времени разбираться у меня не оставалось. Сделаю ему укол, и в путь...

На территорию лагеря я, как и ожидал, въехал безо всяких проблем и через несколько минут оказался у первого из зданий таинственного «резерва 88». Приложив ключ к глазку фотоэлемента, я подождал, пока раздвинутся в разные стороны створки массивных дверей, и прошел внутрь.

Я оказался в огромном помещении. Склад? Пожалуй, да. Ряды огромных металлических стеллажей, идущих от пола до потолка и разделенных узкими проходами. Однако что же хранится здесь? Какие-то огромные, в рост человека, белые коконы, к каждому из которых подсоединены прозрачные трубки, отходящие от большого приборного щитка, находящегося у одной из стенок. Я подошел к одному из них поближе и... чуть не упал в обморок. В белых полупрозрачных коконах действительно лежали люди. Обнаженные мужчины, все

как на подбор лет сорока — сорока пяти, стройные, мускулистые...

Присмотревшись, я понял, что люди в коконах спокойно спали. Сделав несколько быстрых снимков, я прошел в глубь помещения. Все то же самое; щелкнув еще несколько раз своим миниатюрным аппаратом, я пошел обратно к выходу. Увиденное не укладывалось у меня в голове.

«Что же, господин заместитель начальника лагеря по режиму, извольте продолжить инспекцию вверенной вам территории!» — усмехнулся я, выходя из склада.

Но только я сел в роллер, как зазвучал зуммер установленной в переднем щитке рации. «Хорошо еще, что здесь видеотелефона нет», — подумал я, нажимая приемную кнопку.

— Второй, второй, ответьте Центральной. Почему не отвечаете? Прием. Вас вызывает первый. Прием.

Затем монотонный голос вдруг смолк и сменился резкой немецкой тирадой, из которой я понял, что в микрофон заговорил сам первый и что я срочно требуюсь мистеру Томпсону, которого, оказывается, принесло в лагерь именно тогда, когда мне заблагорассудилось посетить его.

Мне ничего не оставалось, как, игнорируя зуммер и голоса из рации, развернуть роллер и на полном ходу рвануть в сторону вышки, часовых на которой вывел из строя подброшенный мною баллон с газом.

Но у вышки меня поджидали два бронетранспортера с охраной, подлетевшие к воротам вдоль забора наперерез мне. Штурмовать их с двумя пистолетами, собственным и отнятым у Пальбе, было явно бессмысленно. Я остановил роллер. Подбежавший ко мне человек вытянулся было по стойке «смирно» и начал:

— Бригаденфюрер, осмелюсь доложить... — Но, увидев мое лицо, тут же вскинул автомат. — Сидеть на

месте, не шевелиться, рук с руля не снимать! Гицке, возьмите у него оружие!

Меня разоружили и, защелкнув на руках наручники, вытащили из машины. Затем Гицке наклонился ко все еще пишущей на приборном щитке рации и сказал несколько быстрых слов. Потом требовательно спросил:

— Где Пальбе?

— У могилы. Жив и здоров, — спокойно ответил я, решив, что запыраться по пустякам не имеет смысла.

Еще несколько коротких приказов — и группа солдат выбежала в раскрывшиеся ворота.

— В машину! — скомандовал немец, указывая стволом автомата на бронетранспортер.

Я повиновался. Броневи́к двинулся в глубь лагеря.

«Что же, инспектор Финчли, вас везут как раз туда, куда вы так стремились».

Еще десять минут тряски, и я увидел берег реки и большие самоходные баржи, на которых лежал укрытый чехлами груз. Но толком разглядеть открывшуюся передо мной картину я не успел, потому что бронемашина свернула за угол длинного барака и остановилась у не очень приметного бунгало, перед которым навывтяжку торчал часовой с уже изрядно надоевшим мне таинственным знаком на петлицах со зловещим черепом.

Подтолкнув меня автоматом в спину, Гицке знаком велел шагать за офицером. Мы прошли по длинному коридору и оказались в прохладной комнате с кондиционированным воздухом. У окна спиной ко мне стоял чем-то знакомый человек.

— Арестованный доставлен, мистер Томпсон! — доложил начальник моего конвоя.

— Хорошо. Оставьте нас вдвоем и подождите за дверью, — стоя в той же позе, кивнул Томпсон.

Когда конвой вышел, он наконец-то повернулся ко мне, и я понял, почему его фигура показалась мне зна-

комой. Я так много раз читал описание его примет в наших секретных досье и так часто видел его фотографии в многочисленных газетах и журналах, что даже удивился тому, что не узнал его сразу. Передо мной стоял Реймонд Сандерс, самый доверенный человек Хауза.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КРАФКЕ (22.6.1951 г.)

В этот день, 22 июня 1951 года, Эрнсту Крафке исполнилось ровно пятьдесят лет, его юбилей не был похож на день сорокалетия, когда доктор Крафке, подняв бокал с ледяным французским шампанским, обратился к своим гостям — офицерам «сектора 88».

— Происходящие сегодня великие события — это лучший подарок фюрера нашему великому народу, всем немцам, а значит, и мне. Я безмерно счастлив, что непобедимая Германия сегодня двинула свои армии на восток... Восемьдесят восемь!

— Восемьдесят восемь! — хором грянули гости, выбросив вперед руки в партийном приветствии. — Зигхайль!

Теперь пятидесятилетний Крафке про себя проклинал припадочного Гитлера да и всех его упивающихся безграничной властью подручных.

Таланты химиков, работающих на «Фарбениндустри», вполне могли сделать цветущими землями безлюдные пустыни или же создать лекарства от многих страшных недугов. Однако они предпочли разрабатывать газ «Циклон», губящий все живое.

Замыслы конструкторов и инженеров, работающих под руководством Вернера фон Брауна, могли намного ускорить путь людей к звездам. Однако созданные ими снаряды «Фау» предназначались совсем для других целей, в чем, на свою беду, смогли воочию убедиться

англичане. Это, впрочем, не помешало впоследствии американцам выдать индульгенцию ведущему конструктору натовских ракет.

Сам доктор Крафке мог бы принести неоценимую пользу миру. Однако он шел по трупам, сотен тысяч замученных в «секторе 88» людей, которых он считал просто сырьем для своих экспериментов. И предназначал он свои научные чудеса отнюдь не для людского блага.

Поэтому сокрушался он сейчас лишь об одном, о том, что ему не удалось использовать результаты своих трудов так, как он хотел и считал единственно правильным. Безмозглые громилы-штурмовики, которых он и за людей-то считал с большой натяжкой, все же перехитрили его.

Еще шесть лет назад все, казалось, шло как нельзя лучше. Грандиозные работы, на которые уже обреченный, издыхающий рейх не жалел ни средств, ни сил, завершились в рекордно короткие сроки. Сам Борман тогда ободряюще похлопал Крафке по плечу, прочитав очередную «докладную записку», мотивирующую необходимость спасения «элиты нации» во имя будущего торжества национал-социализма. Крафке докладывал рейхслейтеру, что под элитой он имеет в виду «по-бормановски мыслящих ученых», а не просто исполнителей, в которых, как он был уверен, никогда не будет недостатка.

Крафке намеревался спасти фон Брауна, Менгеле, Мессершмитта, Шпеера и других лиц именно такой интеллектуальной категории, усыпить на несколько лет их интеллект, чтобы в нужный момент две тысячи умов пробудились для возрождения великой Германии и преобразования мира.

В докладной Крафке, отпечатанной лишь в одном экземпляре, именно Мартин Борман и именовался но-

вым фюрером, которого вознесут на своих плечах ученые.

Тогда Борман ободряюще потрепал его по плечу. И Крафке подал на его рассмотрение давно продуманный список двух тысяч лучших научных умов и организаторов производства гитлеровской Германии. План его в общих чертах был немудрен — сжатые сроки, огромные расстояния и экономические затруднения военного времени наряду с необходимостью сохранения строжайшей тайны ограничили количество мест в подземных убежищах двадцатью пятью тысячами. Но и это по праву можно было считать триумфом германского гения науки, дисциплины и организации.

Итак, сберечь две тысячи лучших умов. Но это, конечно же, не все. По замыслу Крафке, каждый из них должен был назвать десять лучших своих учеников, ассистентов, лаборантов, нужных ему людей, работающих в смежных областях и профессиях. Разумеется, никто из них и не подозревает, с какой целью его просят производить такой отбор. Нередко многие называли одних и тех же людей, но это лишь помогало отобрать тех, кто действительно был нужен и достоин.

А нужны по замыслу были двадцать тысяч человек, способных составить костяк будущего правящего класса.

Пять тысяч мест Крафке отводил людям из партийного аппарата — это была кость, которую он считал необходимым бросить рейхслейтеру. Да и к тому же тайные вклады в швейцарских банках, тайные связи с правительствами некоторых государств в Южной Америке тоже находились в руках Бормана и его людей. А на что будет способна даже самая гениальная элита без денег, без опоры?

Согласно плану на поверхности должна была оставаться только сравнительно небольшая, хорошо оснащенная группа, поддерживающая связь со своими людьми во внешнем мире. Группа, которая будет строго хра-

нить тайну подземных убежищ, обеспечивать существование двадцати пяти тысяч, ждущих прихода своего часа. Эти же люди должны были готовить скорейшее наступление этого часа, руководя международным фашистским подпольем, тщательно подбирая из него новые кадры для самообновления и сохранения преемственности.

Ведь Эрнст Крафке, зная своих «соратников», понимал, что вожди «третьего рейха» так просто со сцены не сойдут. Они обязательно оставят такое подполье во всех возможных странах мира. И вопрос весь лишь в том, в чьих руках окажется потом власть над ним.

Однако если ожидание затянется на много лет, то и Борман, и члены его штаба вынуждены будут уйти «вниз», выходя на поверхность лишь раз в пять-десять лет, что будет необходимо для ориентации в международной обстановке и руководства. Но ведь именно от Крафке будет зависеть, выйдут ли они «наверх» или же навсегда останутся там, «внизу». И никто, кроме него, не сможет принять этого решения.

Но если сам Крафке не станет уходить «вниз», то он когда-то тихо умрет от старости, в то время как Борман благодаря ему, Крафке, безболезненно сохранит нынешний возраст и здоровье.

Конечно, можно и самому уйти «вниз». Но может ли он быть уверен, что его потом выпустят обратно? Может ли он на кого-нибудь из молодых положиться?

Долго пытался Крафке разрешить эту проблему и вдруг совершенно неожиданно для самого себя нашел выход. Конечно же, гипноз! Да, глубокий гипноз и наркотики. Его силы воли наверняка хватит, чтобы держать под контролем трех врачей, которые десять лет были его подчиненными в «секторе 88». Они будут сменяться, то есть по очереди уходить «вниз» и по очереди возвращаться «наверх», блюдя при этом все интересы Крафке. Вот он, единственно надежный выход!

В конце зимы 1945 года на секретный объект в Южной Америке прибыл с инспекцией обергруппенфюрер СС Ганс Гитл. Ознакомившись с ходом работ и состоянием объекта, он остался доволен, вызвал к себе Крафке, Райхера и заявил:

— Господа, от лица командования благодарю вас обоих за образцовое выполнение долга. Буду рад доложить в Берлине, что в случае, если нам не удастся отразить нынешнее наступление противника, объект вполне готов принять десять тысяч кадровых функционеров НСДАП и пятнадцать тысяч отборных офицеров войск СС, которые и образуют состав «резерва 88».

Эрнст Крафке мельком взглянул на Райхера.

— Начальником эксплуатации объекта и командиром «резерва 88» назначается бригаденфюрер Райхер, — спокойно, как бы не замечая происходящего, продолжал инспектор. — Вы же, Крафке, будете ответственным за медицинское обеспечение...

Крафке поднял голову и взглянул на инспектора. Райхер, которого он считал просто тупоумным исполнителем, теперь становится его начальником. Как он сможет пережить все это?

— И благодарите бога, — все так же бесстрастно продолжал инспектор, — за то, что я не приказал расстрелять вас вместе с теми тремя болванами, которых вы лично подвергли спецобработке. Их кости давно начисто обглоданы вашими, как я слышал, любимыми рыбками. Вам, герр доктор Крафке, придется штат из ста офицеров-медиков войск СС. Вы должны будете всех до одного обучить управлению аппаратурой жизнеобеспечения и контроля над переходными процессами. — Голос инспектора стал жестким и властным. — Надеюсь, вам ясно, герр Крафке? На этой стадии работ мы уже можем обойтись и без вас!

Крафке был полностью сломлен, раздавлен, как клоп на стене.

«Герр доктор» понял, что аудиенция закончилась, и, попрощавшись, закрыл за собой дверь, прикрыв глаза.

«Неужели все было напрасно? — вертелось у него в голове. — Неужели все эти годы прошли для меня зря? Я сумел добиться желаемого и остался ни с чем? Сколько недель, месяцев, лет провел я в лабораториях «сектора 88», сколько проделал опытов, пока научился погружать людей в анабиоз, в летаргический сон, а затем в любой момент возвращать уснувшего к жизни через 10, 20, 50, 100 лет. И человек даже не поймет, что проспал несколько десятилетий. Он совсем не постареет, разве что на несколько часов, которые и занял бы у него обычный сон».

Начав с опытов по вживлению в головной и спинной мозг человека тончайших металлических электродов с целью руководства поведением подопытных людей, Крафке постепенно перешел к более широким исследованиям, так как убедился, что при некоторых воздействиях на нервную систему человека и его мозг наступает состояние, очень похожее на так называемый летаргический сон, когда почти полностью затормаживаются все функции организма. И в этом состоянии можно поддерживать жизнедеятельность организма введением специальных сверхкалорийных препаратов.

Он проделывал свои эксперименты десятками, сотнями, тысячами, пока не добился желаемого результата. Благо человеческого материала для исследований и опытов у него было предостаточно. Концлагерь пополнился чуть ли не ежедневно...

И вот теперь, когда до воплощения его мечты было рукой подать, — все рухнуло. «Герр доктор» подумал о Бормане. Да, рейхслейтер использовал его, Крафке, чтобы обмануть фюрера и самому со временем стать вождем нации. Именно поэтому Борман решил вовремя заменить Крафке. Крафке стало окончательно ясно, что

ни Гитлер, ни Геринг, ни Геббельс, ни Гиммлер не сумеют покинуть пределы Германии. А эсэсовская гвардия, отобранная для созданного им, Крафке, убежища в Южной Америке, получит нового фюрера, оказавшегося «герру доктору» явно не по зубам. Не случайно же столько мест предназначено функционерам НСДАП — это личный актив рейхслейтера...

За шесть лет, прошедших с конца войны, рейхслейтер Мартин Борман так ни разу и не появился здесь. Иногда даже доктору приходило на ум, что, может быть, Борман давно уже здесь, просто это от Крафке сумели скрыть.

Отстраненный от всех дел, кроме медицинских, Крафке не имел ни малейшего представления о том, что же происходит в мире, как складывается международная обстановка, что творится в родной Германии. Не знал он и того, с кем поддерживает связь ставший ненавистным бригаденфюрер Райхер.

Постепенно Крафке почти совсем перестал покидать свою подземную лабораторию. Да и если бы даже захотел сделать это, идти ему все равно было некуда. Ведь их маленький городок, наверху тщательно охранялся. Без специального пропуска нельзя было пройти даже из одного сектора в другой.

Грустные мысли именинника прервал стук в дверь. Эрнст Крафке не поднял головы. Он сидел в кресле рядом с застланной серым солдатским одеялом жесткой койкой. Эта койка, небольшой стол, кресло, шкаф, кондиционер — вот и вся меблировка его восьмиметровой спальни, в которой он жил при лаборатории.

Не услышав никакого ответа, стучавший сильно толкнул дверь и смело вошел в комнату.

— С днем рождения, дорогой герр доктор!

Крафке только тут вскинул наконец-то глаза, чтобы рассмотреть незваного гостя.

— Райхер? — искренне удивился он.

— Бригаденфюрер Райхер, — жестко напомнил эсэсовец. — Однако не будем считаться чинами. Тем более сегодня ваш праздник, не правда ли? Как быстро летит время!

Крафке ничего не ответил. Он бездумно смотрел в сторону.

— Вы и не рады, герр доктор? Ладно, сделаю вам свой подарок и тут же уйду. С сегодняшнего дня командование переводит вас «вниз» на неопределенный срок. Вы еще понадобится нам, но, когда точно, никто пока не знает. И не вешайте носа, герр доктор, — перешел Райхер чуть ли не на дружеский тон, увидев, что Крафке совершенно не реагирует на сообщение. — Мы с вами еще встретимся в лучшие времена, вот увидите! Мы еще вместе поработаем. Я ведь тоже «ухожу». Так что до встречи!

Он было протянул Крафке на прощание руку, но, увидев, что тот продолжает безмолвно сидеть, выкинул руку в нацистском приветствии:

— Восемьдесят восемь! Зиг хайль!

Резко повернулся к двери и вышел из комнаты.

«Если это действительно произойдет, то когда они вытащат меня из нафталина, который я сам и изобрел? — подумал Крафке. — А вдруг я не понадобится этим болванам? И они не воскресят меня?»

РЕЙМОНД САНДЕРС
(7.5.2005 г.)

Обычно сотрудников, а у нас нет подчиненных, только сотрудники, что вызвано, конечно же, данью времени, приглашают к «Его величеству» секретарши. До меня же он почти всегда снисходит сам. Лично нажимает кнопку «интеркома» и говорит: «Зайди, Рей, давай вместе подумаем». Еще бы иначе, ведь я же у него «мозговой трест», правая рука.

Ричард Хауз искренне считает меня верным своим слугой. Отчасти он прав.

На моем столе привычно загудел «интерком», я нажал кнопку ответа и услышал не менее привычное: «Привет, Рей, зайдя! Давай вместе подумаем». Интересно, о чем он думал и чем занимался, пока я носился как угорелый между Европой, Штатами и Южной Америкой. Слишком многих своих людей проклятый немец успел расставить по самым ответственным местам на «Объекте 88» в «Зоне Икс».

Итак, я спасал положение, предотвратив в последний момент катастрофу, вызванную легкомыслием самого Ричарда, а он, болван, в это время даже не смог обвести вокруг пальца мальчишку из «Вестника», предпочел вообще его не принимать. Вот и оставь его одного больше чем на два-три дня.

Доклад о последствиях его послаблений немцу я уже представил. А сейчас сообщу ему еще одну пикантную детальку.

Когда я зашел в просторный кабинет, он заканчивал диктовать какое-то письмо хорошенькой секретарше — Конни Паркер. Она ответила на мое приветствие ледяным взглядом. Я довольно долго и весьма галантно пытался ухаживать за нею. Однажды просто вызвал ее к себе в кабинет... Она же надавала мне пощечин. Узнав об этом, Хауз наверняка похохотал надо мной, но мне и виду не показал. Его успехи у женщин и мои у них, мягко выражаясь, неудачи — это, пожалуй, единственная область, где Ричард Хауз чувствует истинное, настоящее природное превосходство надо мной. Я ему во всем подыгрываю. С меня ведь не убудет. Хотя временами довольно трудно держать себя в руках.

Что же до Конни?.. Мы занесем ее в маленькую черную книжечку, которая существует лишь в моем уме. И горе тому, кто туда попадет...

Хауз отпустил секретаршу, ласково и снисходительно потрепав ее по щеке. И та, окатив меня еще одним холодным взглядом, вышла за дверь.

— Садись, Рей. — Хауз жестом показал мне на поднос с бутылками, сифонами и ведерком со льдом. — Премиленькая девочка эта Конни. Разве нет? Не служи она у меня и не возьми я за правило не трогать своих сотрудниц, видит бог, сам бы за ней приударил...

«Издевается, мерзавец, — подумал я, садясь в кресло. — Но я пропущу все мимо ушей».

— Ну хорошо, Рей, займемся делом. — Хауз удобно откинулся на спинку кресла. — Я ознакомился с твоим докладом. Ты был прав. Я недооценил немца и позволил ему слишком много свободы. Поэтому он и выскользнул из-под контроля...

Еще одна сильная черта босса, которой я объективно воздаю должное. Умеет признавать свои ошибки. Но только не в том, что касается его личного тщеславия или в его отношениях с женщинами.

— Ты успел принять своевременные меры. Хорошо, что не ликвидировал его, он нам пригодится. Да, он еще нужен, и не спорь. Ты сам это прекрасно знаешь, потому и оставил его в живых.

— Я не осмелился без твоей санкции, Ричард, — вставил я.

Он благосклонно кивнул:

— Я всегда ценил в тебе умение сочетать разумную инициативу с пониманием границ своих прерогатив. В таких неординарных случаях последнее слово, разумеется, за мной. Но ты достаточно умен, чтобы понимать, что он нам еще пригодится. Промоем ему как следует мозги и усилим над ним контроль. Я поговорю с ним в твоём присутствии, и мы покончим с этой проблемой. Раз и навсегда.

Теперь о главном. Его заговор заставил меня поду-

мать о том, что надо еще раз рассмотреть и усилить методы прикрытия. Мы начинаем привлекать к себе внимание. Разумеется, такое шило, как подготовка к осуществлению нашей программы, утаить чрезвычайно трудно, но необходимо. Иначе...

— В таком случае, позволь тебя спросить, Ричард, почему ты отказался принять корреспондента «Вестника»?

— Ты что, Рей, в своем уме? — искренне возмутился Хауз. — Он же русский!

— Поэтому и нужно было его принять, чтобы не вызывать подозрений и не привлекать к себе излишнего внимания.

Хауз с раздражением бросил на стол шелковую закладку для книг, которую тербил в руках:

— Он начал бы выпрашивать по поводу отказа от проекта по разработке минеральных богатств океанов. Я посмотрел его вопросы. Будь это любой другой человек, я просто заткнул бы ему рот деньгами или нажал бы как следует на его хозяев. Наших журналистов я отучил, слава богу, задавать лишние вопросы. Он вздумает копать, где задействованы мои фирмы, работающие в этой области, и узнает, что они давно ведут добычу всего, что нам нужно, близ берегов Южной Америки. И делают это без всякого ведома международного сообщества. Представь, что произойдет тогда? — Хауз усмехнулся и плеснул себе содовой из стоящего рядом сифона. — Более того, — уже спокойно продолжил он, — узнай русские, куда идет все, что мы добываем, и особенно уран...

— Ну, ничего, не успеют, — вставил я, понимая, что пора ускорить ход рассуждений шефа.

— Не успеют? — вскинул брови Ричард. — Еще как успеют, если мы не ускорим темпы. Нет, Рей, с каждым днем я все больше и больше убеждаюсь, что подготовку к реализации наших планов требуется форсировать.

Эти коммунисты, увы, все же правы: время работает на них.

— Но с юнцом из «Вестника» можно было потолковать...

— Обстановка обострилась гораздо больше, чем ты предполагаешь, Рей. — Хауз опять откинулся на спинку кресла. — Наши осведомители из Комитета ООН по строительству межконтинентального скоростного супершоссе Север — Юг сообщают, что комитет продолжает настаивать на прокладке этой дороги через два континента. Они войдут в пределы нашей зоны. Они не хотят идти ни на какие изменения в планах. Им, видишь ли, необходимо охватить районы, оставшиеся вне зоны шоссе. «Трансамазонка», проложенного еще в восьмидесятих годах прошлого века.

«А если ему рассказать о появлении в «Зоне Икс» некоего субъекта? — подумал я. — Может, сказать о нем Хаузу сейчас? Нет, рано. Пусть еще поразглагольствует».

— А если комитет поставит этот вопрос перед сессией Генеральной Ассамблеи ООН, которая состоится через месяц, то ООН, научившаяся, как это ни странно, действовать оперативно, примет решение, надавит на известное тебе правительство, а то, учитывая предстоящие выборы, может и уступить...

«Он прав, — думал я. — При всех наших деньгах и политическом влиянии мы так и не смогли прихлопнуть проект строительства этой совершенно не нужной нам дороги. Абсолютно ясно, что надо спешить, иначе нас просто-напросто раздавят. Пока у нас еще есть силы! Даже уже потерянное можно вернуть».

— Земли в «Зоне Икс», через которые должна пролегать дорога, юридически принадлежат тебе, — заметил я. — Никто пока не знает, что фирма «Ромерсон» всего лишь твое прикрытие. Но мы всегда можем объ-

явить официально, будто она наш филиал или что мы только что приобрели ее.

— Может начаться всякое юридическое крючкотворство относительно приоритета национального правительства страны над интересами частной фирмы... Нам выплатят компенсацию, а наши земли национализуют. — Хауз пружинисто поднялся из-за стола и начал расхаживать по кабинету. — Появятся геодезические бригады, они нагрянут и в район «Зоны Икс».

Шла бы речь об одном только «Объекте 88», это еще полбеды. Его можно быстро уничтожить, а людей перевести в другое место. Остальные наши объекты незаметно на другое место не перебросить, да и следов не замести...

— Ричард, пока тамошнее правительство сидит у нас в кармане и его еще не сбросили розовые либералы, мы можем не беспокоиться. — Я наблюдал, как Хауз нервно размахивает руками, шагая по ковру. — Тяжбу с нами станет разбирать сначала Верховный суд, затем международный арбитраж, все остальные инстанции, некуда нам торопиться! Потом, когда все закончится, мы, если захотим, сами можем построить эту дорогу! Верно?

— Нет, Рей, нет. Если заваруха начнется, ее не пресечешь. Мы рассчитывали на полтора года, теперь же у нас в запасе осталось только несколько недель.

— Пожалуй, — промямлил я вслух. Вот теперь пора. — В свете твоих аргументов начинает выглядеть несколько по-иному одна деталь. В нашу «Зону Икс» пожаловал незванный гость.

— Гость? Туда и раньше случайно забредали индейцы. Надеюсь, гостя без лишних слов ликвидировали?

— Видишь ли, теперь туда пролез старший инспектор СОБН Джеральд Финчли...

Хауз замер на месте:

— Почему мне не доложили сразу? Почему ты молчал до сих пор?

— Случайные визитеры в зону — дело обычное. Начальник охраны хотел инспектора скормить пираньям, но Финчли уверил его, что имеет важную информацию. Однако те козыри, что у него на руках, он намерен отдать только тебе, Ричард.

Хауз нахмурился, под кожей щек заходили желваки.

— Что мог делать в «зоне» работник СОБН? Мы тщательно заматали следы после того, как люди немца засыпались с типографией. Все немец, этот проклятый немец! Финчли немедленно доставь на Остров. Пусть посидит пока, как и немец. Я приеду на Остров и поговорю сразу с обоими.

— Будет сделано. А в основном вопросе ты, как всегда, проявил лучшую, чем я, интуицию, — польстил я Хаузу, и он самодовольно усмехнулся. — Теперь давай все подытожим. Через месяц сессия Генеральной Ассамблеи на основании доклада комитета по строительству дороги примет решение. Фирма «Ромерсон» откажется допустить ооновцев в свои владения и не разрешит прокладывать дорогу через принадлежащие ей территории. Юридическая тяжба даст нам отсрочки в два-три месяца, не больше.

— За этот срок мы должны довести до конца все работы по «Программе Икс», — решительно заявил Хауз, — полностью активизировать все ресурсы и начать. Одним словом, я считаю необходимым созвать внеочередное заседание Учредительного комитета. Поэтому немедленно отправляйся на Остров. И вот что: не пора ли нам, раз уж события приняли такой ускоренный темп, несколько конкретизировать наши позиции. Поставить, как говорят, точки над «и»? Боюсь, потом нам будет некогда.

— Что ты имеешь в виду? — сделал я удивленные

глаза, на самом-то деле великолепно зная, о чем сейчас пойдет речь.

— Дорогой Реймонд... — медленно протянул Хауз. — Видишь ли. Учредительный комитет спасения западной цивилизации, надеюсь, признал мою роль инициатора и организатора его создания. Он согласился на том, чтобы я главенствовал в нем. Однако это положение первого среди равных... Когда «Программа Икс» будет полностью и успешно выполнена, мне трудно будет перейти ко второй фазе наших планов, если я сразу же не сделаю заявку на роль большую, чем сейчас. Контрольный пакет акций, так сказать, обязан принадлежать мне и только мне. Это должно быть ясно всем с самого начала.

«Боже, — подумал я, тоже плеснув в свой бокал содовой и сделав несколько глотков. — Ну разве можно при таком тщеславии начинать столь большое и серьезное дело? Актер».

— Послушай, Ричард, ты ведь имеешь дело с людьми твоего же уровня и калибра, — спокойно произнес я, вертя в руке пустой бокал. — Но ты один против той силы, на которую замахнулся, ничто. ...Нам удалось объединить в Учредительном комитете силы крупных промышленных магнатов, финансистов, бывших производителей оружия, генералов... Ты будешь лидером, но не должен обнаруживать своих тайных замыслов. Никому и в голову не должно прийти, что ты, Ричард Хауз, унаследовал от своего деда Бернарда Хауза историю, которую он купил и с которой он намеревался вытворять все, что пожелает. Ты вождь олигархов, но не показывай, что намерен стать диктатором. Бунтовать умеют не только рабочие, но и магнаты. «Программа Игрек», а затем «Программа Зет»...

— Да, «Программа Зет»! — выкрикнул Ричард. — Сам знаешь, что я нетерпелив. Это ты можешь ходить

вокруг лакомого кусочка, вздыхать, желать, но... так и не попробовать его.

— Кстати, — невозмутимо произнес я вслух. — Мне могла бы пригодиться на Острове Конни. Переписку по филиалу «Ромерсон» вела только она, а мне потребуются поднять документы. Созыв Учредительного комитета потребует еще одной опытной секретарши. Думаю, Конни подойдет.

— Отлично, я ни в коей мере не возражаю. Бери ее с собой, и желаю успеха!

Я выходил от Ричарда Хауза с двойным чувством. Наконец начинаем активно действовать!

Но Хауз стал слишком нетерпелив. Мы можем проиграть. Ему сошло с рук немало авантур, но в такую громадную он еще не пускался.

БУНТ ДОКТОРА КРАФКЕ (9.5.2005 г.)

Погода стояла просто великолепная. Конни, приехав на Остров, тоскливо подумала, что в такой солнечный день было бы куда приятнее искупаться, а потом долго и лениво загорать на пляже, чем сидеть в приемной в обществе отвратительного Сандерса. Сандерс приказал взять из архива все документы по фирме «Ромерсон» и запросить у центрального компьютера данные о контрактах, заключенных фирмой на владения земельными участками в той стране, где находилась ее основная сельскохозяйственная экспериментальная база. Требовалось подготовить отчет о последних крупных сделках, заключенных фирмой.

Справка, выданная компьютером, не могла не вызвать изумления Конни. Для чего фирме, ведущей сельскохозяйственные эксперименты в сельве, поставки большого парка станков и промышленного оборудования? Зачем понадобилось такое огромное количество комп-

лектов легкой тропической одежды? В качестве этой тропической одежды были закуплены тысячи комплектов летнего обмундирования с законсервированных складов избыточного армейского снаряжения армии США. После всеобщего сокращения вооружений и вооруженных сил это казалось понятным: рачительный хозяин ничего не выбросит, а лучше продаст товар за полцены, чем просто уничтожит. Но зачем эта одежда фирме «Ромерсон»?

Оторвавшись от пишущей машинки, девушка взглянула в окно и долго не могла оторвать глаз от открывшейся ей картины. Океан сегодня был спокоен. Огромная масса расплавленной, густо-синей лазури застыла в гигантской золотой чаше. Хауз умудрился поставить основной офис именно так, что из его окон видно все: и неоглядная гладь океана, и золотистый песок берега, и даже чайки, деловито высматривающие добычу в прибрежной полосе. Вдали по воде, как по синему стеклу, скользил парус легкой прогулочной яхты, два корабля маячили у самого горизонта.

Конни склонилась над машинкой. Оказаться на Острове не секретаршей, обязанной заниматься деловой перепиской, а просто так — Конни Паркер... Лежать бы на горячем песке, закрыв глаза, и искать руку русского богатыря...

Сергей был не столь изыскан и многословен, как Моррис, но, целуя ее на прощание у порога, он подарил ей больше, чем кто-либо за многие годы.

Приехать бы на Остров с Сережей или еще лучше, совсем не ехать сюда, а быть где-нибудь вдали отсюда с ним вдвоем...

Конни никогда специально не посвящали в тайны концерна, но, проработав пять лет личной секретаршей босса, она не могла не замечать многих, мягко говоря, странностей. Связав воедино обрывочные сведения, нетрудно было догадаться, что джентльмен Хауз зани-

мается и делами не совсем джентльменскими... Когда же ее начали брать в деловые поездки на Остров, она поняла, что малейшее ослушание может закончиться плохо. И поэтому старалась исполнять лишь то, что ей приказано, сознательно на многое закрывая глаза. Не ее все это дело. Каждый сам за себя. Пусть грызутся между собой за свои доллары, миллионы, миллиарды сколько угодно, лишь бы ее не трогали.

Познакомившись с Сережей, она ждала, что он начнет расспрашивать ее о Хаузе. Но он не сделал этого, и Конни стало немного стыдно. Она сама как бы случайно навела разговор на Хауза. Но Сергей отмахнулся.

— К черту твоего босса. Негодяй, каких свет не видел.

— Мне нравится мой хозяин, — привычно строго заметила Конни.

— Да, дорогая девочка, но миллиардер ведет себя э-э... — Сергей осекся, не желая больше говорить на эту тему. А Конни не могла забыть его слов, заставивших ее задуматься как раз над тем, о чем она всегда старательно пыталась не размышлять.

К «слету больших орлов» отчет по фирме «Ромерсон» должен был быть подготовлен полностью. Конни ударила пальцами по клавишам машинки.

— Закончили вы то, что я просил? — неожиданно услышала она за спиной слащавый голос Сандерса. — Надеюсь, не очень утомились?

— Осталось минут на пятнадцать, — ответила она, не переставая работать пальцами.

— Вот и прекрасно! И можно отдохнуть, — обрадовался Сандерс. — Завтра приезжает босс, а сегодня пляж в нашем распоряжении. Как вы смотрите на маленький отдых перед предстоящими днями тяжелой работы? Составите мне компанию для прогулки на катере?

— Благодарю вас, мистер Сандерс, — оглянувшись с улыбкой Конни. — До приезда «Его величества» мне не управиться со всеми делами. Вы же сами будете недовольны, если я не все приготовлю в срок. Мистер Хауз в любой момент может позвонить с материка, его удивит мое отсутствие.

— О чем вы говорите, Конни. — Сандерс склонился к уху девушки. — Я объясню боссу, что вы отлучились из приемной по моему личному указанию.

— Он предоставил меня в ваше распоряжение? — насмешливо спросила девушка.

Запах волос Конни пьянил Сандерса. Близость ее лица, насмешливых глаз, дразнящих губ была невыносимой. Потеряв самообладание, начальник личной канцелярии Хауза грубо обнял Конни и поцеловал ее в шею. И... тут же оказался на полу. Девушка сбила его с ног резким ударом локтя в солнечное сплетение, сопроводив его мощным хлестким ударом по переносице ребром раскрытой ладони. Она при этом даже не встала с места. Сандерс оторопело сидел на полу, пытаясь восстановить дыхание. От боли и унижения у него на глазах даже выступили слезы.

— Давайте больше не будем возвращаться к затронутой теме, — сухо сказала Конни. — Иначе я буду вынуждена обратиться к мистеру Хаузу.

— Дрянь! — вставая, выругался Сандерс. — Без меня Ричард Хауз — никто. Не его, а меня ожидает власть над миром! — выкрикнул Сандерс и осекся...

— Над миром? — Конни удивленно окинула его несуразную фигуру взглядом. «Он рехнулся, — подумала она, — это сумасшествие!»

Зазвонил телефон, и Конни вышла из кабинета, не желая мешать разговору начальника личной канцелярии с боссом. Закрывая дверь за собой, она успела услышать только одну фразу, сказанную быстро взявшим себя в руки Сандерсом: «Да, мистер Хауз, его уже

доставили». Говорил он совершенно спокойно, с полным самообладанием, как будто бы вовсе и не валялся только что на полу в истерике.

«Нет, не сумасшествие это, — подумала Конни, идя по коридору. — «Власть над миром»...

Закончив разговор с Хаузом, Сандерс с ненавистью посмотрел на дверь, за которой скрылась Конни. Кто бы мог предположить, что он проболтается из-за какой-то девчонки. Это просто переутомление. Теперь ее с Острова выпускать нельзя. Опасно. Она о многом догадается... Впрочем, может быть, не такая уж она и толковая.

Утром Конни удивилась: возле дверей маленькой комнатки, расположенной рядом с приемной, почему-то стоял сотрудник службы Джонсона. Все они, как и этот, долговязые, мускулистые, хмурые и не слишком разговорчивые. Девушка поздоровалась с ним, хотела открыть дверь и войти в комнатку. Ею обычно никто не пользовался, и, приезжая на Остров, Конни держала там всякие канцелярские мелочи, чтобы не захламлять свою приемную. Охранник загородил ей дорогу:

— Туда сегодня нельзя.

Пожав плечами, Конни прошла к своему столу. На Острове не принято вступать в спор с сотрудниками внутренней безопасности. Второго сумрачного субъекта она увидела в приемной. Он развалился в кресле у окна.

Скоро в приемной появились Хауз и начальник личной канцелярии. Босс, как всегда, весело потрепал Конни по плечу, быстро прошел в кабинет. Сандерс держался как ни в чем не бывало. Он обернулся к сопровождающему их Джонсону, что-то тихо сказал и последовал за Хаузом.

Охранник молча кивнул и открыл дверь:

— Введите!

Пошатываясь, вышел человек в белой рубашке, ко-

торая свисала с тела грязными клочьями, руки он естественно держал перед собой; и девушка заметила, как на них блеснуло что-то металлическое. Лица его она не разглядела. Охранник распахнул перед ним дверь и втолкнул его в кабинет Хауза.

Крафке ввели в наручниках. Хауз, сидевший за столом, отложил пилочку, которой рассеянно водил по ухоженным ногтям, и уютно откинулся на спинку кресла.

Сандерс не без скуки ждал предстоящей сцены, которая будет разыгрываться по его сценарию. Миллиардер внимательно посмотрел на присмирившего ученого. Затем кивком головы отослал охранников за дверь.

Полосатый кот сладко потягивался на коленях Хауза.

— Не удивляйтесь, «герр доктор», — поймав изумленный взгляд Крафке, усмехнулся Хауз. — Это всего-навсего уссурийский тигр. Тигренок, вернее сказать. Приезжая на Остров, я всегда нахожу время повозиться с молодняком. У меня много различного зверья. Обожаю животных, Крафке. И людей, поддающихся моим методам дрессировки. А им, как правило, поддаются все. Вы меня понимаете? Не старайтесь быть исключением, Крафке! Это плохо кончится для вас. — И Хауз погладил тигренка. — Людей знаю тоже порядком. Именно поэтому моя любовь к животным беспредельна.

— Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак, — болезненно пошутил Крафке. — В свое время я слышал эту фразу от фюрера.

— О, фюрер тоже имел здравые мысли, — засмеялся Хауз.

— Да, герр Хауз. — Крафке стоял далеко от стола. — Фюрер даже стремился воспитывать молодежь по подобию зверей. Он обещал вырастить юношей, по-

добных которым еще не видел мир. Жестоких к врагам, по-собачьи преданных ему...

— И лишенных интеллекта? — хмыкнул Хауз. — Хорошо, но до известного предела. У исполнителей нельзя напрочь стирать собственную инициативу, иначе ничего продуктивного не получится. А мне от людей нужна продуктивность, Крафке. Я деловой американец, а не какой-то там австрийский маляр. Но если эта инициатива выйдет за установленные хозяином рамки, то не следует забывать: на каждую собаку найдется свой намордник, свой строгий ошейник, своя плетка и свой живодер, если потребуется. Это я говорю специально для вас, Крафке.

Немец вздрогнул, поняв, что миллиардер не шутит.

— Но к вашему безумному бунту мы вернемся несколько позже. На свои деньги я содержу в пяти странах мира гигантские заповедники, где развожу редчайших особей, давно уже оплаканных Красной книгой. Когда-нибудь я отведу под главный свой заповедник всю Африку. Будем устраивать африканские сафари на львов, крокодилов, тигров и негров. Отменная забава, а? Люблю животных, но охотиться на них тоже люблю...

По выражению лица Хауза нетрудно было понять, что он вспоминает об одном из своих охотничьих приключений. Неожиданно он резко выпрямился в кресле, тигренка на его коленях вздрогнул.

Немец облизнул разбитые губы. Под правым глазом у него был довольно большой кровоподтек.

— Когда люди моего деда приводили в порядок ваше вшивое нацистское подполье, старик Бернард получил в свои руки «Объект 88», — продолжал Хауз монотонно. — Дед не успел докопаться до вас, не узнал, что вы сами тоже находитесь в одном из коконов. Ваши нацистские дружки спрятали вас довольно хорошо. Я не мог не воздать должного вашему уму и научному дарованию. Вы обогнали мировую науку на

много лет. Я приказал моим людям разыскать вас. И вы были обнаружены. Говорю вам это прямо. Вы умный человек. Ученый вашей широты мышления, вашего интеллекта должен был бы использоваться эффективнее. Я дал вам все, чтобы вы могли за пять лет усвоить информацию, накопленную мировой наукой за те годы, что вы не по своей вине, но благодаря собственной гениальности умудрились преспокойненько проспять. Вам оставили лабораторию, штат толковых сотрудников, неограниченные средства и немалую власть. Вы проспали сорок четыре года, но сохранили интеллект. В этом я не ошибся. Перед тем как вас сейчас доставили ко мне, я еще раз просмотрел ваше досье. Я был вами доволен, но, притворяясь, что верно служите мне, вы осмелились тайно действовать против. Мне известны все подробности заговора. Я хочу услышать их непосредственно из ваших уст. Говорите!

Крафке молча и выразительно смотрел на свои скрученные руки.

— Повторяю, — снова заговорил Хауз, — наручники и меры физического воздействия не должны вас удивлять. Я вполне мог бы обойтись современными средствами, то есть приказать сделать вам два укола, и вы тогда начали бы пытаться сами себя. Но ваше воображение все еще живет во времена бездарного «третьего рейха», умудрившегося погубить здравую идею мирового господства. И напоминаю в последний раз, что из всех участников вашего дурацкого заговора вы единственный, кто пока остался в живых. Подчеркиваю — пока.

— Я был в отчаянии, мистер Хауз. — Немец заговорил, с трудом подбирая слова. — После войны пошло прахом дело всей моей жизни. И я не видел иного выхода, кроме как подчиниться Райхеру и уйти «вниз». Пробуждение же было совсем невероятным. Нет, поверьте, меня несколько не огорчило, что мои прежние

вожди стали вашими слугами. Поверьте, мистер Хауз, я глубоко уважаю вас. Вы умный и деятельный человек... Но за пять лет работы на вас я пришел к выводу, что вы занимаетесь не тем. Вы создали прекрасную организацию, дающую огромный доход. И не более...

— Мои деньги — это и есть власть. Самая реальная власть в этом мире, — возразил Хауз.

— Не та власть, которой обладал Гитлер, — смело ответил Крафке. — О, если бы у руля национал-социализма и Германии тогда стояли мы, ученые, конструкторы, инженеры. Мы заставили бы весь мир работать на нас! Да, да, весь мир! Сегодня дарования такого человека, как вы, не растрчивались бы на операции с наркотиками, а черномазые не чувствовали бы себя так уверенно. Ваша нынешняя власть — не власть, а всего лишь влияние. Где сегодня сила, способная обуздать миллиарды людей? Ее больше нет. Ваши предшественники совершили роковую ошибку, позволив Рузвельту воевать вместе с русскими против нас.

— Ошибку совершил ваш идиот-фюрер, а не мы, — перебил немца Хауз. — Он должен был идти на Восток, и только на Восток, а не на Запад. Вы, Крафке, вообще отдаете себе отчет в том, что ваш гитлеровский нацизм был всего лишь маленьким эпизодом большой игры? Мы, промышленники и финансисты Запада, создали Гитлера, чтобы он шел на Восток! А этот взбесившийся ефрейтор кусал руку, которая его же вскормила.

— Вероятно, — неуверенно сказал Крафке, избегая пристального взгляда следившего за ним Сандерса, который сидел сбоку в кресле. — И все же возрождение великой идеи нацизма необходимо... А попав под вашу руку, движение растворяется в вашем бизнесе. Я втайне вербовал бывших членов движения, работающих на вас. Я спешил, у меня почти не было времени,

и поэтому я решился на отчаянный шаг — разбудил Райхера. Я ненавидел его, так как он олицетворял все то, что погубило мою идею и мое дело. Но я знал, что смогу использовать этого фанатичного наци. Он взвыл, узнав, что «резерв 88» принадлежит американцу. И я убедил его, сказав: «Райхер, мы проявим истинно нацистский дух. Мы воспользуемся деньгами и организацией этого янки, чтобы воскресить дело фюрера...»

— Я не янки, — процедил сквозь зубы Хауз. — Я техасец.

— Уверю вас, Райхеру подобные тонкости безразличны, — усмехнулся разбитым ртом Крафке. — Вряд ли он вообще когда-нибудь слышал, что в Штатах была гражданская война. И я говорил ему: «Райхер, через два месяца еврей-плутократы будут праздновать шестидесятилетие своей победы над нами. Так нанесем же им удар в Нюрнберге! В том самом Нюрнберге, где имя фюрера гремело на партийных съездах и где враги казнили позорной смертью святых героев!

Что произойдет, — повторял я ему, — если в этом городе, запятнанном кровью мучеников за арийское дело, вдруг появятся пятьдесят героев-эсэсовцев в черных парадных мундирах и штурмом возьмут дом, названный «Дворцом правосудия»? Как содрогнется мир, узнав, что гвардейцы фюрера не умерли, не постарели ни на день за эти шестьдесят лет! Все увидят и поймут, что НСДАП бессмертна. Немцы снова пойдут за нами, как за птицей Феникс, воспрянувшей наконец из пепла!

Вы же знаете, мистер Хауз, что Гитлер обожал всякую мистическую дребедень. Такому фанатику, как Райхер, она не могла не прийтись по душе. Он даже прослезился, обнял меня и заявил, что впервые поверил мне по-настоящему! И ради воскрешения дела он готов пожертвовать жизнью сорока девяти братьев-эсэсовцев. Для него, командира ударной группы, мы разрабо-

тали план спасения. Райхер составил мне список сорока девяти наиболее преданных офицеров, я разбудил их, и мы начали готовить операцию. Чтобы замести следы, все сорок девять заранее приняли яд. Согласились стать мучениками во имя идеи. Одно слово, фанатики! Райхера отравил я сам, подсыпав яд в его кофе.

— Так-так... — Хауз рассеянно барабанил пальцами по столу, затем повернулся к начальнику личной канцелярии: — У нас есть вопросы к доктору Крафке, мистер Сандерс?

Тот снял очки, достал из нагрудного кармана пиджака белоснежный носовой платок, протер стекла, затем оправу. Снова надев очки, он пригладил остатки волос на яйцеобразной голове и начал не спеша складывать платок, прежде чем положить его обратно в карман.

«Очки у него, как у Гиммлера, — невольно подумал Крафке. — Такая же тонкая золотая оправа. И внешне похож на Гиммлера, такая же противная сушеная глιστα. Здесь он, судя по всему, выполняет роль Бормана».

— Не кажется ли вам, Крафке, что в словах ваших есть противоречие? — нарушил наконец молчание начальник канцелярии.

— Какое же, мистер Сандерс? — спросил пленник.

— Вы невысокого мнения о фюрере и его друзьях. Они были мелкими лавочниками, дорвавшимися до власти. Зачем же вам хотелось возродить их идею? Почему вы считаете ее великой?

— Идея и ее исполнители — вещи разные. Носителями великой идеи оказываются люди, не способные сами понять ее до конца. Идея может быть слишком великой, а поколение чересчур не подготовленным, чтобы целиком и полностью ее усвоить, понять и воплотить...

— Позвольте поставить вопрос иначе.

От издевки, звучащей в вежливых, казалось бы, словах начальника канцелярии, у Крафке пошел мороз по

коже. Хауз же усмехнулся, следя за устроенным его помощником допросом.

— Вы были намерены возродить великую идею нацизма и сами решили стать ее главным носителем. На какой же базе, герр доктор?

Крафке перевел взгляд с Сандерса на Хауза. Хозяин кабинета бесстрастно, в упор разглядывал его.

— Вам, надеюсь, понятен мой вопрос, Крафке? — издевательски вежливым тоном продолжал начальник личной канцелярии. И вдруг выкрикнул, голос просвистел как удар бича: — Хватит валять дурака!

— Сторонников нацизма хватает и у вас в США, и в Европе, я имею в виду Западную, и в Австралии, и в Южной Америке... — бормотал Крафке. — Мне хотелось дать им всем новый импульс, новый толчок. Но для прихода нацизма к власти этого, конечно, мало.

— Разумеется! — резко бросил Сандерс.

— Я рассчитывал прорваться к власти на гребне мощной, отлично налаженной организации. Вашей организации, мистер Хауз! — твердо произнес немец. Теперь он смотрел прямо в глаза боссу. — Вся операция в Нюрнберге планировалась как шантаж против вас. Я намеревался стать во главе воскрешенного нацистского движения. Я намеревался оседлать вас, пригрозив, что в противном случае Совет Безопасности ООН получит сфабрикованные мною материалы о том, что Нюрнберг — дело ваших рук.

— Ваше счастье, герр доктор, что вы признались в этом сами. В противном случае я был бы вынужден удовлетворить просьбу моего верного помощника, предлагавшего скормить вас вашим же любимым рыбкам, — продолжал Хауз уже веселым тоном, как будто обсуждал с собеседником шахматную партию. — Мне может пригодиться человек вашего редкого ума. Но при условии беспрекословного повиновения. Пусть вам будет примером мистер Сандерс. — Хауз окинул своего «се-

рого кардинала» веселым взглядом. — Через своих людей в Южной Америке, Англии и ФРГ мистер Сандерс сумел вовремя ликвидировать вашу безрассудную затею. Хотя Райхер и двое сопровождающих все же попали в руки СОБН! Право, и как вы только сообразили использовать в политической операции уголовников-пушеров, которые потенциально могли находиться в поле зрения полиции.

— Я привлекал лишь тех, кого успел завербовать, — сознался Крафке. — А завербовал не так уж много людей.

— И эти тройки, — продолжал Хауз. — Неужели вы не понимали, что они обязательно привлекут к себе внимание?

— Но не мог же я отправлять без сопровождения головорезов, проснувшихся через шестьдесят лет в совершенно чужом для них мире. Они прокололись бы на первой же таможне, — позволил себе улыбнуться Крафке.

— Вы могли бы не затевать операцию, — отрубил Хауз, снова заговорив тем тоном, которым он начал беседу. — Но хватит об этом. — И Хауз закрыл лежащую перед ним папку с докладом своего помощника о заговоре Крафке, в которую время от времени заглядывал. — «Конвоиров» Райхера я убрал, а сам он мертв. Слава богу, что вы его отравили. В досье СОБН и Интерпола он не числится, искать его в забытых эсэсовских архивах никому не взбредет в голову. Его личность не установят и наш секрет не раскроют. Итак, намерены ли вы преданно работать на меня?

— Да, мистер Хауз! — оживился Крафке.

— Вы будете находиться под наблюдением. Малейшая попытка неповиновения, и я разрешу мистеру Сандерсу покормить вами любимых рыбок.

«А вот это ты, Ричард, зря, — подумал про себя

«серый кардинал». — Про рыбок ты уже говорил. Нельзя повторяться».

— Это не все, — добавил Хауз, разглядывая Крафке. Помолчав немного, он продолжил: — Я не хочу вас купить или принудить работать на себя. С людьми вашего уровня мышления это непродуктивно. Люди такого ума должны чувствовать себя свободными. Дам вам еще один шанс. Я хочу вашего свободного творческого сотрудничества.

Хауз нажал на незаметную кнопку, вделанную в панель стола.

— Да, мистер Хауз? — откликнулся в «интеркоме» голос Конни.

— Попросите мистера Джонсона, пожалуйста.

Минуту спустя в комнату вошел рослый мужчина в белой сорочке и замер.

— Снимите наручники, Джонсон. Мы еще побеседуем, потом вызовете врача, пусть приведет доктора Крафке в порядок. Доктору нужно приготовить одно из гостевых бунгало — он нуждается в отдыхе. Позаботьтесь о его гардеробе.

— Присаживайтесь к столу, дорогой доктор, — продолжал Хауз, когда Джонсон, сняв с Крафке наручники, вышел за дверь. — Не желаете ли кофе? Или чего-нибудь прохладительного?

Крафке с удовольствием выпил ананасового сока из запотевшего от льда стакана и с наслаждением откинулся в кресле. Странную они являли картину. Два джентльмена в безупречных костюмах и неухоженный, давно не мытый человек в изодранной одежде и с разбитым лицом.

— Итак, герр доктор, — спокойно произнес Хауз. — Вы говорили о власти. О том, что я трачу свои дарования, время, деньги на ерунду, на торговлю наркотиками и прочие способы получения прибыли. О том, что меня несколько не беспокоит растущая в мире мятеж-

ная опасность, из-за которой я сам да и все остальные могут потерять накопленное нами богатство.

Крафке молча и внимательно слушал.

— Складывается впечатление, что я воздаю должное вашему уму, а вы моему — нет. Неужели вы думаете, герр доктор, что я слеп и ничего не вижу сам? Мы с вами оба допустили ошибку, Крафке. Я в том, что считал вас лишь ученым и не заметил вашего политического мышления. Вы же считали меня ослепленным жаждой к наживе миллиардером. Давайте ошибку исправим.

Хауз резко поднялся с кресла, аккуратно уложил на него тигренка, обогнул стол и начал расхаживать по кабинету. Крафке молчал и следил за ним из кресла.

«Эк понесло его,—подумал неприязненно Сандерс.— Это уже не по сценарию».

— Бунт Гитлера против нас привел к тому, что, уничтожая созданного нами же монстра, мы просто вынуждены были блокироваться с коммунистами. В итоге... Поймите, Крафке, ваш Гитлер, итальянский Муссолини, испанский Франко и, казалось бы, несовместимые с ними так называемые «леваки» последующих эпох, всякие там «бригады» и прочее, хотя и носили подчас противоположные названия, — из одной шайки. Ваш нацизм всего лишь эпизод. Шуму наделали много, вызвали большие разрушения, но задачи, ради которой вас и создавали, не решили.

Теперь сеть хранилищ расширена, пользуясь современными методами, я начал их строить в известном лагере прямо на поверхности, не закапываясь в землю. А зачем? Вы что, думали, что я строю их для взбесившихся миллионеров, чтобы извлекать прибыль из их желания проспать лет пятьдесят и дожждаться лучших времен, когда я очищу им мир от бунтарей? Ни в коем случае! Ими пускай занимаются те халтурщики, что предлагают вечное блаженство с помощью жидкого азо-

та. Я же копил силы, собирал армию и ждал, ждал, когда придет время. И оно пришло. Ждать больше нельзя!

Хауз сделал паузу, вернулся к столу и налил себе в чашечку кофе.

— Почему я все это рассказываю? Вам некуда деваться, так как вы давно уже умерли. Воскреснуть можете только с моего позволения. Это — первое. Второе — я хочу вас убедить. Вы мне нужны как творчески мыслящий советник. Научный консультант. И не только научный...

Здесь Хауз еле заметно покосился на своего первого помощника, следя за тем, как он среагирует на только что сказанные слова. Они уже были совсем не по сценарию, и Сандерс не смог скрыть раздражения.

— Мы готовимся, герр доктор, — снова обернулся он к Крафке, — к выступлению, до которого остались считанные месяцы. Все ресурсы будут мобилизованы, чтобы покончить с ООН решительно. Раз и навсегда. Эти разрядка и разоружение, которых столько лет добивались и добились русские, станут сейчас выигрышным для нас фактором. Мы окажемся вооруженными в тот момент, когда противник практически будет безоружен. Я имею в виду, конечно же, в ядерном смысле. Вы помните Договор 2000 года, по которому все ядерные страны обязались уничтожить у себя запасы этого оружия?

— Так вы хотите сказать, что у вас есть... — начал было Крафке.

— Да, — сухо отрезал Хауз. — Какое заранее подготовленное и продуманное дело вы чуть было не погубили, герр доктор! — Хауз устало вздохнул. — Ну, убедил я вас?

— Да, мистер Хауз. Позвольте мне выразить свое искреннее восхищение! Но как вам удалось?..

— Завтра на Острове состоится совещание создан-

ного мною Учредительного комитета. Вы будете присутствовать на нем в качестве моего советника. А сейчас вам пора идти отдохнуть, герр доктор.

За Крафке закрылась дверь. Хауз посмотрел на начальника своей канцелярии:

— Как, понравилась тебе наша беседа, Рей?

— Он еще сможет оказаться полезным, — неохотно промямлил «серый кардинал».

— Не ревнуй, Рей, не ревнуй, — расхохотался Хауз. — Тебя он мне все равно никогда не заменит. Без него нам не осуществить «Программу Зет». Он один может больше, чем десяток купленных мною дармоедов с Нобелевскими премиями. Как тебе известно, одна обезьяна с пересаженным мозгом прожила у него в лаборатории две недели, вторая живет до сих пор, а это уже где-то около месяца. Кто знает, может быть, и она помрет, но уже одно их существование — огромный шаг вперед. Мой дед озолотил бы его.

— А ты подарил ему жизнь! — язвительно ухмыльнулся Сандерс. — Это, конечно же, мелочь. Представляю, как запрыгал бы весь научный мир, узнай он о достижениях Крафке.

— Лет через пять он доведет все работы до конца.

— И что тогда?

— Я положу результаты его трудов в сейф. Пусть лежат там и ждут своего часа. Вернее сказать, моего. Сейчас мне сорок пять лет, но благодаря спорту, природному здоровью и разумному режиму биологически, как уверяют врачи, мое тело не старше тридцати пяти. Лет двадцать пять — тридцать я вполне проживу и так. А потом посмотрим, жизнь покажет. Как бы там ни было, ключ от бессмертия у нас в руках. Я говорю «у нас», потому что твой мозг будет мне нужен всегда. Мы найдем себе новые молодые тела!

После осуществления программ «Икс» и «Игрек» я объявлю монополию на все работы и изыскания в об-

ласти пересадки органов. Это будет моей личной привилегией. Я стану награждать людей, заслуживающих это, новыми телами... Да, дед Бернард был прав, он действительно купил историю, и я благодарен ему за такое наследство... За «Программу Зет»...

«Серый кардинал» только поморщился, вспомнив, при каких пикантных обстоятельствах Ричард Хауз вступил в свое время в права наследования.

— История принадлежит мне, — все больше распалялся босс, — достаточно лишь раз в полвека менять тело, и моя власть будет продолжаться вечно...

Хауз подошел к креслу, потрепал заснувшего тигренка, отчего тот лишь сонно потянулся.

— Ну, хорошо. Вернемся к делу. Распорядись, Рей, чтобы сюда прислали Финчли, раз уж у нас сегодня день откровенных бесед.

ИНСПЕКТОР ФИНЧЛИ ИДЕТ ВА-БАНК (9.5.2005 г.)

Двое охранников провели мимо стола Конни не кого иного, как... Джеральда Финчли! Того самого Финчли, старшего инспектора СОБН, с которым не так давно ее познакомил Сергей на веселом и беззаботном пикнике в Нью-Джерси.

Старший инспектор прошел мимо, окинув девушку столь безразличным взглядом, как если бы встретил ее первый раз в жизни.

«Что же здесь у нас все-таки происходит? — мучительно думала Конни. — Уж не Джеральда ли имел в виду Сандерс, когда вчера, говоря с Хаузом, сказал: «Его уже доставили»? В том, что Финчли «доставили», что он не просто приехал сюда отдохнуть и немного поразвлечься сам по своей воле, сомневаться не приходилось. Но почему? И как босс мог позволить себе захватить сотрудника международной организации?»

Конни терялась в догадках. Она удивилась бы еще больше, если бы могла слышать разговор, происходивший в это время в кабинете Ричарда Хауза.

— Итак, СОБН позволяет себе засылать шпионов в частные владения? — без предисловия начал Хауз. — Понимаете ли вы, мистер Финчли, что своим поведением создаете массу неприятностей и проблем для столь почтенной организации? Власти известной вам страны просили СОБН не утруждать себя более заботами о поддержании на ее территории законности и порядка.

— Риск — благородное дело, мистер Хауз... — хладнокровно ответил Финчли.

Находясь в плену сначала в лагере, а потом здесь, на Острове, он выиграл драгоценное время, давшее ему возможность хоть как-то продумать линию поведения. Шансов на спасение у него было мало, но он все же решил, что лучше попробовать поиграть с малыми шансами, чем сдаваться без боя.

— Имеет ли вам смысл придавать делу огласку и вести его законом установленным порядком? Допустим, вы меня передадите властям той страны. А дальше? СОБН, разумеется, получит причитающиеся ему неприятности, но я-то во время разбирательства не буду молчать об увиденном. Журналистам понравится история о ваших заповедниках в сельве, где вместо сельскохозяйственных культур вы разводите отборных головорезов. Сразу начнутся вопросы, что да зачем...

— Официального хода делу придавать я не намерен, просто прикажу вас тихо и бесследно уничтожить.

— Мистер Хауз, в ваши руки попал человек, способный раскрыть старательно скрываемую тайну, — не моргнув глазом, ответил Финчли, — так неужели стоит взять его и вот так просто и банально уничтожить? У вас что, слишком много таких людей?

Хауз с интересом посмотрел на него:

— Та-ак! Что же привело вас на земли фирмы «Ромерсон»?

Окинув холодным взглядом молча сидящего у стола Сандерса, Финчли спокойно, но жестко ответил:

— Уберите отсюда эту противную рожу. Она наскучила мне за последние дни. Я ведь заранее предупредил, что буду говорить лично с вами.

Начальник личной канцелярии не шелохнулся, как будто и не слышал слов Финчли. Хауз поморщился.

— Прошу вас, инспектор, вести себя более деликатно. Вы находитесь в обществе джентльменов. К тому же я никому и никогда не позволяю оскорблять моих сотрудников. Однако вашу просьбу я, пожалуй, удовлетворю. Будь любезен, Рей, оставь вас с инспектором вдвоем, — повернулся босс к помощнику.

Когда тот вышел из комнаты, Хауз повторил еще раз свой вопрос.

— Необходимость проверки данных, полученных моим коллегой в СОБН от одного из ваших сотрудников, о которых вы так печетесь, — улыбнувшись ответил Финчли.

— Его имя и фамилия? — резко бросил Хауз.

— Они мне неизвестны.

— Не валяйте дурака, инспектор! — почти прикрикнул Хауз.

— На него вышел коллега из другого подразделения СОБН. Вы же знаете наши правила. Мы всегда опасаемся ваших агентов в нашей среде.

— Мы работаем неплохо, — сухо усмехнулся Хауз. — Продолжайте, я вас внимательно слушаю.

— Итак, на вашего человека вышел глава нашего парижского бюро, Жак Понтье...

— Погибший месяц назад в автомобильной катастрофе? Тот самый? — лениво поинтересовался Хауз.

— Богу виднее, в катастрофе или нет. За день до

смерти Жак разговаривал со мной. Имени его агента, завербованного среди ваших людей, не назвал, но ознакомил меня с переданной тем информацией. Сообщенные им данные меня весьма заинтересовали, чтобы подумать об их детальной проверке.

— И вы ждали целый месяц? — недоверчиво переспросил Хауз.

— Ну, мистер Хауз, вы же со своими мальчиками мне свободного времени почти никогда не оставляете... Пока то да се... Надо было подготовиться, подчистить все концы... Осложнилась обстановка из-за проклятой типографии, будь она неладна.

— В чем заключался характер полученной вами информации?

— Вы бы лучше сначала спросили меня, почему я требовал встречи с вами лично. — Финчли откинулся на спинку кресла и с удовольствием вытянул ноги.

— Так для чего же?

— Вы человек деловой. Я — тоже. Но вы еще, кроме того, хозяин. Мне нужны деньги.

— За что? — деланно поднял брови Хауз.

— За информацию, которую я намерен вам продать.

— Но мы не договорились еще о вашей жизни, — удивился Хауз. — Я передам вас в руки врачей, и через полчаса они выкачают все, что вы знаете. Впрочем, вы все равно уже почти покойник.

— А документы, которые я оставил, отправляясь в сельву, — их врачи из меня умудрятся выкачать? — насмешливо поинтересовался Финчли.

Финчли отчаянно блефовал. Никаких документов не существовало и в помине. Так же как и агента, якобы завербованного СОБН в стане Хауза.

— Где оставили? В вашем паршивом СОБН? — озлобился Хауз.

— Зачем же в СОБН? Есть более надежные места.

Вот что, любезный мистер Хауз. Давайте уж я выложу все начистоту. Если вы меня укокошите, то сюда нагрянут другие...

— Давно бы так, — заулыбался Хауз.

— Я отправился на разведку, руководствуясь не столько интересами СОБН, сколько своими собственными. Мне все надоело, мистер Хауз. Годы идут, борьба не кончается, и неизвестно, кончится ли вообще в обозримом будущем. Короче, перспективы никакой... Весь собранный мною материал я продам вам же за пустяковую цену. Всего за два миллиона. И больше никто ни о чем не узнает. Если я не вернусь к установленному сроку, мой человек кладет документы на стол начальнику СОБН. Срок моего пребывания у вас истекает через три дня.

Теперь можете звать своих врачей, если не верите мне.

— Два миллиона? Да вы что, свихнулись? — искренне возмутился Хауз. — Зачем вам, агенту СОБН, такие деньги?

— Я уйду из СОБН...

— Два миллиона — это чересчур много за товар, действительную стоимость которого я не знаю. Это все равно что покупать кота в мешке.

— Неужели вы хотите подождать, пока кота выпустят из мешка? — усмехнулся Финчли.

Джеральд Финчли чувствовал, что ведет довольно рискованную игру, но остановиться уже не мог, так как вошел в азарт и причем совершенно неожиданно для себя. А дело было в том, что судьба послала ему шанс, на который он никак не мог рассчитывать, ожидая встречи с Хаузом и готовясь к разговору с ним. Проходя через приемную, он увидел Конни Паркер и понял, что она тоже узнала его. Хотя у обоих хватило выдержки и виду не подать, что они знакомы.

Конни показалась ему при первой встрече девчуш-

кой сообразительной и очень славной. Правда, вначале он держался с ней несколько настороженно. Секретарша Хауза как-никак. Но потом убедился, что к скрытой стороне бизнеса своего босса девушка прямого отношения не имела. Нет, Конни его не продаст. Что она может сделать плохого? Сказать, что была знакома с Финчли раньше? Но тогда бы пришлось сообщить о своем знакомстве с Карповым. Ее вряд ли за это погладят по голове. На Конни можно даже положиться. Она может сообщить Карпову, что видела его, Финчли, при странных обстоятельствах... Сергей сразу сообразит — друг его влип в непредвиденную ситуацию, и сообщит в СОБН. Да и «Вестник» может пригодиться: «Хауз держит в плену на Острове сотрудника СОБН?!»

— Два миллиона за кота в мешке? Вы мне нравитесь, — расхохотался Хауз. — С такими способностями нечего гнить в этом паршивом СОБН. Лучше переходите работать ко мне. Вам же, насколько я знаю, когда-то делали лестные предложения? Ваша подноготная мне достаточно хорошо известна. Я изучаю достойных противников и воздаю им должное.

— Молод был, мистер Хауз, — вздохнул Финчли. — Идеалы разные там, то да се... А годы-то идут, и в конце концов неужели я не заслужил обеспеченную старость...

— Да, далеко пойдете, инспектор. Если, разумеется, вообще выйдете отсюда живым... Имя человека, у которого оставили документы, живо! — вдруг рявкнул Хауз, изменив тон.

— Я назову вам имя, а вы меня тут же хлопнете? Без меня вам документов все равно не взять.

Перед Финчли снова сидел безукоризненно респектабельный миллионер.

— Так как же мы с вами договоримся, инспектор? «Ключуло», — отметил про себя Финчли.

— Вы выпускаете меня. Я возвращаюсь в Нью-

Йорк, стряпаю какую-нибудь более или менее правдоподобную историю для начальства касательно моего отсутствия, забираю документы у того человека и передаю вам. Но перед тем, как покину Остров, вы должны положить на открытый для меня счет в швейцарском банке миллион. Получив документы, переведете туда же и второй. Мы деловые люди, — улыбнулся Финчли.

— Ваши гарантии, что, вернувшись в Нью-Йорк, вы не сделаете ручкой дураку Хаузу? — сухо усмехнулся магнат, лениво потрепав тигренка по голове.

— Увидев документы, свидетельствующие, что на мое имя открыт счет, я тут же своею собственной рукой пишу на ваше имя письмо, в котором излагаю все, что мне известно как сотруднику СОБН о фирме «Ромерсон» и ваших с ней связях. За исключением, разумеется, того, что я на самом деле видел в сельве. Так же своею собственной рукой я излагаю вам содержание нескольких секретных документов СОБН о наблюдениях за операциями «пушеров» в ряде стран Европы и Азии. Когда у вас на руках будут такие документы и вам вдруг покажется, что я в чем-то нарушаю нашу с вами договоренность, то достаточно будет довести до сведения моего руководства хотя бы строчку из того, что я вам напишу, и мне грозит пожизненное тюремное заключение.

«Я тебе напишу доклад, Хауз, — думал Финчли. — Я тебе много напишу. И так, что ты потратишь не одну неделю, чтобы проверить, где правда, а где вымысел.

Пусть я не выберусь отсюда живым, но, пока ты будешь искать предателя, многие твои операции придется остановить, свернуть, скомкать. Сумятица в стане противника во многом поможет моим коллегам. Как знать, не откроешь ли ты в панике и суматохе лазейки к твоим людям, которыми тут же воспользуется СОБН».

— Ну что же, ладно, раз уж вы так настаиваете, —

согласился Хауз, немного подумав. — Затем вы возвращаетесь в СОБН и продолжаете работать там, но уже на меня, за сто тысяч в год. Сумма вознаграждения вполне может быть и повышена. Если вы откажетесь сотрудничать со мной, то ваше начальство получит фотокопии тех документов, которые вы так любезно обещаете написать.

С минуту молча посмотрев на Финчли, Хауз нажал кнопку «интеркома».

— Рей! Немедленно распорядись открыть счет в одном из наших банков в Цюрихе, оформить шифр и передать документы мистеру Финчли... Сумма? Пока миллион долларов. Дальше посмотрим. Да... Да... Я же сказал, немедленно... И можете мне поверить, инспектор, — сказал он, обращаясь снова к Финчли, — что в течение часа все будет сделано. Я, как вы не раз еще убедитесь, человек слова. Люди моего масштаба мелким жульничеством не занимаются. Не наш уровень. Итак, слушаю вас.

Финчли отчетливо понял, что отступать ему больше некуда.

— Хорошо, давайте по пунктам. Первое — главный руководитель «пушеров», с которыми ведет упорную, затяжную и, могу констатировать как работник СОБН, не всегда успешную борьбу международное сообщество, — это вы, мистер Хауз. Второе — завербованный Жаком агент показал, что на землях, принадлежащих фирме «Ромерсон», создана международная банда террористов, коммандос или, кто их знает, как они называются. В нарушение международного договора на ней производится наступательное оружие и оружие массового уничтожения.

Он заметил, как восторженно Хауз, услышав его слова, и понял, что попал в самую точку. Это придало ему смелости, и он продолжал импровизировать.

— На основании этих данных нетрудно было дога-

даться, что готовится далеко идущая международная акция, явно выходящая за пределы торговли наркотиками... Ваш агент дал точные документы, подтверждающие, что фирма «Ромерсон» принадлежит вам и, следовательно, что эту международную акцию готовите именно вы...

Договорив последнюю фразу, Финчли испугался, что переиграл.

— Вы мне все больше нравитесь, Финчли. — Хауз пододвинулся к нему и потрепал по плечу. — Рад, что вы согласились сотрудничать со мной. Я распоряжусь, инспектор, чтобы вам создали как можно более сносные условия. Перечислите камердинеру названия ваших любимых блюд и напитков, он все в точности обеспечит. Вам веселее и продуктивнее будет работать, — чуть ли не по-дружески улыбнулся Хауз на прощание.

— Благодарю вас, мистер Хауз, — поклонился Финчли и направился к двери.

Отпустив Финчли, Хауз сбросил тигренка с коленей на ковер, встал, потянулся до боли в суставах, подошел к окну и долго смотрел в него, улыбаясь чему-то своему. Потом опять вернулся к столу и, не садясь в кресло, вызвал к себе в кабинет Сандерса.

— Ты прослушал весь наш разговор, Рей? — спросил он чуть лениво, когда помощник вошел.

— Разумеется. Не пропустил ни слова.

— Твои впечатления?

— Если Финчли и не морочит нам голову, то зачем он нам теперь нужен? Все равно скоро вступает в действие «Программа Икс»...

— Нужно иметь запасные варианты. Давай рассмотрим самые неудобные для нас. Осуществление «Программы Икс» по каким-либо причинам срывается или откладывается. Тогда купленный мною на корню инспектор может пригодиться.

— Однако из последней части вашей беседы у меня

сложилось впечатление, что ты все же ему не до конца доверяешь и хочешь его на всякий случай убраться...

— Окончательного решения я пока еще не принял. Надо придумать ему проверку, мы зашлим Финчли обратно в Нью-Йорк и понаблюдаем, как он себя поведет. А в день «Икс» он нам может очень пригодиться. Представь себе только: старший инспектор СОБН будет лично расправляться с Советом Безопасности! Недурно придумано, а?

— Только надо повязать его на крови для полной гарантии, — заметил Сандерс.

— Разумеется. Прикажешь Джонсону поймать кого-нибудь из сотрудников нашего любезного инспектора и доставить на Остров. Пусть Финчли казнит его сам, а мы зафиксируем это на видеопленке. С голосами и все такое прочее.

— Сделаю. Давай займемся наконец-то совещанием, Ричард. Надо решить...

Пока Хауз и его незаменимый помощник разбирались в своих отношениях к старшему инспектору Джеральду Финчли, в соседней приемной Конни Паркер мучилась в сомнениях и догадках. Она видела, что Финчли ушел из приемной в сопровождении начальника охраны, что еще раз доказывало, что он не является простым гостем шефа. Но в то же время его не вывели, он именно вышел в сопровождении.

Что же делал Финчли у ее шефа, да и вообще как он попал на Остров, куда посторонним доступ всегда был запрещен? Конни подумала, что Карпов бы куда быстрее и лучше разобрался во всем. Но Сергей был далеко, и Конни никак не могла сообщить ему об увиденном.

«А что, если попробовать в открытую связаться с ним по телефону? — вдруг пришло ей в голову. — Ведь что-то подсказывает мне, что его друг, инспектор Финчли, находится в данное время в опасности. И если с ним

что-нибудь случится, этот большой русский медведь никогда не забудет, что я его вовремя не предупредила. А это будет означать конец всему. Такие люди, как он, не прощают предательства».

Конни знала, что большинство разговоров, ведущихся между Островом и континентом, прослушиваются службой безопасности. Надо было придумать что-нибудь, не вызывающее подозрений. Она долго ломала голову, пока не остановилась на самом простом варианте — откровенно-спокойном поведении. И тогда наконец решила разыскать Сергея.

В редакции Карпова не оказалось. Девушка позвонила ему домой. Сергей ответил сразу же.

— Конни, это ты? — радостно и удивленно спросил советский журналист, когда они поздоровались. — Просто не верится! Какими судьбами?

— Очень соскучилась и решила поболтать минутку-две, пока есть немного свободного времени. А то потом буду занята. Знаешь, кого я сейчас видела? Твоего большого приятеля, с которым ты меня познакомил на пикнике в Нью-Джерси...

— А где это ты могла, интересно, его встретить? — не понял Карпов.

— Он просил передать тебе привет, — настойчиво проговорила Конни. — Больше разговаривать мне некогда, босс вызывает. Если будет возможность, позвоню как-нибудь... — И она тут же разъединила линию связи.

Через секунду два человека, разделенные между собой многокилометровой гладью океана, мучительно ломали себе голову над, казалось бы, различными, но очень похожими вопросами. Одним из них была Конни Паркер, секретарша миллиардера Ричарда Хауза. Все ее мысли в этот момент сводились лишь к тому, понял ли ее милый Сергей Карпов, что она умела в виду.

А Сергей никак не мог взять в толк, правильно ли

он догадался, что имела в виду Конни, говоря о его приятеле из Нью-Джерси. Сомнений быть не могло, это конечно же, Джеральд Финчли. Ведь инспектор — единственный, с кем ее тогда знакомили. Но как мог Финчли, который бесследно исчез уже столько дней назад в сельве и след которого, казалось бы, потерялся, очутиться на Острове, принадлежащем Ричарду Хаузу?

Сомнений не было только у одного человека — работника службы безопасности Хауза, прослушавшего весь разговор Конни с Карповым. Да и о чем тут было думать, просто молоденькая вертихвостка захотела потрепаться с любовником. Но тут, как это всегда бывает, ее совершенно не вовремя вызвал босс.

* * *

— Повремени с совещанием, Рей. — Хауз сидел в своем кресле, задумчиво пощипывая подбородок. — У кого же Финчли мог спрятать компрометирующие нас документы и что там у него еще? — Миллиардер подхватил тигренка за шиворот и, вернувшись в кресло, опять пристроил его у себя на коленях. Сандерс, полузакрыв глаза, молчал, сидя в кресле недалеко от стола шефа.

— Вполне вероятно, Ричард, что он говорил правду. Но в руки коллегам по СОБН отдавать документы ему не имело смысла, если он действительно решил продать тебе все это. Слишком уж рискованно было бы...

— Тогда у кого же? — не выдержал Хауз.

— Я припомнил все, что у него там в досье, — медленно, специально растягивая слова, чтобы лишний раз помучить своего босса, произнес Сандерс. — Так вот, знаешь, у кого бы на его месте я мог спрятать все? Я доверил бы документы только тому из моих друзей, кто прежде всего неподкупен, дабы он сам не позарился подзаработать на них и не опередил меня. Исчел бы

более безопасным отдать их на хранение тому, кто не особенно хорошо ориентируется во внутренней жизни США и вдобавок неподвластен нашей силе. Где же он мог найти себе столь надежного помощника?

Сандерс продолжал сидеть не шевелясь и не открывая глаз, будто каменное изваяние. Хауз заерзал в кресле, сердито покашлял. Еще одна минута затянувшегося молчания — и Хауз не выдержит, взорвется, закричит. И Сандерс, тонкий психолог, вдруг рассмеялся:

— Таким хранителем документов Финчли может быть журналист Сергей Карпов, советский журналист из «Вестника»...

Хауз вскочил с кресла, забыв про тигренка, кубарем скатившегося с его коленей на ковер:

— Русский?

Начальник канцелярии самоуверенно глядел на шефа.

— Да, да, они дружат... Мне это известно. Сергей Карпов молод, он способен бескорыстно помогать прожженному инспектору Финчли, к тому же журналист, наверное, и не понимает толком, что у него в руках...

— Русский тоже не дурак и может разобраться, какие у него в руках бумаги, — заворчал досадливо Хауз. — От выгодной сделки он не откажется... Мы должны сами купить Карпова!

Сандерс усмехнулся краешками губ:

— Не будем торопиться. Сыграем в игру, предложенную нам инспектором. Я не совсем верю в существование этих документов, но и не отвергаю такой версии. Лучше перестраховаться и проявить бдительность, чем оставаться беспечными. Финчли от нас никуда не денется...

— Согласен, — кивнул миллиардер. — В игру, предложенную инспектором, мы сыграем, но выигрыш будет наш!

— Я прикажу нашим людям потрясти Карпова. Аккуратно, без международных осложнений проверить его квартиру. А еще, — уже более назидательно произнес Сандерс, — советую тебе, Ричард, срочно дать ему интервью...

— Постой-постой! — обрадовался Хауз и нервно прошелся по кабинету. — Карпов сам хотел встречи! А может быть, он не случайно рвется на беседу со мной? Так почему бы не пригласить его сюда?

— Но ведь это будет исключением из твоих собственных правил. Еще ни одна нога журналиста, а тем более советского, не ступала на заповедную территорию Острова...

— Ерунда! — разозлился босс. — Соединись с моей нью-йоркской штаб-квартирой и распорядись, чтобы этого русского... Как там его зовут?

— Сергей Карпов, — подсказал Сандерс.

— Пусть Карпова немедленно разыщут и пригласят сюда. Нам спокойнее будет, когда он под рукой, а в квартире его наши люди поработают.

— Будет исполнено, Ричард, — выпрямился Сандерс. — Значит, завтра совещание?

— Думаю, за один день управимся. Ведь все рассчитано давно, надо будет только получить согласие на совместное начало действий. А послезавтра уже все разъедутся, и не надо будет волноваться, что этот Карпов случайно увидит здесь не того, кого надо. Вот послезавтра с ним и поговорим.

— Что ж, — согласился Сандерс, собираясь уже было встать.

— Погоди, — остановил его Хауз. — Завтра на заседании нам необходимо быть как можно тверже, даже надавить, если потребуется. Тянуть больше нельзя, как бы ни были упрямы и строптивы наши старцы.

— Не волнуйся. — Сандерс встал. — Ты останешь-

ся доволен. Даже если кто-нибудь из них попробует возражать.

— Пусть побрюзжат немного, пока мы вынуждены к ним прислушиваться. Но настоящим оружием обладаем только мы, им придется это признать. И скоро мы выбросим это старичье как ненужный хлам...

Желваки на холеном лице Хауза заиграли. Глаза засветились сатанинским огнем, и Сандерс даже на секунду испугался. Ему приходилось заставлять босса в состоянии гнева, в минуты отчаяния, в часы решительных действий, но таким зловещим он его не помнил. Начальник канцелярии почувствовал в боссе жестокого властелина мира. Мгновение он чем-то походил на своего деда.

«Серый кардинал» двинулся к двери, но Хауз снова остановил его:

— Постой, Рей! Сейчас, когда выйдешь, поговори-ка с Конни. Я думаю, ей следует быть поласковее с Финчли. Порой одиночество наталкивает на ненужные размышления и новые выводы. Такой крепкий мужчина, как Финчли, вряд ли удовлетворится выпивкой, которую я приказал ему доставить. А мне совершенно не нужно, чтобы он слишком много думал. Конни — девушка симпатичная, и мистеру старшему инспектору наверняка будет очень приятно ее общество... — Он хотел сказать еще что-то, но осекся, так как заметил, как вдруг побледнел Сандерс. Хауз даже не сразу догадался, в чем дело, а смекнув, произнес ласковым голосом:

— Успокойся, Рей! Сентиментальность в нашем деле противопоказана. Поверь, пройдет не так уж много времени, и перед тобой будут склоняться ниц лучшие девушки мира...

— Ладно, хватит об этом! — резко и зло произнес начальник канцелярии.

— Ну тогда и настрой Паркер, — не совсем уверенно повторил босс.

— Ни за что... И кончим этот разговор, — посмотрел куда-то в сторону Сандерс.

— Надо же, ты тоже можешь злиться, — покачивая головой, засмеялся Хауз. — Ладно, ладно, иди, я сам с нею переговорю, раз уж тебе не хочется...

СОВЕЩАНИЕ (10.5.2005 г.)

Сандерс окинул очередного докладчика усталым взглядом и на секунду закрыл глаза. Больно уж хлопотными выдалась для него последние недели. Начальник канцелярии скосил глаза на Крафке, сидевшего рядом с ним за круглым огромным матово-коричневым столом и отличавшегося от остальных участников совещания лишь тем, что был несколько помоложе на вид и не имел микрофона на лацкане — голоса подавать ему не полагалось. Немец с умным видом внимательно слушал обсуждение планов, на которых сам чуть было не поставил крест.

«Проявляет чисто немецкую послушность наш Рип Ван Винкль, — зло подумал «серый кардинал». — А ведь Ричард может поменять меня на него. Я всегда исходил из того, что Ричарду без меня не обойтись. Хаузу расставаться с Сандерсом нельзя. Однако если он найдет мне замену, то я получу отставку, вернее, моя отставка будет моим концом... Пенсию Хауз мне не назначит».

За последние годы Сандерс незаметно сам для себя чуть-чуть ослабил над собой контроль. Ироническое отношение к боссу, ощущение своего интеллектуального превосходства над ним и вера в свою независимость, которые он испытывает все острее и острее, начали невольно проскальзывать в его манерах и интонациях.

Хауз же обладал обостренным чутьем и болезненно воспринимал намеки на свою реальную или вообража-

ему кем-то несостоятельность. Хауз не мог примириться с мыслью, что хоть кто-то не желает считаться с его деньгами, силой и властью! Он умел сокрушать преграды на своем пути коварством, штурмом или осадой брать разные крепости, а убеждение, что он получит новое тело, одолеет старость и смерть, сохранив свой интеллект, делало Хауза еще более непреклонным в достижении своих целей.

Крафке был потенциальным слугой крупного калибра, он мог заменить Сандерса, но не раньше полного осуществления «Программы Икс».

«Пока еще преждевременно возвышать Крафке, — прикидывал про себя Хауз. — Пусть сначала заслужит. И пусть привыкает к роли прощенного за коварство и послушание — крепче усвоит, где его место, и постепенно сам начнет вытеснять с этого места слишком занесшегося Рея».

«Серый кардинал» в критических ситуациях соображал быстрее «Его величества». И вполне мог представить себе примерный ход рассуждений босса относительно нового фаворита. Вывод для него мог быть только один — убрать Крафке. Но убить его сейчас — значило зарезать курицу, которая еще не успела снести золотое яйцо.

«А если пожертвовать «Программой Зет»? — мелькнуло в голове Сандерса. — Лучше сохранить себе жизнь, опередить в игре Хауза. Если убрать «герра доктора» прямо сейчас, Ричард этого мне не простит, ибо он лишится «Программы Зет». Да, дилемма... Шахматы, да и только. Под рукой мощные фигуры, хочешь сделать упреждающий противника ход, а все поля битые... А потом ты сам окажешься загнанным в угол. Сегодняшнее совещание должно стать переломным в крупной игре. Так решил «Его величество».

Усилием воли начальник канцелярии отогнал тревожные мысли и поднял глаза на присутствующих.

— Благодаря инициативе, оборудованию и финансовым возможностям мистера Хауза, — говорил докладчик, — первые партии тяжелого наступательного вооружения для моих частей уже начали доставляться с секретных заводов, в сжатые сроки построенных на территории, арендованной или скупленной фирмой «Ромерсон». Обучение отрядов проходит успешно, хотя большинство моих парней привыкли иметь дело только с легким стрелковым оружием. Сокращение вооружений и роспуск вооруженных сил гораздо быстрее, чем можно было ожидать, отучили людей от оружия! Молодежь забыла о существовании тяжелой артиллерии, о танках, ракетах, бомбардировочной авиации. Именно этим мы и воспользуемся.

— Без военной промышленности... — сухо вставил сидящий в первом ряду человек в скромном сером костюме, по виду похожий на дослужившегося до пенсии бухгалтера, — победы не будет... Умерьте эмоции, давайте факты...

Генерал на трибуне послушно кивнул. Когда он командовал войсками упраздненного военно-политического блока НАТО, перебивший его скромный «бухгалтер» был председателем совета директоров огромного военно-промышленного концерна, поставляющего войскам НАТО вооружение и боевую технику. Генерал еще с тех пор привык прислушиваться к его словам.

— Мы рассчитывали завершить обучение личного состава и подготовку к выступлению в течение года, — опять заговорил генерал. — Теперь, в изменившихся условиях, перед нами поставлена задача предельно сжать сроки. Тщательно все обдумав, я прошу еще два месяца... Наша ударная сила — «резерв 88», пятьдесят тысяч бойцов, собранных благодаря мистеру Хаузу в ожидании великого дня. Силы будут сведены в боевые части по национальному признаку. На сегодняшний день наш кулак — одна пятая часть резерва. Для остальных

сорока тысяч парней нужно обмундирование, вооружение... Мистер Сандерс клятвенно заверил меня, что все можно закупить. — Он вопросительно посмотрел на начальника канцелярии.

— Да, генерал, — кивнул тот. — В стране, на территории которой находится лагерь «резерва 88», сегодня ночью произойдет государственный переворот. Мы полностью обезопасим себя и создадим условия для быстрого развертывания войск резерва.

— А как дело с транспортными средствами, мистер Баккер? — обратился генерал к человеку, сидевшему напротив него.

— К указанной дате будет обеспечено нужное количество судов и самолетов, чтобы перебросить части и подразделения в предписанные им районы Европы и Азии, — раздался густой бас... — Отдельный корпус бывших военнослужащих СС численностью в пять тысяч человек будет доставлен к границам СССР...

— Это обсудим отдельно, мистер Баккер, — перебил его генерал. — Позвольте мне закончить. К исходу намеченного нами срока, помимо войск резерва, я буду обладать тремя дивизиями, вооруженными достаточным количеством танков и артиллерии, я смогу опереться на поддержку наших людей на местах. Я имею в виду членов еще более активизировавшегося в последнее время ку-клукс-клана, отставных офицеров, еще не забывших о чести своего мундира и возмущенных политикой ООН. Мы возьмем под контроль Нью-Йорк, Вашингтон и другие города. Люди мистера Хауза, которые разбросаны по всему миру, так называемые «пушеры», ведут настоящую войну с войсками ООН. Сотрудники СОБН постоянно и неусыпно следят за людьми из специальных служб мистера Хауза. Но в настоящий момент ситуация находится под нашим контролем, и поскольку сроки нашего наступления оказались так значительно перенесены, я не думаю, что СОБН пред-

ставляет для нас большую опасность... Единственное, что вызывает у меня беспокойство, — это состояние нашей авиации. Военных самолетов у нас мало, так как их производство и эксплуатация машин требуют большого количества испытательных полетов, а мы не рискуем привлекать к себе внимание. Я отдал распоряжение максимально ускорить работы на ракетной базе, с тем чтобы первые пять ракет с нейтринными боеголовками находились в состоянии полной готовности к истечению указанного срока.

Когда наш переворот станет свершившимся фактом и мистер Хауз будет приведен к должности, мы рассмотрим вопрос о том, чтобы нанести по территории Советского Союза нейтринный удар хотя бы одной ракетой. А уж потом мы бросим туда эсэсовский десант. Думаю, храбрые немецкие воины по достоинству оценят этот подарок со стороны нашего командования, — сухо усмехнулся генерал, и в зале послышались одобрительные смешки. — Только вызвав подобный шок, — продолжал генерал, когда все успокоились, — можно заставить содрогнуться отвыкший от войны мир, убедить его в абсолютной серьезности и неумолимости нашей программы и заставить его подчиниться. В противном случае у нас слишком мало сил, чтобы добиться намеченных целей.

— Я поддерживаю мнение генерала, — бесстрастно произнес «бухгалтер».

— А мне кажется, что это будет уж несколько слишком, — возразил сидящий неподалеку от него молчаливый подтянутый человек. — Ведь мы провозглашаем своим лозунгом спасение западной цивилизации, защиту христианских ценностей, на которых она основана... Общественное мнение...

— Плевать на общественное мнение! — буркнул старикашка с явной военной выправкой. — Мы придем к власти. Хватит болтовни. Мы разгоним вшивую демо-

кратию, погрязшую в болоте либерализма, мистер Гербер.

— Но... Но мы же учредили наш комитет, чтобы спасти демократию, а не разгонять ее... — попытался возразить моложавый мужчина.

Сандерс перехватил еле заметный жест Хауза и так же незаметно кивнул.

— Ставлю вопрос на голосование. — Начальник канцелярии поднял руку «за». Избранный президентом комитета Хауз обычно сидел на заседаниях молча, сохраняя бесстрастный вид. Сам привыкал к новой роли и приучал других.

Девять из присутствующих в комнате людей подняли руки. Нехотя поднял руку и мистер Гербер.

— Единогласно, — сухо прокомментировал исполнительный секретарь. — Мы сумеем быстро добиться капитуляции войск ООН. Они сложат оружие, и мистер Хауз обратится к миру как президент уже не только нашего комитета, но и Соединенных Штатов Америки... ООН упраздняется, Генеральный секретариат и все его сотрудники будут немедленно арестованы. Мы восстанавливаем в полном объеме военную промышленность и еще в большем объеме, чем раньше, вооруженные силы США.

— Я возражаю, — раздался с дальнего конца стола старческий, надтреснутый голос, перебив плавный поток слов Сандерса. — Я категорически возражаю!..

Голос принадлежал представителю одного из существовавших в прошлом концернов по производству вооружений, интересы которого не раз входили в противоречие с интересами Хауза в те славные времена, когда и тот и другой производили по заказам Пентагона оружие на миллиарды долларов.

— Джентльмены, мы отдаем должное энергии мистера Хауза, — старик вежливо поклонился в сторону невозмутимо сидящего Хауза, — но мы не считаем воз-

можным, чтобы мистер Хауз занял пост президента страны. Это приведет к необычно большой концентрации власти в его руках и ущемит наши деловые интересы... — Все зашевелились. Старик стоял за столом, взмахивая руками, и, как пингвин, кланялся во все стороны. — Мы учредили Президентский совет, который защитит интересы пайщиков и акционеров... А мы сами станем поочередно председательствовать в совете...

Раздался выстрел. Это было настолько неожиданно, что сначала никто даже и не сообразил, что же, собственно, произошло. И, только увидев струйку крови, вытекающую из лба рухнувшего на стол старика, остальные участники совещания осознали, что прямо на глазах у них произошло самое реальное убийство.

— Я сильнее вас!

Эти слова, произнесенные Хаузом тихо и властно, повергли собравшихся в еще больший шок, чем только что прозвучавший выстрел. Причем Хауз даже не потрудился изменить позу, все так же непринужденно сидел на своем месте за столом.

— Да, я сильнее вас всех, вместе взятых, и моя сила — единственное ваше спасение. Я ваш президент. И если вы этого не поняли — у вас нет будущего.

Зал продолжал хранить молчание. Воспитанные, холеные, хладнокровные и безжалостные дельцы, они спокойно разоряли своих конкурентов, съедали их на биржах, доводили до самоубийства. Но грязная работа никогда не выполнялась в их присутствии. Это было просто не принято и неприлично в том мире, где основным орудием убийства были чековые книжки. И непривычно жутко становилось от мысли, что их может постигнуть участь старика.

— Так точно, мистер президент! — первым вскричал генерал. — Вы наш Верховный главнокомандующий!

«Серый кардинал», сидящий за столом, сухо захо-

пал в ладоши, и после некоторого колебания захлопали и другие.

Хауз встал:

— Продолжайте заседание, господа. О результатах мне доложит мой государственный секретарь мистер Сандерс. — И, не попрощавшись, он вышел из зала.

Сандерс нажал кнопку и сказал в «интерком»:

— Уберите труп и приведите место в порядок... — И снова обратился к присутствующим: — Продолжим, господа...

ОСТРОВ «ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА» (13.5.2005 г.)

«Добрый день. Могу я поговорить с мистером Карповым?» — раздался в телефонной трубке женский голосок, когда Сергей поднял трубку у себя в квартире.

— Я у телефона, — ответил он, все еще гадая, кто бы это мог быть.

— С вами говорят из штаб-квартиры концернов Хауза. Поверьте, мистер Карпов, — бойко сыпала девушка, — мистер Хауз глубоко сожалеет, что обстоятельства помешали ему сразу же принять вас и дать интервью. Если у вас еще не пропал интерес...

— О, что вы! — вырвалось у журналиста.

— Мистер Хауз приглашает вас завтра, если это вас устроит, но...

Сергей насторожился.

— Вопросы я уже передал, — сказал он неуверенно.

— О, дело совсем не в этом. Видите ли, мистер Хауз немного прихворнул, и поэтому ему бы не хотелось покидать свой Остров, куда уехал несколько дней назад. Поэтому он счел необходимым пригласить вас туда. И хотя обычно журналисты на Остров не допускаются, для корреспондента «Вестника ООН» мистер Хауз сделал исключение.

— А как же я попаду на Остров? — поинтересовался Сергей.

— Если не возражаете, за вами завтра будет послана машина. Только назовите адрес и время.

Повесив трубку, Сергей тут же поднял ее снова и набрал номер Ганева. Тот не отвечал — это расстроило журналиста. Карпов рассеянно включил проигрыватель. Под музыку ему всегда лучше думалось.

Этого неожиданного звонка он на самом деле ждал. Вернее, ждал какого-то действия со стороны Хауза. Разговор с Конни вызвал у него вполне понятную тревогу. Ведь она перед отъездом предупредила, что звонить с Острова не может и не будет. А потом вдруг звонит как ни в чем не бывало: «Очень соскучилась, решила поболтать хотя бы минутку-две». Упомянула мимоходом об «общем знакомом», конечно же о Финчли, и бросила трубку...

Тревога все сильнее охватывала Сергея. Как Финчли оказался на Острове Хауза? И не пренебрегла ли Конни установленными правилами, чтобы известить Сергея, что инспектор СОБН там не по своей воле?

Быстро одевшись, Сергей поехал искать Ганева. Он нашел его в кафетерии Болгарской миссии при ООН.

— Молодец, что нашел меня! Я сам хотел с тобой кое о чем посоветоваться. Ладно, присаживайся и рассказывай все по порядку. Здесь, по крайней мере, не подслушивают. Хотя мешать будут, — с улыбкой добавил он, потому что к их столику тут же подсел на минутку болгарский корреспондент, аккредитованный при миссии, разузнать, нет ли свежих новостей из СОБН.

Знакомых у общительного, веселого Стояна всегда было много, и каждый считал своим долгом подойти перекинуться шуткой или поздороваться. Наконец волна посетителей в кафетерии схлынула, и Сергей смог более или менее спокойно поговорить со Стояном.

— Вычислил ты все правильно, — согласился Га-

нев. — Финчли отправился на разведку в сельву, где мы предполагали найти тайные владения Хауза, и, видимо, попался. Я уже хотел начать розыски, а он, оказывается, «гостит» на Острове Хауза.

— Хорошо еще, не убили сразу. Но если он там, следовательно, мы можем доказать...

— Мы ничего не сможем доказать, Сережа, совершенно ничего, — вздохнул Ганев. — Если мы сунемся на Остров освобождать Финчли, то наверняка не найдем там даже его труп. Просто залиют в бетон и сбросят в море. Остров — частное владение, и проникать на его территорию без ведома и согласия хозяев никто не имеет права, если нет официального ордера на обыск. Получить же его мы не имеем никаких оснований. Финчли пошел в сельву как раз в надежде раздобыть необходимые факты на свой страх и риск. Конечно, он что-то проведал, но сейчас вместе с этими доказательствами сидит у Хауза, а мы без них не можем его оттуда вытащить.

— Да, получается заколдованный круг.

— Видишь ли, мой дорогой, — понизил Стоян голос, хотя в кафетерии давно уже никого не было, — раз круг этот мы расколдовать не можем, то будем его ломать. Не бросать же Джерри в беде! Я поговорю с верными людьми в нашей конторе. А ты попробуешь действовать легальным путем.

— Как? — поднял брови журналист.

— Попробуй во время беседы с Хаузом что-нибудь прояснить. — Стоян хлопнул по столу. — Дай понять ему и его сотрудникам, что иначе ваш «Вестник», скажем, подготовит к публикации материалы, которые скомпрометируют Хауза. Он всегда готов перекупить любой неприятный для себя очерк. А ты, воспользовавшись этим, проведешь, как говорят, рекогносцировку местности. Любая деталь важна, любая мелочь. Меня очень обнадеживает, что Джерри до сих пор жив. Они ведь

могли уничтожить его сразу, как только взяли. Допросить на месте и ликвидировать. Но видишь: возятся с ним, доставили на Остров. Почему, как ты думаешь?

— Джерри затеял с ними какую-то игру?

— Правильно рассуждаешь, — кивнул Ганев. — Парень он изобретательный. Долго ли продержится, вот в чем вопрос. Поэтому надо спешить. Твой визит к Хаузу может послужить нам как для разведки, так и для отвлекающего маневра.

— Если меня не пустят к Хаузу, я все равно пролезу на Остров, — серьезно сказал Карпов. — Найму катер, возьму акваланг... А что? — улыбнулся он в ответ на попытку друга возразить. — Я ведь журналист, Стоян. Если на Остров тайно проникнет представитель закона и попадется, будет скандал. А журналист... В погоне за сенсацией ему позволительно и рискнуть, общественное мнение его оправдает. Представь себе заголовок: «Я пошел на это, потому что считал себя обязанным дать классный материал нашим читателям!» И ниже: «Ооновский журналист обнаружил на Острове миллиардера Хауза тайную тюрьму для агентов ооновской полиции!» Даже если я ее не обнаружу, то Хауз после этого не посмеет убрать Финчли.

— Занятно, занятно. — Стоян с интересом посмотрел на Карпова. — Но ведь большие неприятности могут быть.

— Стоян! Речь же идет о жизни Финчли... — возмутился Карпов, но, увидев лукавое выражение лица Ганева, тут же остыл и заметил: — Мне звонили из приемной Хауза, пригласили меня к нему на беседу, на его Острове... Конечно, беседа многого дать не может... Но я там проведу логическую разведку... В Софию мы с вами будем лететь вместе, инспектор Ганев. Вы ведь тоже, кажется, намерены предпринять шаги, несколько выходящие, так сказать...

— Идея с аквалангом нам пригодится, — сказал

Ганев, как бы пропустив сказанное мимо ушей. — Но ты оставь это мне — я с аквалангом лучше тебя умею обращаться. А пока беседуй с Хаузом, но сильно не рискуй... И вот что... — Он сделал паузу. — Ты Конни хорошо знаешь?

— Насколько я понимаю, ты задаешь мне несколько вопросов сразу: не ошиблась ли Конни, приняв за Джерри кого-то другого? Нет, не ошиблась.

— Однако всех комбинаций Хауза мы предугадать не можем, — возразил Ганев.

— Звонок Конни был сигналом об опасности, предупреждением, что мой друг в беде. И Конни сделала это с большим риском для себя. Я полностью уверен в этом.

— На чем основана твоя уверенность? — бесстрастно спросил Ганев. — На фактах?

— На единственном, но самом главном факте. Я люблю ее, господин недоверчивый сыщик, — просто ответил Сергей. — А она любит меня. Это честная, прямая и непроданная душа. Вот и все.

Наступило молчание.

— Хорошо, Сережа, — сказал наконец Ганев. — Будем исходить из того, что ты прав, и начнем действовать. Держи меня в курсе...

* * *

Утром Карпов вышел из своего подъезда в назначенное время. Черный лимузин уже стоял у тротуара. Высокий человек с военной выправкой щелкнул каблучками, открыл Сергею заднюю дверцу и сел на переднее сиденье рядом с шофером. Машина направилась в порт.

Сергей попробовал разговорить своего сумрачного провожатого, но тот отмалчивался или отвечал однозначно, пожимал плечами, до порта они ехали не очень долго.

Гидрореактивный катер на воздушной подушке привел Карпова в восторг. Строгая красота его линий обещала бешеную скорость по морским просторам... Ступив на корму, Сергей отметил, что матросы были похожи на его провожатого, как горошины из одного стручка. Вахтенный, встретив у трапа, провел Сергея в кормовой салон. Почти неслышно включились двигатели, катер, слегка накренившись, завис над водой. Сверху раздался легкий свист, и вот уже строения порта и суда, стоящие на рейде, скрылись из глаз. А навстречу неслась водная гладь.

Бесшумно открылась дверь, и вошел стюард.

— Не желают ли господа позавтракать? — Он положил на столик перед Карповым меню размером с иллюстрированный журнал.

— Кофе, пожалуйста, — сказал журналист.

— Сию минуту, сэр, — тихо и почтительно произнес стюард и тут же исчез.

Вернулся он через несколько секунд, везя перед собой сервировочный столик с кофейником, молочником, горячими гренками, маслом и вазочкой с джемом.

— Прошу вас, сэр. — Стюард налил Карпову кофе и бесшумно исчез.

— Не составите компанию? — обратился Сергей к спутнику.

Тот только молча покачал головой, посмотрев на Сергея совершенно пустыми глазами.

«Ну и робот», — подумал Сергей.

Помешивая ложечкой кофе в чашке, Карпов смотрел в иллюминатор, занимавший всю заднюю стенку салона. Солнце играло бликами на воде. Над морем носились чайки. Небольшая прогулочная яхта с прозрачными, как крылья стрекозы, парусами, которую журналист заметил справа от катера, лениво покачивалась на пологих волнах. Все вокруг дышало таким миром и спо-

койствием, что о неприятном не хотелось и думать. Но Карпов не мог отделаться от тревожных мыслей.

А катер уже сбавил ход, подходя к небольшому зеленому острову. Если бы не крыши домов, проглядывающие кое-где сквозь листву, журналист принял бы его за необитаемый. Но вот стали видны редкие шезлонги и лежаки, разбросанные прямо по золотому песку пляжа.

Катер ткнулся носом в отлогий берег. Молчаливый спутник жестом показал Сергею: мол, можно выходить. Карпов легко спрыгнул на песок и вслед за провожаемым двинулся по еле заметной тропинке в глубь острова. Тропинка вывела их на широкую, мощенную каменными плитами дорогу, между стыками плит пробивалась трава. Показались вдали трехэтажный дом с колоннами и борзые собаки, лениво прогуливающиеся по небольшой лужайке перед домом. Обойдя большой розарий, журналист со своим молчаливым спутником поднялись по мраморным ступенькам и вошли в здание.

Сергей уже настроился встретить слугу в ливрее, но, к великому его сожалению, в проеме двери появился худощавый человек в заурядном современном деловом костюме. То ли своей яйцеобразной лысой головой, обрамленной жидким венчиком волос, то ли змеиным взглядом холодных глаз из-под старомодных очков в тонкой золотой оправе и фальшивой широкой улыбкой, но встретивший человек не понравился Сергею.

— Добрый день, мистер Карпов, — он радушно протянул Сергею руку. — Рад приветствовать вас на нашем Острове. Меня зовут Реймонд Сандерс, я — начальник личной канцелярии мистера Хауза. Не хотите ли отдохнуть с дороги? Или перекусить?

— Нет, лучше бы сразу увидеться с мистером Хаузом.

— Придется немного подождать, — извиняющимся тоном произнес «серый кардинал», но, увидев нахму-

ренное лицо Карпова, добавил: — Вы не волнуйтесь, совсем немного. Мистер Хауз просил принести вам свои извинения, но, сами понимаете, в нашей жизни встречаются подчас неотложные дела... А как вам понравился Остров? Не правда ли, здесь чудесно?

— Никакого бетона, пластика, металла. Кажется, что все появилось здесь еще в позапрошлом веке, — похвалил Сергей.

— Это здание, где мы сейчас находимся, перевез из Европы дед Ричарда Хауза — Бернард. Остальные постройки специально стилизованы под старину. Мистеру Хаузу хотелось, чтобы его особняк не выделялся среди других строений, — снова улыбнулся Сандерс. — Многое пришлось убрать под землю, в том числе автономную атомную электростанцию и залы кибернетического центра. Все на Острове как единый ансамбль.

— Я успел заметить белочку, — попытался поддержать беседу Сергей.

— Остров наш не так уж и велик, но на нем даже поохотиться можно, — обрадовался Сандерс. — Хауз очень любит охоту и животных. Можете об этом написать. Такие малоизвестные детали из жизни хозяина украсят ваш репортаж. Сюда специально завозят диких зверей. Мы будем рады предоставить вам возможность поохотиться, — учтиво поклонился Сандерс. — Что вы предпочитаете? Охоту на льва, тигра, дикого кабана, медведя?

Начальник канцелярии рассыпался в гостеприимстве. Видя, что крупная дичь не вызвала энтузиазма у гостя, добавил:

— Очень увлекательна охота на куропаток, диких уток...

Карпов отрицательно покачал головой и только осведомился:

— А не опасно держать на маленьком острове много хищников?

— О, что вы! — «Серый кардинал» не сходил с места, будто у него было задание непременно увлечь Сергея охотой. — Звери в специальных вольерах, их выпускают только на время охоты.

— А если егерь ошибется и выпустит из вольера не того зверя? — усмехнулся Сергей, нарисовав в воображении «веселую» картину.

— Такого произойти просто не может, — жестко произнес Сандерс. — Работающие здесь люди хорошо знают, что за любые ошибки или просчеты им придется расплачиваться головой. Поэтому они всегда усердны. Как говорится, личная заинтересованность.

От этих слов пахнуло феодальным средневековьем.

В это время в зале, где они находились, как будто зашебетала стайка птиц, Сергей завертел головой, ища глазами пташек.

— Это мистер Хауз сообщает, что освободился, — пояснил «серый кардинал», — пойдете.

Он взял Карпова под локоть, и они двинулись по коридору.

Первой, кого увидел Сергей, когда вместе с Сандерсом вошел в приемную, была Конни Паркер, сидевшая за небольшим письменным столом. Она вскинула глаза на вошедших, но, увидев Сергея, тут же опустила их. Сергей с деланным безразличием поздоровался с нею.

Миновав приемную, тоже отделанную под старину, они оказались в кабинете Хауза, который сидел за столом и читал какие-то бумаги. Он отложил их в сторону, перевернув текстом вниз, и тут же встал.

— Позвольте представить вам мистера Карпова, репортера газеты «Вестник ООН». Мистер Карпов, мистер Хауз... — И Сандерс отошел чуть в сторону.

— Очень рад, мистер Карпов, — протянул миллиардер руку Сергею.

— Надеюсь, ваше здоровье улучшилось, — начал

журналист, пожимая ему руку. — Глубоко сожалею, что удовольствием встретиться с вами на заповедном Острове обязан вашему недомоганию...

— Я не был болен, мистер Карпов! — усмехнулся миллиардер.

Сергей удивленно, насколько мог, смотрел на хозяина.

— Сейчас я вам все объясню, мистер Карпов. — Хауз пригласил журналиста к маленькому столику в углу кабинета, у которого уютно стояли четыре кресла. — Присаживайтесь, и ты тоже, Рей. Не возражаете против присутствия мистера Сандерса?

— Нет, разумеется, — пожал плечами Сергей.

— Итак, — продолжил Хауз, когда они уселись вокруг стола, — я ценю и свое время, и ваше, поэтому перейдем прямо к делу. Не хотите ли вы мне что-нибудь сообщить, мистер Карпов?

— Интересующие нашу газету вопросы вам уже передали... — не понял журналист.

— Я пригласил вас на Остров не только для того, чтобы ответить на ваши вопросы. — Миллиардер мельком, но очень выразительно взглянул на Сандерса. — Ответы на вопросы уже готовы. Вы получите их у моего пресс-секретаря. А нет ли у вас ко мне каких-либо предложений?

— Я вас не совсем понимаю, — искренне признался журналист.

— О, мистер Карпов, я пригласил вас, чтобы задать вам несколько вопросов, — перешел на серьезный тон Хауз. — Я готов компенсировать затраченное вами время и причиненные вам неудобства.

— Если я смогу ответить к вашему удовольствию и без ущерба для себя, то с радостью приму назначенную вами сумму компенсации, — улыбнулся Карпов.

— Хорошее начало, молодой человек. — Хауз сцепил пальцы рук на груди. — Деловая хватка. Надеюсь, мы

расстанемся с вами довольными друг другом. — И он опять выразительно посмотрел на Сандерса.

«Чего они переглядываются?» — внутренне поджался Карпов.

— Я слушаю вас, мистер Хауз.

Из противоположного угла кабинета, потягиваясь, поднялся тигренок и поплелся к Сергею. Новый запах привлек его внимание. Подойдя к гостю, тигренок принялся обнюхивать его брюки, мягко переступая, поплелся к креслу хозяина и улегся у его ног. «Его величество» потрепал его шелковистую шерстку.

— Вы знакомы с Джеральдом Финчли, мистер Карпов? — задал Хауз вопрос утвердительным тоном.

«Вот оно, началось», — промелькнуло в голове журналиста.

— Да, конечно, я журналист, и мне с ним приходилось общаться, — непринужденно бросил Сергей.

«Не спеши, не ошибись, — предупредил он сам себя, — тебя хотят в чем-то поймать».

— Что же вас связывало? — уже с особым любопытством спросил Хауз.

— Охотники на «пушеров» — очень интересные люди. В наш век осталось так мало настоящих мужских приключений с погоней и пальбой, и такой парень, как Финчли, сушая находка для любого репортера.

— Действительно, — чуть склонил голову Хауз. — Моя служба внутренней безопасности информировала меня о вашем знакомстве с инспектором.

«Ишь ты, — поежился Карпов. — Как лихо он выкладывает свои карты на стол. Я, мол, все знаю, молодец, что не врешь, меня обманывать бесполезно».

— Вы дружите с ним? — быстро спросил хозяин Острова.

— У нас скорее деловые отношения, — медленно проговорил Карпов. — Хотя... довольно часто бываем вместе, даже играем в шахматы...

— Когда вы видели старшего инспектора в последний раз?

— Около месяца назад... Однако, простите, мистер Хауз, что означает этот вопрос? Я ожидал разговора на другую тему.

— Какие документы, мистер Карпов, передавал вам инспектор Финчли на хранение? — настаивал на своем Хауз.

У Сергея ладони зачесались от напряжения.

— Документы?.. Что-то не помню. — Журналист медленно проговорил, но тотчас как бы спохватился: — Ящик с книгами по астрономии он действительно у меня оставил. Он их возил в багажнике машины, она сломалась, поэтому он от меня уехал на такси, а ящик хранится...

«Его величество» переглянулся с Сандерсом. Тот тут же вышел из кабинета.

«Сейчас в Нью-Йорке они потрошат мою квартиру, переворачивают там все вверх дном», — подумал Карпов.

Коробка с книгами по астрономии стояла у него в стенном шкафу. В ней Финчли ничего не мог спрятать, ибо даже не знал о ее существовании. Сергей купил книги, чтобы подарить их Джерри на день рождения, до которого оставался еще месяц.

Молча вернулся Сандерс и сел на прежнее место.

— А вы не хотели бы повидаться с вашим другом инспектором? — поднял брови Хауз.

— Сейчас? — изумился Карпов. — Старший инспектор СОБН на вашем Острове?

Хауз словно бы не заметил вопроса.

— Вы с ним никогда не беседовали обо мне?

— Бывало. Меня огорчало, что наша с вами встреча оттягивалась.

— И что же он?

— Он уверял, что вы любите журналистов.

— Больше ничего?

— Пожалуй... нет.

— Кроме книг, он у вас ничего не оставлял?

— Нет... Но вы так и не объяснили, что означает этот допрос, — сухо сказал Сергей. Вместо ответа Хауз молча нажал вмонтированную в стол кнопку. В кабинет в сопровождении Джонсона вошел Джеральд Финчли.

— Подождите с вашими людьми в приемной, — приказал Хауз Джонсону, и тот послушно прикрыл за собой дверь.

— Привет, Джеральд, — весело окликнул Сергей друга и встал с кресла.

— Здравствуй, Сергей, — с изумлением произнес старший инспектор, пожимая ему руку. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Как и я тебя, — рассмеялся Сергей, пытаясь по выражению лица друга понять, что с ним случилось, но смех дался ему с трудом.

— Господа, — прервал наступившее молчание Хауз. — Давайте прекратим эти маневры вокруг да около.

— Что вы имеете в виду, мистер Хауз? — повернулся к нему Финчли.

— Я легко, мистер Финчли, вычислил, кому вы оставили на хранение интересующие меня документы, — медленно сказал Хауз. — Теперь я хочу их получить, прежде чем отпущу вас отсюда. Не волнуйтесь, свой миллион вы получите тоже.

«Все ясно, — подумал Финчли. — Хауз заманил сюда Карпова и дает ему понять, что уже купил меня на корню».

«Ну, Серега, играй, — думал, в свою очередь, Карпов. — Джерри ждет моей помощи».

— Послушай, Джеральд, о каких документах мне твердят здесь чуть ли не целый час? — обратился Сергей к Финчли. — Уж не о том ли маленьком запаян-

ном пластмассовом пакете, который ты давал мне до того, как в очередной раз исчез?

Оба, и Карпов и Финчли, заметили, как вострепнулись и Хауз и Сандерс.

«Ага, и я вас поддел на удочку!» — засмеялся про себя журналист.

— Да, — обрадовался Финчли, — надеюсь, с ним ничего не случилось?

— Какого же черта ты не предупредил меня, что это документы? — рассердился Карпов. — Мне неприятно, что бумаги, имеющие отношение к Ричарду Хаузу, вовлекают меня в непонятную историю. Я не хочу участвовать ни в каких аферах...

— Какие аферы? — понял правила игры Финчли. — Если ты ничего не знаешь о документах, ты ни перед кем за них не отвечаешь.

— А где пакет находится сейчас, мистер Карпов? — поинтересовался Хауз. — У вас в квартире?

— А чтоб его, — наморщил лоб Карпов. — Ведь столько времени прошло... Расставшись с Финчли, я зашел в наше представительство в ООН, чтобы повидаться с приятелем. Мы собирались ехать на прием. Пакет мне мешал, я попросил приятеля спрятать в его сейфе. И еще не забрал.

«Вот это загнул! — восхитился про себя Финчли. — Достать документы из Советского представительства Хаузу было бы нелегко, даже существуй они на самом деле».

Он украдкой посмотрел на Хауза и Сандерса. Тем стало явно не по себе.

— Как зовут вашего друга из представительства? — нахмурился Хауз.

— Федор Симонов. — Сергей сам два дня тому назад провожал Симонова в отпуск в Союз. — Да что это за документы? Что случилось?

— От того, получу ли я их, зависит благополу-

чие вашего друга, — сухо отрезал Хауз. — Да и ваше тоже.

— Ах, вот как? — Карпов даже вскочил с кресла. — Но я иностранный гражданин! Меня мало занимают ваши скандалы. — Сергей обернулся к Финчли: — Джерри, зачем ты впутываешь меня? Мистеру Хаузу нужны твои документы? Превосходно? Отдай их! Я возвращаюсь в Нью-Йорк, заберу их у Симонова, и делайте с ними что хотите! Ваши отношения меня совершенно не интересуют. Мистер Хауз, как я понял, обещал Финчли миллион. За что — не знаю и знать не хочу, но полагаю, что и мне за хранение пакета и причиненное беспокойство тоже причитается компенсация.

«Верный ли я взял тон? — торопливо думал Карпов. — Только бы выбраться отсюда. Я облегчу задачу Ганеву. Моих данных может хватить на то, чтобы СОБН действовал с соблюдением формальностей, открыто. Джерри они тронуть не посмеют, если я отсюда уеду. Им нужен пакет! Потом они не пощадят ни меня, ни Джерри».

Хауз и Сандерс удивленно уставились на журналиста. А инспектор Финчли нахмурился, давая понять Сергею, что тот переигрывает.

Хауз вдруг откинулся на спинку кресла и так звонко расхохотался, что на глазах у него выступили слезы.

— Нет, вы определенно мне нравитесь, мистер Карпов. И как это только проглядели вас ваши комиссары! Я ведь всегда говорил, Рей, — обернулся он к «серому кардиналу», — что от денег никто не отказывается. И русские любят звон золотых монет ничуть не меньше, чем прогнившие капиталисты. Не так ли?

— Ну как вам сказать, — смутился Карпов. — Дома у нас особенно не развернешься, даже при деньгах. А в Америке лишние деньги совсем не помешали бы. Тем более что они расходятся значительно быстрее, чем ожидаешь. Что же до принципов и идеалов, то, как

у нас говорят, «в чужой монастырь со своим уставом не ходят».

— Наша жизнь нравится вам? Что ж, похвально, весьма похвально...

— Насколько я понимаю, вы принимаете мое предложение? — спросил Сергей.

— Нет, — отрубил неожиданно Хауз. — Мы поступим так. Дальнейшие переговоры отложим дней на пять-семь. А эти дни вы проведете на Острове. В качестве... Ну, скажем, в качестве гостей с ограниченной свободой передвижения.

— Не имеете права! — взорвался Карпов. — Я — работник международной организации, гражданин другой державы!

— Здесь, на Острове, существует лишь одна воля. Моя! — «Его величество» начал терять самообладание. Напряжение последних дней не прошло даром и для него.

— В редакции известно, куда я уехал, — бесстрастно ответил журналист. — Меняхватаются, будут искать. Скандал вряд ли придется вам по вкусу, мистер Хауз. — И Карпов бросил выразительный взгляд на Финчли.

«Сергей не уехал бы сюда, не поставив в известность Ганева, — осенило старшего инспектора. — А это резко меняет дело».

— Редакции скоро будет не до вас, — зловеще прошипел Хауз.

Сандерс встревоженно поднял руку, жестом призывая «Его величество» к благоразумию, но тот нервно отмахнулся.

«Ого, — мелькнуло в голове Финчли. — Хозяин-то гневается. В таком состоянии людям свойственно говорить лишнее, щеголять своей исключительностью».

— Не блефуйте, мистер Хауз, — быстро нашелся Карпов. — Человеку вашего масштаба это не к лицу.

— Да как вы смеете!.. — взревел побагровевший миллиардер.

«Пора, пожалуй, подлить масла в огонь», — решил Финчли.

— Позволю себе напомнить, мистер Хауз, — вставил он, — что и меня дольше задерживать вам нельзя. Я представитель международной организации, пользуюсь правом дипломатической неприкосновенности, и арестовывать меня частное лицо не может. Убрать меня теперь вам не по силам. Меня здесь видел мистер Карпов. А ликвидировать сразу двоих работников ООН — это, знаете ли, скандал, на котором вы слишком много потеряете.

— Молчать!.. Мальчишки!.. — «Его величество» вскочил, руки его тряслись, лицо исказилось возмущением, губы дергались. — Кем вы меня пугаете? Редактором «Вестника»? Начальником СОБН? Через неделю они у меня в ногах валяться будут! Да я прикажу... — И Хауз, быстро подойдя к письменному столу, включил встроенный в него магнитофон.

«О боже, — устало подумал Сандерс. — Ему так не терпится примерить корону, что за неимением другой аудитории он готов покрасоваться в ней перед этими молодцами. Теперь Финчли и Карпову не покинуть Острова ни живыми, ни мертвыми...»

Включенный Хаузом магнитофон воспроизводил запись какого-то совещания. «Мы низложим ООН, захватим власть и подчиним все страны...» — говорил чей-то старческий голос.

Бесшумно открылась дверь. Вошла Конни с подносом в руках. Хауз выключил магнитофон, злобно посмотрел на девушку. Вспомнив, что сам еще до прихода Карпова приказал подать в назначенное время кофе, досадливо поморщился и приказал девушке быстро поставить поднос и удалиться. Конни ушла. Хауз снова включил магнитофон. Четверо мужчин молчали.

Ни Карпов, ни Финчли не верили, что этому маньяку полностью удалась бы его затея. Но оба отдавали себе отчет, что справиться с ним будет трудно. Прольется кровь, прежде чем мятежники будут арестованы или рассеяны.

— Что же вы не пьете кофе, господа? — нарушил молчание «Его величество», когда запись кончилась.

Перед ними снова сидел радушный и любезный хозяин.

Финчли пожал плечами и отпил глоток ароматного напитка. Карпов последовал его примеру. На какую-то минуту в кабинете опять наступила тишина. Каждый в этот момент думал о своем, хотя мысли всех четырех, конечно же, вертелись вокруг невероятной тайны, которую открыл им хозяин кабинета.

— Мне наплевать на ваши угрозы, господа, — улыбнулся наконец-то Хауз, — но я не откажусь от вашей помощи.

— Предположим, — первым отозвался Финчли. — Но зачем вам затевать всю эту игру с нами?

— Вы можете мне пригодиться, я проверял вас! — И он захохотал. — Пока вы здесь, то документы останутся лежать в Советском представительстве, дожидаясь дня, когда я их сам оттуда заберу.

Хауз допил кофе, поставил чашку на поднос и откинулся в кресле. Ему нравилась та роль, в которой он выступал перед молодыми людьми, оказавшимися на его заповедном Острове, Сандерс мрачно наблюдал за Хаузом.

— Вас отведут в предназначенные вам гостевые комнаты. Ведите себя разумно. С охраной шутить не советую, при попытке побега вас пристрелят...

Хауз нажал кнопку на столе, и через несколько секунд в кабинете появились три охранника.

— Проводите моих гостей. — Хауз, сутулясь, зало-

жив руки за спину, смотрел, как Финчли и Карпов выходили из кабинета.

В приемной Карпов, указывая глазами на сидящую за столом Конни, обратился к Финчли:

— Посмотри, Джерри, какая красивая девушка работает у Хауза! Имей я на Острове свободу, я бы погулял с этим симпатичным созданием до полуночи по берегу. Предположим, в Золотой бухте. Ты видел ее, когда подплывал к Острову.

— Неплохо бы! — с напускной беззаботностью бросил Финчли. — Но мистеру Хаузу вряд ли понравилось бы, если бы у гостей хватало времени на беседы с его сотрудницами.

Конни сидела за столом смущенная, не зная, как себя вести. На глазах охранников она могла лишь фыркнуть от возмущения или пожать плечами.

Карпов же думал о том, догадалась ли Конни, что он имел в виду. Сейчас для них это было единственным спасением. Ведь на другой способ связи с внешним миром им рассчитывать не приходилось.

* * *

— Зачем ты разыграл перед ними весь этот спектакль? — недовольно спросил Сандерс, когда дверь за Карповым и Финчли закрылась. — Хотя бы со мной посоветовался.

— Слушай, Рей, тебе не кажется, что у меня своя голова на плечах, — разозлился Хауз. — Я советуюсь с тобой, когда считаю нужным. Свое мнение оставь при себе. Зачем я это сделал? Да просто эти люди мне еще могут пригодиться и в том случае, если у нас все пройдет удачно и если что-то сорвется. Пусть знают, с кем они имеют дело. Так они станут покладистее.

Ричард Хауз действительно злился на своего, как ему когда-то казалось, верного помощника. Утром Конни рассказала ему о приставаниях Сандерса, о чем бос-

су и так было известно. Важнее было другое. Он узнал от девушки и о мимолетной истерике начальника канцелярии.

«Да этот наглец явно мнит о себе слишком много, — никак не мог успокоиться Хауз. — Он — «властелин мира». Нового тела ему не видать как своих ушей. Наступило время избавиться от Сандерса: верная собака потеряла чутье».

Конни рассказала Хаузу о той неприятной для нее сцене не из большой любви к боссу и желания его предостеречь. Надо было как-то остановить этого ненавистного, мерзкого Сандерса, а сделать это мог всего лишь один человек — сам босс.

— Никак не могу понять, чем они могут оказаться тебе полезны, если все наши планы осуществляются, — продолжал недоумевать Сандерс.

— Прикинь сам. Люди они явно способные. Для Финчли мы при любых обстоятельствах подберем полезное занятие. А русский советник мне просто необходим.

— Что из них за советники? — недовольно заворчал начальник канцелярии.

— Рей, да ты никак снова ревнуешь? — сыронизировал Хауз. — То к Крафке, то к Карпову. Вот уж никак не ожидал. Тебя, Рей, никто не сумеет заменить. — И Хауз по-дружески хлопнул своего помощника по плечу. — Нас с тобой слишком многое связывает, чтобы мы могли расстаться. Не опасайся за свою судьбу, дружище, — ласковым голосом уверял Сандерса Хауз.

Но он все больше склонялся к мысли о замене своего стареющего и наглеющего помощника. А пока решил переменить тему разговора.

— Тебе не кажется, что наша крошка Конни слишком много знает? Как там у тебя с ней?

Сандерс ждал этого вопроса. В другой раз он обиделся бы на шефа. Девушка слишком строптива, а та-

ких Сандерс не терпит. У него, конечно, выбор велик, однако секретарша Хауза должна быть во власти начальника канцелярии.

— Ты прав, Ричард, ей известно слишком много. С Острова ее выпускать нельзя...

— С ней может случиться несчастье, — закончил за него Хауз. — Утонет во время купания или еще что-то в этом роде? Это забота Джонсона. Я сам поговорю с ним.

— Ее можно изолировать уже сегодня, — предложил начальник канцелярии, испытывая жгучее злорадство. — Пусть Джонсон запрет Конни в ее собственной комнате, а потом уберет... Есть другая девушка на ее место.

— Не возражаю, — равнодушно кивнул Хауз.

Они вышли из кабинета. Хауз привычно потрепал Конни по щеке.

ВСТРЕЧА В ЗОЛОТОЙ БУХТЕ (14.5.2005 г.)

Конни видела, что Сергей и Финчли, несмотря на их напускную веселость, ушли из кабинета Хауза под конвоем. Шутка Сергея о свидании часов в двенадцать ночи в Золотой бухте была брошена неспроста. «Наверно, я должна понять, что мне следует в полночь пойти в Золотую бухту. Но что я там посреди ночи делать должна? Может, на месте яснее будет? Главное — не испугаться и пойти туда.

Кстати, а что это за запись слушали все четверо, когда я принесла кофе? — вдруг вспомнила она. — Судя по лицам Сергея и Финчли, они явно были потрясены. Я тоже разобрала несколько фраз, но не остановила на них внимания. Секретарша никогда не должна вслушиваться в содержание бесед, ведущихся в кабинете босса, если нет специального задания вести

стенограмму. В таких случаях отпечатанная в единственном экземпляре стенограмма гораздо лучше обеспечивает тайну, чем магнитофонная кассета, с которой легко сделать копию. Так что же это все-таки были за фразы? Да, вроде бы так: «К концу намеченного нами срока, помимо войск резерва, я буду обладать тремя дивизиями, вооруженными вполне достаточным количеством танков и артиллерии, и смогу опереться на поддержку преданных людей на местах».

Она действовала почти автоматически. Зная, где может находиться кассета, она осторожно приподняла папку с бумагами и увидела футляр с кассетой; взяв его, Конни проверила, не пустой ли он, и, убедившись, что нет, сунула его под кофточку.

Она вернулась в приемную, заперла дверь кабинета и приоткрыла дверь в коридор... Сев на свой стул, она подумала, что первый раз совершила ужасный проступок.

«А может быть, эта кассета не имеет большой ценности, тогда я погибну, — безразлично подумала она. — Но я пойду с нею в Золотую бухту...»

Прошло еще больше получаса, прежде чем Хауз и Сандерс вернулись.

— Как вы себя чувствуете, Конни? — мимоходом спросил Сандерс, проходя мимо нее в кабинет.

Девушка не обратила на это никакого внимания. Она не знала, но чувствовала, что в словах, жестах и даже в походке Сандерса и Хауза было какое-то напряжение.

Босс и Сандерс просидели в кабинете еще часа четыре. Конни несколько раз соединяла их и с Нью-Йорком, и с Вашингтоном. Кассета жгла ее, как будто она положила себе на грудь раскаленный кусок свинца. Конни не была уверена, что она взяла из стола хозяина нечто чрезвычайно ценное. Но какое-то чутье подсказывало ей, что она не ошиблась выбором.

К вечеру Хауз и начальник канцелярии покинули

кабинет. Босс чуть обнимал своего советника за плечи, а тот весь расплывался в улыбке и выглядел как малое дитя. Они были так заняты собой, что, заперев дверь кабинета, даже не обратили внимания на секретаршу, все еще сидевшую за столом у телефонов.

— Мистер Хауз, я свободна? — робко напомнила Конни.

— Да, да, — машинально бросил босс. — Она тебе не нужна, Рей? — хлопнул он Сандерса по плечу. И оба почему-то засмеялись.

— Спасибо, мистер Хауз, — вежливо улыбнулась Конни вслед выходящим, а в мозгу ее мелькнуло: «Какие-то они странные».

Конни переждала минут пять, собрала со стола все бумаги, спрятала их и, потушив свет, вышла из приемной. Ей необходимо было хоть немного отдохнуть, прежде чем пойти туда, в Золотую бухту...

Часа три спустя она вышла из здания гостиницы. Старалась идти медленно, помня, что кто-то из охранников Острова наблюдает за нею. Звездное небо накрывало Остров и море. Зайдя за дерево, она выглянула, пытаясь обнаружить того, кто за нею подсматривает. Надо оторваться, проходя мимо главного вычислительного центра, дома для гостей и корпуса охраны. До полночи еще есть время, она сделает крюк по лесной тропинке и забредет к бухте.

За вольерами зверинца, где она днем иногда кормила зверей и наблюдала за их игрой, Конни свернула по тропинке в темную аллею. Она спешила, чтобы преодолеть темень, и наконец выбралась опять под звезды на поляну. Держась опушки леса, девушка ускорила шаг, и тут что-то неожиданно, но мягко ударило ее по лицу; она чуть было не вскрикнула, однако сразу сообразила, что это взлетела какая-то испугнутая ночная птица. Казалось, сердце Конни колотилось о футляр с кассетой. Где-то неподалеку бешено захохотала гиена,

одна из любимиц самого босса. От ее мерзкого смеха мороз пробирал по коже. Конни поймала себя на мысли, что гиен, считая не слишком уж опасными для людей, часто выпускают ночью из вольера.

В темноте засветились чьи-то глаза. Конни замерла, но догадалась, что зверь находится за железной изгородью. Черная пантера мягко прыгнула от дерева и замерла у ограждения; животные здесь сыты, но это дикие звери, с ними играть не позволяют.

Держась кромки леса и решетки изгороди, Конни шла к Золотой бухте. Большой зубр терся боком о решетку, его гигантское тело, казалось, вот-вот прогнет или выломает прутья ограды.

Вольеры кончились. Тропинка шла уже через лес.

Но вот закончился и лес. Облегченно вздохнув, Конни убыстрила шаг. Океан был спокоен, звезды отражались в воде. Волны еле плескались у кромки берега. Найдя камень, Конни села на него, не очень надеясь, что кто-либо придет сюда. «По крайней мере, Сергея я здесь не дожусь. Сама придумала себе приключения». Но она верила в Сергея, была убеждена, что он не стал бы шутить попусту, и знала, что не случайно он после ее звонка так быстро прибыл на Остров.

Слабый всплеск воды привлек ее внимание. Прямо из глади океана перед ней выросла человеческая фигура, ясно различимая в свете звезд. Темная фигура выходила из воды не спеша, внимательно оглядываясь по сторонам. Конни испугалась, руки и ноги ее онемели, она хотела крикнуть, но голос ей не подчинился.

Фигура направилась прямо к ней.

— Вы Конни? — с мягким акцентом спросил мужской бас. Маска была сдвинута на лоб, а с гидрокостюма, плотно облегающего его крепкое тело, сбегала вода.

— Да, — тихо проговорила девушка. — Вы меня знаете?

— Мы договорились с Сергеем Карповым встретиться здесь. Кроме вас, он никому не мог об этом сказать.

Ганев не мог полностью доверяться секретарше Хауза. Вполне возможно, что где-то рядом включен видеоманитофон или поблизости прячутся шпики миллиардера.

— Где Карпов? — тихо проговорил он.

— Сергей и Финчли сидят под охраной, — прошептала Конни. — Я надеялась увидеть Сергея.

— Меня зовут Ганев...

— Стоян? — обрадованно выдохнула девушка. — Болгарин Стоян Ганев? Я слышала о вас! Вы его друг, правда? И Джерри вы тоже друг! Вы их спасете, правда, спасете? Вы обязательно их спасете! — И слезы выступили у нее из глаз, она разрыдалась.

Ганев опешил: не похожа милая девушка на провокатора.

— За этим я и прибыл сюда, — произнес Ганев.

— Что вы можете сделать один? — Она стояла перед ним растерянная.

— Почему один? Недалеко от Острова три корабля. Они не видны, но могут прибыть сюда в любое время.

— Я выкрала из стола Хауза кассету, — уверенно сказала девушка, протягивая инспектору кассету.

— Что это? — не понял Ганев.

— Запись совещания, которое проходило здесь, на Острове, три дня назад. Там замышлялось что-то страшное...

— Что «страшное»? — не понял болгарин.

— Кажется, они намерены захватить штаб-квартиру ООН, я слышала и читала документы, — волнуясь и заикаясь, говорила Конни. — Недаром они здесь собирались.

Наступило минутное молчание. Волны перебирали мелкие камешки у берега.

— О замыслах Хауза мы кое-что знаем, — твердо произнес инспектор. — Быть может, хаузовский Остров придется брать штурмом. На это потребуется время. Ребята еще живы?

— Видела их сегодня днем в кабинете Хауза. Он коварен... — не совсем уверенно прошептала девушка.

— Ждать им осталось не так уж долго, — Стоян взглянул на часы, — пять-шесть часов, не больше. За это время мы вполне управимся. А теперь я вынужден вас покинуть. — И он протянул Конни крепкую руку. — Возвращайтесь к себе... Не следят за вами?

— Не знаю... Никого не заметила...

Ганев повернулся к берегу и быстро зашагал в воду. Конни смотрела вслед внушившему ей надежду человеку, пока легкая волна полностью не поглотила его.

Обратно Конни дошла быстро. Она не удивилась, увидев в коридоре, неподалеку от двери, начальника личной охраны Хауза — Джонсона и здорового парня с кобурой на бедре. Девушка поравнялась с ними, Джонсон елеинно проговорил:

— Долго гулять изволили, мисс Паркер...

— Бессонница... дышала воздухом...

— Мы вас больше часа поджидаем, — усмехнулся Джонсон.

— От этого сон мой не улучшится, — отшутилась она, хотя сердце ее испуганно забилося.

— Просто мистер Хауз сказал, что вы очень устали, и просил, чтобы вы отдыхали, не покидая своей комнаты.

— Это домашний арест или забота о моем здоровье? — съязвила Конни.

— В некотором смысле то и другое, — противно-елейно прохрипел Джонсон. — Этот молодой человек, — и он кивнул в сторону охранника, — подежурит у вашей двери, чтобы мы с вами не нарушили распоряжение мистера Хауза.

— А могу ли я поговорить с мистером Хаузом? — спросила Конни.

— Идите спать, — резко приказал Джонсон. — Мы из-за вас не отдыхаем. Как вам пришло в голову беспокоить мистера Хауза?

— Но вы же сами сказали. Это домашний арест, — пожалала плечами Конни.

— Я пошутил. — Джонсон легонько подтолкнул Конни к двери. — Телефон в вашей комнате отключен, отдыхайте мисс Конни, ни о чем не беспокойтесь.

— Зачем же вы оставляете у дверей громилу? — ехидно поинтересовалась Конни.

— Чтобы вас никто не беспокоил, мисс Конни. Спокойной ночи, — фыркнул Джонсон.

«Садист проклятый, — подумала Конни. — Не дай бог попасть такому в лапы... А вдруг именно это меня и ждет?»

Она знала, что, украв кассету из стола Хауза, сама положила голову на плаху. Времени, чтобы сделать с кассеты копию, у нее просто не было. Хватись кассеты Хауз или Сандерс — ей конец.

Нажав кнопку замка, чтобы запереть дверь, она вдруг поняла, что замок не защелкивается, и тут же услышала скрежет ключа, поворачивающегося в замочной скважине снаружи.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ (14.5.2005 г.)

Мало кто спал в эту ночь на Острове «Его величества». Дежурные охранники несли свою вахту у радаров, прощупывая ими небо и море, следя, чтобы к Острову без разрешения не приблизились суда и самолеты.

Занимая отдельную виллу, доктор Крафке до утра

сидел в кресле, размышляя о своей судьбе. Он поверил в волю и силу Хауза, у него почти не оставалось сомнений, что военные силы хозяина способны сокрушить войска ООН и захватить ключевые позиции в мире. После такого военного переворота Крафке может пригодиться «Его величеству».

Не спал в ту ночь и Сандерс. Его беспокоило, что Хауз при всей его страсти к актерствованию оказался куда более серьезным и решительным человеком, чем Рею представлялось раньше. Это значительно осложнит выполнение «Программы Зет», согласно которой Хауз лет через двадцать собирается пересадить свой мозг в молодое тело. «Серый кардинал» давно уже решил, что в тело, намеченное для Хауза, будет пересажен его, Сандерса, мозг. И тогда новым Ричардом Хаузом будет он. Чтобы продумать детали плана, есть еще масса времени. А то, что Ричард проявил себя с неожиданной стороны, делает задачу более трудной, но и более достойной для интеллекта Сандерса.

Старший инспектор СОБН Джеральд Финчли, лежа в постели, уныло размышлял о том, что хотя они с Карповым вели и правильную игру, но результатов, увы, не добились никаких... Оба под замком и не способны предупредить мир о нависшей над ним зловещей угрозе. Надежда оставалась только на дружбу Сергея с Ганевым. Карпов наверняка рассказал ему о приглашении на Остров, а Ганев — достаточно опытный сыскной волк, чтобы чисто интуитивно не заподозрить что-то неладное и не позаботиться о безопасности друга. И тут Финчли вдруг понял, что Карпов смог в шутливо-развязной форме сообщить Конни о явке в бухте. Теперь все зависело от сообразительности и решимости девушки.

И Карпов тоже не мог спать. Его беспокоила только одна мысль, хорошо ли поняла его Конни. «Если Конни меня поняла и не испугалась, то Стоян уже знает, что к

чему. Ах, черт, выбраться бы отсюда, да еще достать бы ту кассету, тут бы мы Хауза и скрутили».

Спал только один кандидат в будущие и вечные владыки мира, организатор нового и, как он полагал, последнего крестового похода против ООН, миллиардер-плейбой Ричард Хауз.

Конни в это время сидела в уютном кресле в своей запертой снаружи комнате.

«Ганев сказал, что ему нужно пять-шесть часов, — размышляла она. — Два часа уже прошло. У Ганева теперь есть все основания поднять тревогу в Совете Безопасности. Значит... на Острове через три-четыре часа высадутся войска ООН.

«Его величество» совсем озверевает, о Сандерсе и Джонсоне и говорить не приходится. И чтобы избавиться от свидетелей, они вполне могут устроить нам троим «несчастный случай». А потом адвокаты босса без труда докажут на суде, что никакого злого умысла с его стороны не было, что кассета — это еще не полное доказательство преступной деятельности, а живых свидетелей нет, поскольку, увы, случилось вот с ними такое несчастье. Поэтому гораздо лучше будет нам встретить Ганева в той же Золотой бухте. Лучше места для высадки нет...»

Конни вздохнула, решительно поднялась с кресла, подошла к двери и осторожно поскреблась пальцем о филенку. Никто не отозвался. Тогда она тихонько постучала в дверь

— Что вам, мисс Конни? — послышался из-за двери недовольный сонный голос охранника. — Спали бы, что ли. А то и сами не спите, и мне из-за вас... — И Конни услышала, что парень зевнул.

«Как зовут этого верзилу? Нокли, что ли? Ну да, Джон Нокли», — вспомнила она.

— Послушайте, Джон, — тихо, чуть ли не всхли-

пывая, произнесла девушка. — Мне очень одиноко. За что же меня вдруг заперли, вы не знаете?

— Нельзя задавать вопросы, мисс Конни. Мистер Джонсон все вам объяснил, — чуть насмешливо ответил охранник.

— Ничего я не поняла, — продолжала капризничать Конни. — Пожалуюсь утром мистеру Хаузу...

— Я исполняю приказ, мисс Конни.

— Не будем ссориться, Джон, очень скучно, я не привыкла к одиночеству. Не хотите ли выпить со мной? Не одной же мне...

«Еще бы тут не понять, — ухмыльнулся про себя верзила. — Напугали девчонку, вот она и расхныкалась. А мне какая разница, как ее охранять, снаружи или изнутри. От меня из комнаты еще ни одна девчонка не убегала, а тут сама напрашивается».

— Что же вы, Джон, молчите? — громким шепотом продолжала Конни. — Не стыдно вам...

— Одну минуту, мисс Конни, — заговорщицким шепотом отозвался Нокли.

В замке повернулся ключ, дверь открылась, и Нокли шагнул в комнату.

— Заприте, пожалуйста, дверь изнутри. Вас же оставили, чтобы меня никто не беспокоил? — ласково пропела Конни.

Нокли, засопев, повернулся к ней спиной и начал закрывать дверь. В тот же миг резкий удар ребром жесткой ладони натренированной каратистки, пришедшийся точно в ямку под правым ухом, ошеломил охранника, и он грохнулся на пол.

«Тоже мне, боец, даже упасть без шума не может. — Конни перешагнула через тело парня. — Свалился как комод с посудой».

Взяв из кобуры пистолет и запасную обойму, она сунула все это в карманы брюк, обшарила охранника и нашла универсальный ключ, подходящий ко всем

дверям. Хорошо, что на Острове все (даже в мелочах) выдерживалось строго под старину. Будь здесь электронные замки...

Минут через десять лежащий на полу парень придет в себя. Конни с трудом подтащила тело Нокли к своей массивной старинной кровати и заранее оторванным шнуром от шторы скрутила его по рукам и ногам, а потом привязала к толстой деревянной ножке кровати. Пусть теперь попробует поползть, когда очнется. Рот Нокли она заклеила лейкопластырем из аптечки.

Открыв дверь, Конни украдкой выглянула в коридор. Там никого. Джонсон доверяет своим людям, потому что все они знают, какой ценой придется платить за малейшую оплошность. Хорошо еще, что Нокли считает себя неотразимым и уверен в своем знании женщин, а то ей бы никогда его не заманить...

Девушка тихо кралась по коридору к выходу. Она полагала, что до утра Джонсон не хватится Нокли, но опасность могла подстеречь где угодно.

Финчли и Карпова могли держать только в дальнем бунгало, на самом краю вольерного парка. Она заметила днем, как туда везли еду и напитки, и оставалось только надеяться, что она не ошиблась. В другом месте ей не найти их ночью. Охрана схватит ее раньше.

Вот и бунгало. Притаившись за стволом толстой сосны, Конни долго рассматривала крыльцо. Если ее догадки верны, то в холле должна быть охрана. Сколько человек оставил Джонсон, чтобы караулить двоих отчаянных парней? Хотя отчаянным начальник охраны считает только одного — инспектора СОБН Финчли. У журналиста Карпова должна быть другая репутация. Людей у Джонсона не так уж и мало, но лишних в центр Острова старались не допускать. Военизированная охрана находится в казармах.

Если Финчли и Карпов сидят в соседних комнатах, то зачем Джонсону тратить на лишних охранников?

Хватит одного или двух, которые меняются. Ведь он всегда может дать сигнал тревоги.

Конни тихо подошла к крыльцу, легко поднялась по ступенькам, прислушалась, достала пистолет и, собравшись с духом, бесшумно открыла хорошо смазанную дверь.

Охранник сидел в холле, уютно развалившись в мягком кресле. Он не ожидал опасности, тем более снаружи. Заметив, что дверь открывается, только поднял голову, но сразу за пистолетом не полез. И тут же замер, увидев направленный на него черный ствол.

— Сидеть! — тихо произнесла Конни, приближаясь к нему. — Не двигаться!

Охранник недоуменно дернулся, и Конни нажала на спуск. Сделала она это со страху и тут же перепугалась еще больше. Раздался еле слышный хлопок, и в кресле, чуть выше правого плеча охранника, возникла дырка. Парень изумленно замер. Снайперской точности от девушки он никак не ожидал. Конни, правда, тоже. Она стреляла первый раз в жизни.

— Следующая пуля будет тебе в лоб, — предупредила она. — Я стреляю без промаха и без колебаний.

«Все как в дешевом гангстерском фильме, — усмехнулась про себя девушка, — и все очень точно!»

— Подними руки над головой, живо, — продолжала Конни, вспоминая все подобные телепередачи, которые ей не раз приходилось видеть.

Охранник безропотно повиновался.

— Поднимись с кресла. Молодец, хороший мальчик. Теперь иди к стене и встань лицом к ней. Руки так и держи над головой.

Охранник послушно выполнял ее приказы. Следовало бы обыскать его, разоружить и обезопасить, но Конни боялась приближаться к натренированному парню.

— Ты здесь один?

«Глупый вопрос, — подумала тут же Конни. — Будь он не один, лежать бы мне уже на полу. В лучшем случае только связанной, а то и мертвой уже».

— Да, — ответил охранник.

— Где Карпов и Финчли?

— Карпов в первой комнате, Финчли — во второй. Третья — пустая.

— Я сейчас положу на столик ключ. Ты медленно повернешься. Не спеша, понял? — сказала Конни. — Правой рукой возьмешь ключ, откроешь дверь комнаты Финчли, зайдешь в нее и там снова встанешь лицом к стене. Ключ оставишь в замке.

...Услышав, как в замке поворачивается ключ, Финчли понял, что настал его последний час. Лучше драться, чем терпеть издевательства. Взяв со стола массивную бронзовую лампу, инспектор притаился у двери. Едва охранник шагнул в комнату, лампа обрушилась ему на голову.

Удар получился скользящий, не очень сильный, но охранник тут же упал, хотя и не потерял сознания.

Джерри взмахнул снова лампой и ...опешил, увидев перед собой судорожно сжимающую пистолет Конни.

— Свяжите его, Джерри, — еле слышно прошептала она...

Скрутить охранника по рукам и ногам, втолкнуть ему в рот два носовых платка и забрать у него оружие было для Финчли делом одной минуты. Затем он прошел в ванную и принес всхлипывающей Конни стакан воды.

— Ну, ты молодец, — бодро произнес Финчли, стараясь ее успокоить. — Дай-ка мне пистолет.

— Сережа в соседней комнате. Он ни о чем не догадывается. Пойдем к нему скорее, а то меня могут хватиться.

Финчли рванул к двери и тут же остановился. Несмотря на спешку и серьезность ситуации, он не мог не

задать Конни вопрос, который вдруг пришел ему в голову:

— Ты знала, что Карпов рядом, но сначала пошла ко мне?

— Конечно, — все еще сквозь слезы улыбнулась Конни. — Сережа бы меня увидел и сразу же целоваться бы бросился. А у этого типа пистолет...

— Слушай, ты ко мне, в СОБН, работать пойдешь? — Финчли ухмыльнулся. — У нас там драться все умеют, а вот соображать...

У двери комнаты Карпова Финчли сказал Конни:

— Поддай ему голос, а то он тоже может меня чем-нибудь трахнуть, как я охранника...

СХВАТКА С ПРИЗРАКАМИ

(15.5.2005 г.)

6.00

Птичья трель сигнала внутренней связи разбудила босса не сразу. Он откинул одеяло, не поднимаясь с постели, на ощупь нажал кнопку на установленной в изголовье его обширного ложа консоли с аппаратурой, вмонтированной в туалетный столик времен Марии-Антуанетты.

— Извините за беспокойство, мистер Хауз, — раздался голос из спрятанного в консоли динамика.

— Что там у вас еще? — Сон уже покинул Хауза: дежурный не мог разбудить его в столь ранний час без веской причины.

— К Острову с трех сторон приближаются корабли...

— Вызовите Сандерса, Джонсона и Крафке! — рявкнул Хауз.

Выругавшись, он вскочил с постели и начал поспешно одеваться.

Минут пять спустя он, решительный и спокойный, входил в Центральную. Так именовалось специально

оборудованное бунгало, где сходились в едином узле все линии опутывавшего Остров сложного комплекса электронного оборудования и средств связи. В Центральной находился Главный пульт управления кибернетического мозга Хауза, экраны, фиксирующие мгновенные сигналы с прощупывающих пространство вокруг Острова радаров, мощная радиостанция, выводы подслушивающих устройств и внутренних телекамер из всех помещений и строений на Острове и прибор, позволяющий одним нажатием кнопки взять под контроль все средства внешней и внутренней связи.

У экрана, читавшего сигналы радаров, уже стоял хмурый и невыспавшийся Джонсон; Крафке, аккуратный и подтянутый, в свежем светло-сером костюме, наливал себе кофе из стоящей на боковом столике кофеварки. Секундой спустя вслед за Хаузом в комнату влетел встревоженный Сандерс, машинально поправляя на ходу наспех завязанный галстук.

Кроме них, в комнате находились еще трое — начальник дежурной смены, который и разбудил Хауза, и двое сотрудников службы Джонсона, несущих вместе с ним вахту.

— Докладывайте, — резко распорядился Ричард, садясь в кресло напротив экрана.

— Радары показали присутствие трех судов в районе Острова полчаса назад, — начал дежурный. — Сперва суда находились далеко, их передвижение не имело отношения к нам. Но двадцать минут спустя корабли начали совершать маневр вокруг Острова, охватывая его с трех сторон. Они развернулись и на полной скорости приближаются к нашему побережью.

Подчиняясь жесту дежурного, все посмотрели на экран. Один из кораблей шел в сторону Главного пирса на западной оконечности Острова, куда обычно и подходили направляющиеся к Острову суда. Второй держал курс на Золотую бухту. Третий приближался к

восточной оконечности Острова, где находился причал для тяжелых транспортных судов.

— Суда военные, — неожиданно прозвучал голос дежурного после затянувшейся паузы. — Гидрореактивные на воздушной подушке, десантные. Каждый вооружен четырьмя управляемыми снарядами класса «вода — земля», зенитными пулеметами, противолодочными аппаратами. Несут на борту по четыре бронетранспортера-амфибии с экипажами по тридцать десантников. Бронетранспортеры имеют по скорострельной пушке и два пулемета. Высаживаются через десантные ворота в носу корабля на мелководье и идут на берег своим ходом. Или выезжают прямо на берег, если он достаточно пологий, чтобы на него благодаря своей воздушной подушке мог подняться корабль. Также на борту каждого корабля находятся два вертолета. Один легкий разведывательный, другой десантный, несущий двадцать пять человек...

— Даже так? — зло хмыкнул Хауз. — Целая армада против моего мирного маленького Острова? Четыре с половиной сотни солдат, броня, ракеты, пушки...

— Корабли достигнут побережья Острова через десять минут, — доложил дежурный.

В это время зазвонил телефон. Дежурный тут же нажал кнопку.

— Корабли идут под флагом войск Безопасности ООН, — раздался голос наблюдателя из контрольной башни Главной гавани. — Какие будут указания? — И тут же наблюдатель добавил взволнованно: — Смотрите, с их палуб поднимаются вертолеты...

На экранах хорошо было видно, как взлетающие с кораблей вертолеты рассредоточиваются в воздухе, охватывая Остров большим кольцом.

— Они намереваются пресечь любую попытку покинуть Остров морем или воздухом, — пробормотал Джонсон.

Сандерс спокойно пояснил:

— Заходят с запада, востока и юга, зная, что на севере сплошные скалы...

— Что все это значит?! — потемнело от гнева лицо Хауза. — Как они смеют... Немедленно установите с ними радиокontakt и запросите, кто и по какому праву...

Но начальник смены не успел подать голос, как один из сотрудников, дежуривших у рации, поднял голову:

— Они вызывают вас, сэр...

— Включайте, — распорядился Хауз.

Комнату наполнил густой бас:

— Командир экспедиционного отряда войск Совета Безопасности ООН, бригадный генерал Улеле вызывает мистера Хауза. Прошу немедленно ответить.

— Командовать вторжением в мой дом назначили африканского негра? — зло сплюнул Хауз прямо на пол. В моменты напряжения манеры элегантного светского льва сменялись повадками уличного гангстера. — Микрофон!

Дежурный подбежал к хозяину Острова с микрофоном дистанционной связи.

— Говорит Ричард Хауз. Объясните, что означает эта неслыханная наглость?

— Смотрите, мистер Хауз, — прошептал дежурный. — На экране видно, что корабли замедлили ход в полумиле от берега. Вертолеты висят в воздухе. Мы блокированы...

— Мистер Хауз! — вновь прозвучал в динамике уверенный оксфордский бас одного из наиболее известных в мире командиров ооновских «голубых касок», африканского генерала Улеле. — Прошу вас принять на Острове личного представителя президента США и полномочного представителя Генерального секретаря ООН. Они проинформируют вас о причинах, побудивших нас нанести вам визит. — Голос прервался, но после корот-

кой паузы зазвучал вновь: — Сейчас два из висящих в воздухе вертолетов начнут снижаться на посадочную площадку близ вашей Центральной... Господа, о которых я говорю, находятся на борту одного из них. В случае недоразумений... — бас снова сделал паузу, — через десять минут на Остров высадятся все остальные.

— Я категорически возражаю! — выкрикнул Хауз.

— Тогда до высадки остается пять минут, — предупредил бас. — Об остальном поговорим при личной встрече. Не пытайтесь связаться с вашей штаб-квартирой в Нью-Йорке и с вашими объектами в известной нам обоим стране, все ваши связи с внешним миром блокированы!..

В комнате неожиданно стало тихо.

— Выключи его! — рявкнул Хауз.

— Сколько у вас людей на Острове, Джонсон? — нарушил наступившее молчание Крафке.

— Семнадцать человек из моей службы, да еще сотни полторы персонала наберется... — растерянно ответил тот.

— Плюс еще двести...

— Заткнитесь, Крафке! — выругался побагровевший Хауз. Казалось, его вот-вот хватит удар. — Вы что, с ума сошли? Ни о каком сопротивлении не может быть речи. Мы — не ваш паршивый «третий рейх»... Мы победим через суд. Они еще будут лизать мои ботинки, мерзавцы!

— Вряд ли! — истерично взвизгнул Крафке. — Черномазый намекнул об объектах в ссльве.

— Ну и что? Я там хозяин! Хауз — это деньги. Я не напрасно плачу адвокатам! Рей! Быстро в мой кабинет. Уничтожить все записи и пленки по совещанию. Джонсон! Ликвидируйте Конни Паркер, Финчли и Карпова! Несчастный случай! Используйте новейшие яды и газы из запасов «герра доктора».

За окном послышался рев моторов вертолетов.

— Они начали высадку, сэр, — пролепетал дежурный, краем глаза наблюдая за тем, как Сандерс и Джонсон пулями вылетели за дверь.

— Но вы никуда не денете двести... — попытался было напомнить немец.

— Не ваша забота, Крафке! — оборвал его Хауз. — Ваше дело сейчас молчать. Молчать и слушать. Когда вас начнут допрашивать — тоже держать язык за зубами и ждать моей помощи. Пытать вас не будут, не бойтесь, — ядовито усмехнулся Хауз. — Свяжитесь срочно с их командиром и прикажите сидеть по местам и не открывать огня.

Крафке покорно достал из кармана маленький радиопередатчик.

6.30

...Три тяжелых самолета с ревом пронеслись над лагерем в сельве, оглушая заматавшихся в панике людей. Вместо черных капель бомб от самолетов отделились точки, расцветшие яркими пятнами парашютов. На выстрелы с земли ответили очереди скорострельных пушек с бортов катеров, мчавшихся к лагерю по реке. Со стороны сельвы потянулась цепочка тяжелых десантных вертолетов, охватывая лагерь плотным кольцом.

...Небоскреб штаб-квартиры Хауза в Нью-Йорке окружили отряды полиции. Группы сотрудников Интерпола и СОБН быстро растекались по этажам, требуя у ошеломленных людей ночной смены, находившихся в здании, ключи от дверей и сейфов...

6.45

...На посадочную площадку близ бунгало, где помещалась Центральная, опустились два вертолета. Еще не остановились режущие воздух винты, как из большого десантного корабля начали выскакивать автоматчики в голубых касках. Парни из персонала Хауза, оказавшие-

ся на площадке, подняли вверх руки. Обезоруженные, уже в наручниках, они были согнаны в кучку на краю площадки. Двое солдат остались караулить, держа их под прицелом автоматов. Остальные десантники, рассыпавшись веером, бежали к Центральной, охватывая ее кольцом.

Из вертолета выбрались трое штатских и пошли вслед за солдатами.

...Выбежав из Центральной, Сандерс метнулся в Главный корпус, где находился кабинет Хауза. Отшвырнув на ходу подвернувшегося под ногу тигренка, лихорадочно открыл дверь сейфа и стал выгребать бумаги, пленки в шредер.

Обшарив глазами кабинет, «серый кардинал» сунулся в ящик стола и не обнаружил там кассеты с записью совещания. Куда девал ее болван Ричард? Начальник канцелярии привык к тому, что такие воротилы, как Хауз, спокойно уходят из судов и при более тяжелых обстоятельствах. Но кассета... может осложнить дело. Кто же мог выкрасть ее? Только Конни.

«Серый кардинал» стремглав бросился к бунгалю, где жила Конни. Если Джонсон еще не успел убрать ее, он обязательно дознается, где кассета, пообещав ей за это жизнь. А потом, конечно же, убьет ее сам и с большим наслаждением!..

6.30

...Окликнув трех своих людей, поджидавших его на улице, Джонсон бросил свое грузное тело на заднее сиденье стоящего наготове роллера, захлопнул дверцу.

— К пятому бунгалю! — заревел он на сидящего за рулем охранника.

«Заезжать в лабораторию доктора за его ядами и прочими снадобьями времени уже просто нет, — размышлял он. — Убрать Финчли и других я смогу и без

яда. При плохом стечении обстоятельств посадят на несколько лет. Босс обо мне позаботится».

Действительно, в биографии Джонсона насчитывалось немало эпизодов, давно гарантировавших ему пожизненное заключение, не стой за его спиной всесильный мистер Хауз. И поэтому Джонсон не сомневался в логике своих рассуждений и не сделал того, что могло бы избавить его от излишних неприятностей. Он не стал вызывать по карманной рации Нокли, дежурившего у Конни, Эберта, охранявшего Финчли и Карпова, и не приказал им самим ликвидировать своих подопечных. ...Затормозив у пятого бунгало, водитель выпрыгнул вслед за шефом, доставая на ходу оружие; полезли через борт и сопровождавшие его трое охранников.

— Всем оставаться на местах, оружие держать наготове, ждать меня здесь, — рывкнул Джонсон и побежал в бунгало.

К его удивлению, коридор был пуст.

«Где же Нокли?» — подумал Джонсон, толкая дверь комнаты Конни.

Дверь не поддавалась. Чертыхаясь, Джонсон достал из кармана ключ, открыл дверь и... Вместо Конни на него очумелыми глазами смотрел привязанный к ножке кровати Нокли, мыча что-то: рот его был залеплен лейкопластырем.

— Где она?! — взвизгнул Джонсон, склонившись над Нокли и срывая лейкопластырь с его лица. — Где эта девка?

— Не знаю, сэр... — выдавил из себя перепуганный громила. — Я... Она...

— Мерзавец!!! — И Джонсон со всего маху ударил ногой в лицо Нокли и выскочил из комнаты.

Выбежав на крыльцо, Джонсон на ходу вырвал из кармана портативную рацию.

— Эберт! Эберт! Вы слышите меня?

Ответа не последовало. Джонсон предположил, что

ооновцы эффективно блокировали внутреннюю радиосвязь на Острове. Снова усевшись в роллер, он рывкнул:

— К восьмому бунгало, живо!

«Хоть этих бы прикончить, — лихорадочно думал он. — Да и девчонка, пожалуй, там, не иначе».

6.55

...Шестеро солдат во главе с сержантом вбежали в Центральную с оружием на изготовку.

— Руки вверх и стоять не двигаясь! — скомандовал сержант.

Окружившие Хауза сотрудники и Крафке подняли руки.

Сержант приказал солдату обыскать задержанных, и тот молча и деловито обшарил дежурного, двоих его помощников, отобрав у них оружие. Затем, проверив карманы Крафке, подошел к хозяину Острова.

— Не смейте прикасаться ко мне! — истерически взвизгнул Хауз, порываясь уйти от солдата.

— Мистер Хауз, вам лучше подчиниться, — раздался звучный мужской баритон.

В дверях стояли трое мужчин в штатском, которые вышли из маленького вертолета вслед за десанниками. Один из них шагнул вперед:

— Ваше сопротивление, мистер Хауз, бессмысленно. — И резко приказал солдату: — Обыщите мистера Хауза, перед вами преступник.

Солдат умело ощупал карманы Хауза. Оружия в карманах у того не оказалось.

— Что все это значит? — спросил Хауз, снова взяв себя в руки. — Кто позволил вам вторгаться на территорию, являющуюся частной собственностью американского гражданина? Чинить в моих владениях произвол и насилие? На каком основании наносятся оскорбления моим сотрудникам и лично мне?

— Моя фамилия Костлер, я — полномочный представитель Генерального секретаря ООН. Вместе со мной к вам прибыл личный представитель президента вашей страны, мистер Баудэн. Как видите, делегация весьма солидная. Нас сопровождает представитель Сил Безопасности ООН, инспектор Ганев.

— Где же законность? — сердился Хауз. — Зачем здесь полицейский из СОБН? Я не привык разговаривать с людьми такого ранга в своем собственном доме. У меня на это есть слуги!

— Служба СОБН и мистер Ганев представили Совету Безопасности ООН исчерпывающие доказательства существования заговора против человечества, — вежливо проговорил Костлер. — Вы, мистер Хауз, инициатор заговора. Совет Безопасности принял решение обратиться к президенту США и просить его санкции на арест американского гражданина Силами Безопасности ООН.

— И вы, Баудэн, принимаете участие в этом возмутительном спектакле? — обернулся Хауз к растерянному переминающемуся с ноги на ногу личному представителю президента. — Вы и ваш президент осмелились обращаться подобным образом с налогоплательщиком и честным гражданином, которому ваша партия обязана победой на прошлых выборах? У нас, слава богу, демократия.

Баудэн не считал нужным вступать с Хаузом в спор. Помолчав немного, он лишь сказал:

— Президент глубоко сожалеет о случившемся, но он не мог поступить иначе. Законы и конституция страны...

— Я требую, чтобы мне предоставили возможность связаться с моим адвокатом, — перебил его Хауз. — Он вам разъяснит законы и конституцию. Это мое конституционное право, мистер Баудэн. Штраф, который

заплатит по моему иску лично президент, и сумма, которую по моему отдельному иску заплатит ваше правительство, будут грандиозны.

— Где Карпов и Финчли? — вмешался в разговор до сих пор молчавший Ганев, прежде чем Баудэн успел что-либо ответить.

Темпераментному и эмоциональному болгарину уже наскучили все эти препирательства. Пусть Хаузом занимаются следователи, адвокаты и судьи. Жизнь друзей по-прежнему находилась в опасности. О Конни Стоян не спросил умышленно, не желая привлечь к ней внимание Хауза.

Хауз смерил болгарина ледяным взглядом, но ничего не ответил. В крайнем случае его ожидает минимальное наказание после нескольких лет юридической тяжбы. Потери, конечно, будут, и немалые. Но основное богатство останется при нем, даже «резерв 88», эти две сотни головорезов, которых он по совету болвана Крафке доставил на Остров, не помешают ему в конечном счете выйти сухим из воды. Он еще им покажет!

7.05

...«Серый кардинал», запыхавшись, подбегал к домику Конни, когда роллер Джонсона отъезжал от него. Увидев машущего руками любимца босса, начальник службы безопасности велел остановить машину.

— Где девчонка? — с трудом переводя дух, спросил Сандерс.

— Сбежала, стерва! Я в восьмое бунгало.

Начальник личной канцелярии Хауза все понял без слов.

— Я с вами.

— Садитесь, быстро.

Потеснившись, охранники помогли Сандерсу забраться в машину, и роллер тут же рванулся с места.

— Сережа... Это я, Конни, — тихо прошептала девушка, склонившись над дверью. Из-за двери никто не ответил.

— Да стукни ты в дверь ногой! — крикнул Финчли. — В доме, кроме нас, никого нет.

— Кто там? — сердито отозвался Карпов. — Посадили меня под замок, так хоть спать не мешайте!

— Это я, Финчли! — произнес Джерри. — Я там места себе не находил, а ты дрыхнешь. Давай открывай!

Услышав за дверью голос Джерри, Карпов ударил кулаком в дверь:

— Как это я тебе открою? Меня снаружи заперли? Если ты снял часового, так отбери у него ключ и освободи меня.

Конни, несмотря на все мучившие ее страхи, не могла не рассмеяться:

— Он ведь прав, Джерри! Ключ-то у нас. — Девушка торопливо орудовала ключом.

— Конни? — не поверил своим ушам Сергей. — Ты здесь?

Финчли помог Конни отпереть. Сергей оттолкнул его в сторону и, выскочив в коридор, сжал Конни в объятиях.

— Успеете еще, — буркнул Финчли. — Во всяком случае, будем на это надеяться. А сейчас давайте займемся делом.

— Сережа, я передала Ганеву кассету с записью со вещания, — деловито объяснила Конни Карпову.

— В двенадцать ночи в Золотой бухте? — восхитился тот.

— Да.

— Конни, ты просто гений!

— Что будем делать дальше, гении? — поинтересовался Финчли. — Как только начнут высаживать де-

сант, Хауз прикажет нас ликвидировать. В этом я совершенно уверен.

— Хауз чувствует себя здесь в полной безопасности. Последнее время, правда, происходило что-то не совсем обычное. С Джонсоном приехало больше людей, чем всегда, да на восточной оконечности Острова на скорую руку построили какие-то бараки из сборных панелей, — вдруг вспомнила Конни. — Ну, люди Джонсона, это понятно. Хауз их, наверное, привез из-за того совещания. А бараки...

— Бараки тоже связаны с совещанием, — хмуро буркнул Финчли. — Не иначе как там располагается часть его гвардии из «резерва 88».

— Послушай, Джерри, а что это все-таки такое? — недоуменно поднял брови Карпов.

— Толком до конца я и сам пока не понял. Одно могу сказать — весьма опасная компания очень скверных людей. И не людей даже, а призраков.

— Призраков? — в один голос удивились Карпов и Конни.

— Ладно, ребята, не до них нам сейчас. Куда нам скрыться?

— Идти в Золотую бухту, — заявил Сергей. — В конце концов, Конни, у нас с тобой назначено там свидание. Не могу сказать, чтобы я ревновал тебя к своему другу Ганеву, который пришел туда вместо меня, но и свой шанс упускать тоже не хочу.

Финчли одобрительно посмотрел на Сергея: «Молодец, парень, никогда не теряет чувства юмора», — потом перевел взгляд на Конни:

— Веди нас, девочка, чтоб никто не поймал...

Но только Карпов подошел к ведущей на улицу двери, как она неожиданно распахнулась и перед ними вырос охранник. Растерялись они оба. «Гость» шел к Эберту, потому что предыдущим вечером проиграл ему полсотни в покер и горел желанием отыграться, рассу-

див, что Эберту все равно скучно одному, а Джонсон вряд ли будет ругать сотрудника за то, что тот в свое свободное время решил помочь коллеге скоротать дежурство. Сергей не успел вскинуть взятый им у Конни пистолет Нокли, он лишь шагнул чуть влево, чтобы загородить собой идущую за ним Конни. Увидев вместо Эберта Карпова, охранник выстрелил в него в упор, но тут же свалился сам, получив пулю в лоб из пистолета Финчли.

Конни бросилась к Карпову:

— Сергей! Сережа! Что с тобой?

Карпов не отвечал.

Торопливо втянув труп охранника в холл, Финчли закрыл дверь и склонился над Сергеем.

— Он тяжело ранен, в правое плечо. Слава богу, что обычная пуля, а не разрывная и прошла навылет. Конни, в ванную за аптечкой, живо!

Быстро наложив Сергею повязку, Финчли поднялся на ноги.

— До бухты с ним не дойти. Да и нельзя его тащить в таком состоянии, рискуя нарваться на перестрелку. Придется ждать Ганева здесь. Будем обороняться...

Конни молча кивнула.

6.55

...Десантники, высадившиеся на берег в районе Главной гавани и в Золотой бухте, шли вперед, прочесывая Остров под прикрытием пулеметов и пушек своих транспортеров. Им было приказано арестовывать всех и собирать у пирса для погрузки на корабли.

Сопротивления они почти не встречали, поскольку люди Хауза были деморализованы случившимся, да и не хотели стрелять, рассчитывая на то, что босс в любом случае их выручит. Открой же они огонь, надежд остаться в живых у них не будет. Поэтому они равно-

душно сдавали оружие и шли в указанное место сбора под конвоем автоматчиков. Солдаты, высадившиеся с вертолетов, уже хозяйничали в зданиях Центрального комплекса. Они обыскивали дома, собирали обнаруженные документы и магнитофонные ленты, искали инспектора СОБН Финчли и корреспондента «Вестника» Карпова, незаконно задержанных на Острове. На восточной же оконечности Острова события разворачивались по-иному.

7.15

...Это действительно была идея Крафке — доставить на Остров двести эсэсовцев из состава «резерва 88». Двести разбуженных после шестидесятилетнего летаргического сна фанатиков, которым предстояло теперь играть роль личной гвардии «Его величества», ошавевшие от свалившихся на них известий, помнящие мир таким, каким он был в 1945 году, наспех проинструктированные, ничего толком не поняли, но готовы были стрелять. Командовал этой гвардией тот самый бригаденфюрер Пальбе, с которым имел «удовольствие» познакомиться в сельве Джеральд Финчли.

Пальбе назначили на этот пост по рекомендации Крафке как человека, успевшего уже более или менее освоиться с реалиями сегодняшнего дня. Первозданная же тупость остальных во всем, что этих реалий касалось, была, с точки зрения Хауза, плюсом, а не минусом. Он знал, что эсэсовцы привыкли беспрекословно повиноваться, а командовать ими будут люди, ему преданные.

По настоянию Пальбе воскрешенным выдали наспех сшитую черную форму, на которую нацепили эсэсовские эмблемы, значки и изображения черепов. Хауз согласился привезти их на остров потому, что ему импонировало иметь, кроме службы Джонсона, личную гвар-

дию из опытных вояк «черного корпуса». Кроме того, он считал, что с их помощью будет легче убедить коллег по планируемому заговору в своей руководящей роли, если в этом возникнет необходимость. Догадка Финчли была правильной, именно их и разместили в специально для этого построенных бараках.

Но ни Конни, ни Финчли не знали, что, кроме этих бараков, недалеко от Центральной давно существовал секретный бункер, где еще старик Бернард приказал оборудовать убежище на случай ядерной войны и который его наследник Ричард на всякий случай решил сохранить. В нем Хауз распорядился поместить двадцать эсэсовцев из отряда Пальбе, чтобы они всегда были под рукой.

Пальбе, тщетно ожидавший приказа действовать, просто остолбенел, услышав переданное от имени Хауза распоряжение Крафке в бой не вступать. Когда же «голубые каски» заняли Грузовую гавань, арестовав всех, кто там находился, и пошли вперед по Острову, приближаясь к его лагерю, Пальбе окончательно потерял контроль над собой.

— Нас предали! — завопил он. — Крафке и этот проклятый американец выйдут сухими из воды, а нам опять на тот свет!

— Мы не сдадимся! — истерично заорал, перебивая его, один из эсэсовцев.

— Отдавайте приказ, бригаденфюрер! Умрем как истые арийцы, с оружием в руках!

Фашисты, как заметил тот же Хауз, допрашивая Крафке после его неудавшегося бунта, психологически еще находились в другой эпохе. Изощренное людоедство Хауза было порядком выше, поэтому и много опаснее их примитивного фашизма.

Выкрикивая фразы нацистских лозунгов и строки нацистских песен, эсэсовцы, разбирая оружие, ринулись навстречу «голубым каскам».

Пытаясь связаться с Пальбе после того, как Крафке приказал ему оставаться в бункере и дожидаться дальнейших распоряжений, Гицке, командир отдельной группы эсэсовцев, отобранной Хаузом, наконец услышал в своей рацни: «Мы решили драться до последнего! Пусть увидят настоящих бойцов. Хайль Гитлер!»

Повернувшись к своим, он приказал:

— В атаку!

— Конни, — тихо позвал от окна наблюдавший за подходами к двери Финчли, — похоже, за нами пришли.

Поцеловав в щеку все еще лежащего без сознания Сергея, Конни поднялась с ковра, на котором сидела рядом с раненым, подобрала лежавший на полу пистолет и подошла к Финчли.

— Смотри, — шепнул тот.

Конни слегка отодвинула штору, в образовавшуюся щелочку увидела, как под окном развернулся и остановился роллер. Из него начали выскакивать люди. Водитель остался за рулем.

— Сандерс! — удивленно воскликнула Конни.

— Да, это он. — Финчли сжимал в руке пистолет. — И Джонсон... А с ними еще трое. В дом всего один вход, будем сражаться. Конни, они ведь идут нас убивать. — Он поднял пистолет, прицелился в окно и хладнокровно выстрелил.

Джонсон рухнул на гравий дорожки.

Тотчас в ответ с улицы раздались выстрелы. Пули через открытое окно били в стены. Охранники бросились было к крыльцу, Финчли двумя выстрелами свалил одного из них. Остальные попрятались за деревьями. «Серый кардинал» метнулся за роллер и притаился за его бортом.

— Эй, Джонсон! — крикнул Джеральд. — Я нарочно прострелил вам коленную чашечку, а не лоб, пото-

му что не желаю никого убивать. Я вообще не хочу кровопролития. На Остров высаживаются войска ООН, это вы знаете не хуже меня. Сдавайтесь! По крайней мере, всем будет гарантирована жизнь. Прикажите своим остолопам бросить оружие!

Верность боссу была для Джонсона превыше всего. Кроме, конечно же, верности собственной шкуре.

— Всем бросить оружие! — хрипло выкрикнул он, пытаясь отползти к машине, но пуля, выпущенная из пистолета прячущегося за роллером начальника канцелярии, впиалась ему в затылок.

— Вперед! — вопил Сандерс, стреляя теперь по окну, откуда отстреливались Джеральд и Конни. — В атаку!

Все произошло за какие-то секунды. За выстрелом «серого кардинала» последовала вдруг оглушающая канонада, доносящаяся с восточной стороны Острова; уханье базук, татаканье крупнокалиберных пулеметов, очереди скорострельных пушек и автоматная пальба. Звуки разгоревшегося боя заглушили и истеричные вопли людей, и пистолетные выстрелы, которыми обменивались осаждаемые в бунгало с нападающими.

Сандерс даже сначала и не понял, как так получилось, что он вдруг остался без прикрытия. Водитель угнал свой роллер. Охранники разбежались. Растерянно посмотрев вокруг, он наконец-то сообразил, что стоит прямо перед окном, по которому только что стрелял из-за борта машины.

— Вот он, негодяй! — крикнула в ярости Конни, увидев прямо перед окном «серого кардинала», и, забыв обо всем, высунулась в полный рост из-за подоконника, откуда вела огонь.

— Конни, — завопил Финчли, сгреб ее за плечи и прыгнул вниз. Но было поздно, Сандерс успел выстрелить, и девушка тяжело обмякла в руках инспектора.

— Скотина! — И Финчли выстрелил в ответ, преж-

де чем пули стрелявших из-за деревьев охранников свалили на пол и его.

Стрелял Финчли, почти не целясь, но слишком уж сильна была ярость, чтобы промахнуться. Сандерс медленно осел на землю, и в его угасающем мозгу мелькнула мысль, что так и не нажал кнопку шредера в кабинете босса, ослепленный ненавистью к Конни. И оставил ооновцам бесценный подарок — гору документов, которых может с избытком хватить, чтобы потопить Хауза со всеми его деньгами и адвокатами. «Ну и черт с ним...» — была последняя мысль Сандерса.

Поскольку огонь из окна прекратился, бандиты Джонсона выскочили из-за деревьев и побежали к бунгало. Необходимо было проверить, живы ли его защитники. Но у самого крыльца бандиты остановились, бросили пистолеты на землю и покорно потянули руки вверх. Из-за поворота, за которым скрылся роллер, убежало несколько солдат в голубых касках, за ними, топчась стволами пулеметов, выехал бронетранспортер.

8.05

...Ооновским солдатам, привыкшим больше к патрульным и полицейским операциям, чем к ведению настоящей войны, нелегко было выдержать внезапный натиск обезумевших эсэсовцев Пальбе. Что-то, а воевать те умели. Война ведь была для них не просто профессией, а образом жизни. Поэтому люди в черных мундирах, неожиданно выросшие на пути роты войск ООН, продвигавшейся в глубь Острова со стороны восточной гавани, в результате короткого и яростного боя оттеснили ее назад и сбросили в море, хотя и понесли при этом изрядные потери.

Генерал Улеле, получив сообщение, что его солдат неожиданно атаковала крупная воинская часть, отдал приказ командиру десантного корабля отойти подальше от берега, чтобы быть в недосягаемости огневых

средств противника и топить любое судно, которое отойдет от восточной гавани. Приказать командиру корабля обстрелять управляемыми снарядами гавань и прилегающую к ней часть Острова он не рискнул. Могли пострадать находящиеся там раненые или захваченные в плен его солдаты. Генерал Улеле не мог знать, что имеет дело с врагом, который не брал пленных и не оставлял раненых. Пальбе приказал добивать всех...

Эсэсовцы не рассчитывали удрать с Острова на катерах, захваченных в восточной гавани. Бежать им было некуда.

Пальбе решил пробиваться к Центральной на соединение с эсэсовцами, оставшимися там. Но над захваченной территорией уже смыкалось кольцо срочно поднятых по тревоге вертолетов, которые приземлились в различных точках острова. Вертолеты блокировали дорогу и тропинки, ведущие к Центральному комплексу, и, вися над головой эсэсовцев, поливали их пулеметным огнем. Бронетранспортеры остальных двух рот десанта устремились в район боя.

7.20

...Люди Гицке без труда смяли ооновских солдат, ошеломленных внезапным появлением из-под земли верзил в незнакомой черной форме, и прорвались к Центральной, потеряв при этом всего шесть человек.

7.20

...При первых же звуках канонады, прервавших их столь содержательную беседу с Хаузом, Ганев метнулся к окну, на всякий случай выхватив пистолет. И... глазам своим не поверил. К Центральной врассыпную, стреляя на ходу, бежали люди в смутно знакомой Стояну черной форме. Разум просто отказывался повиноваться виденному.

«Не может быть! — вдруг вспомнив, где он видел такую форму, ахнул Ганев. — Это же...»

Из поколения в поколение в семье Ганевых переходила по наследству старая фотография. Несколько человек в такой же черной форме, красующиеся на фоне виселицы с растерзанным человеческим телом. Эта фотография из архивов коменданта Освенцима приводилась на Нюрнбергском процессе как одно из вещественных доказательств. Шестьдесят пять лет назад эсэсовцами был повешен прадед Ганева, Христо Иванчев, один из руководителей Болгарской коммунистической партии, арестованный контрразведкой и преданный ее начальством немецким «союзникам».

«Призраки, — ошеломленно думал Ганев. — Призраки, вставшие из далекого прошлого. Мы думали, что с ними покончено, но, видимо, этого не произойдет, пока в руках таких, как Хауз, будут оставаться деньги и власть».

— Всем лечь на пол, — крикнул Стоян. — Сержант! Рассредоточьте людей по окнам и дверям! Огонь!

Ооновские солдаты молниеносно повиновались приказу. Решительность Ганева выиграла им те секунды, которые лишили нападавших фактора внезапности и помогли ооновцам мгновенно сориентироваться в обстановке. И когда Гицке распахнул дверь ударом ноги, его встретили выстрелы в упор.

Первый натиск противника был отбит. Потеряв убитыми командира и еще двоих, эсэсовцы залегли вокруг Центральной, продолжая обстреливать ее.

Пули свистели по комнате, круша все на своем пути. Упал, заливаясь кровью, сержант, Ганев пробрался к нему, подобрал его автомат и пополз к двери, где ткнулся лицом в порог другой солдат в голубой каске. Дав очередь по замелькавшим снова на площади перед бунгало черным фигурам, он обернулся и окинул взглядом комнату.

Дежурный по Центральной, разбудивший в это злощастное утро Хауза, лежал навзничь на спине, уставившись в потолок остекленевшими глазами. Личный представитель президента США Баудэн счел за лучшее укрыться за массивными столами с радиоаппаратурой и не вылезать оттуда. Костлер, не теряя невозмутимости, пытался вызвать по радио генерала Улеле, забыв, видимо, что связь блокирована самим же генералом. Да и все равно, рация была уже безнадежно разбита пулями.

«Где же Хауз и тот второй, который был с ним?» — подумал Ганев, но тут снова пришлось повернуться в сторону улицы и дать очередь из автомата. Затем он обернулся и...

— Стойте! Не смей! — закричал Стоян.

Обезумевший немец не слышал его. Навалившись сзади на Хауза, «герр доктор» душил своего несостоявшегося хозяина, иступленно что-то рыча и впиваясь ему пальцами в горло. В конечном счете «герр доктор», всегда считавший себя существом более высшего порядка, нежели всякие там райхеры, пальбе и гицке, недалеко от них ушел.

Увидев, как рушатся его последние надежды, которым он отдал не только отведенную человеку жизнь, но и с таким трудом и искусством добавленные к ней им самим шестьдесят лет, Крафке не выдержал. Не справился его мозг, тот самый мозг, которым он всегда так гордился. Душа Хауза, этого напыщенного любителя четвероногих, которому он, Крафке, имел глупость поверить, видя в нем потенциального властелина мира, способного обуздать проклятую чернь и ненавистных миротворцев, он теперь срывал на нем всю свою злость.

— Прекратите! — бросился к нему Ганев.

Ему-то Хауз был нужен живой. Оторвав Крафке от Хауза, он отшвырнул его в угол. Хауз, хрипя, с не-

ненавистью смотрел на Ганева. И вдруг ненависть в его глазах сменилась смертельным ужасом.

Непосредственного приказа убрать Хауза оперативнику ЦРУ Баудэну никто не давал. Но иначе зачем направлять на Остров именно его, «узкого» специалиста? Да и высказался президент недвусмысленно: «Правительство США не желает никаких скандалов, вызванных возможным судом над Хаузом. Его арест мы предотвратить не можем, но суд состояться не должен. Вам ясно, Баудэн?»

Баудэну было все ясно. В частности, и то, что президент, немало получивший от Хауза на ведение избирательной кампании, получил от его конкурентов еще больше.

Но убрать Хауза следовало тихо. Желательно при помощи не оставляющего следа яда, имитирующего обыкновенный инфаркт. Ведь это настолько естественно: пережить такое потрясение, как арест, трудно даже сердцу еще не столь старого, тренированного человека, особенно если человек этот всю жизнь знал лишь почет и уважение...

Поэтому Баудэн и решил не мешать Крафке душить Хауза. «Миллиардера придушил его собственный помощник» — это выглядело бы даже весьма эффектно. Да и задание было бы выполнено.

Однако, когда Ганев оторвал руки немца от горла Хауза, Баудэну ничего не оставалось, как выхватить «беретту». Все равно кругом стреляют, выстрелом больше, выстрелом меньше... «Герра доктора», стоявшего на четвереньках и рычавшего, как затравленный зверь, и полномочного представителя Генерального секретаря ООН застрелил показавшийся в дверях эсэсовец, свалив перед этим автоматной очередью самого Баудэна. Эсэсовцу уже было все равно, в кого стрелять, лишь бы убивать.

За окном снижался вертолет, посланный к Центральной генералом Улеле.

Постепенно бой на Острове стихал, сопротивление последних оставшихся в живых эсэсовцев было сломлено.

СЕРГЕЙ КАРПОВ
(18.5.2005 г.)

Сегодня я чувствую себя уже намного приличнее, чем позавчера, когда впервые очнулся. Последнее, что осталось в моей памяти, — это перекошенное от удивления и страха лицо охранника, вскинувшего пистолет, и пережитый мною ужас за Конни, которая шла следом. А потом вспышка выстрела, и... больше ничего. Ничего, кроме резкой, ослепившей меня боли.

Я обвел глазами палату, в которой лежал. Очень милая комната, просторная, светлая, уютная, совсем не похожая на больницу, скорее на номер в приличной гостинице, хотя лучше в такие гостиницы не попадать...

Боли я уже не чувствую, как и повязку на груди, потому что ее сняли, как только я попал в руки квалифицированных медиков. Сейчас тампоны на ранах на груди и на спине закреплены каким-то новым чудодейственным пластырем. Да здравствует современная медицина!

О том, что произошло на Острове, я знаю только в самых общих чертах. Обработывая меня, врач что-то буркнул о качестве повязки, наложенной на мои раны Джеральдом Финчли, но тут же осекся, извинившись вслух за критику человека, которому довелось выполнить несвойственные ему функции медбрата в сложных полевых условиях. В ответ на мои расспросы о том, что было дальше, после того, как я вышел из строя, что с Джерри и, главное, с Конни, он ответил только, что банда Хауза разгромлена войсками Безопасности ООН и

что с моими друзьями все в порядке. Но навестить меня они пока не смогут, потому что я нуждаюсь в полном покое. И тут же ушел.

А у меня на душе кошки скребут. Что-то явно неладно с Конни и Джерри. Не верю я врачу. Если бы с ними действительно было все в порядке, они наверняка пришли бы ко мне. Уж если Конни сумела обвести вокруг пальца службу безопасности Хауза, то что ей медики...

Тут как бы в ответ на мои невеселые мысли тихо распахнулась дверь, и в комнату, опираясь на шегольскую трость, ковыляя, вошел не кто иной, как мой друг, старший инспектор СОБН Джеральд Финчли.

— Джерри! Наконец-то!.. А то я уже...

— Тихо, Сережа, не шуми. Тут порядки не хуже, чем у Хауза на Острове, — буркнул Джерри. — Еле уговорил дежурную, чтобы пустила меня к тебе. Придется теперь топать к ней на свидание, когда выпустят. Но девочка вообще-то милая.

— Что все-таки с тобой приключилось? Я ведь ничего так толком и не знаю. И где Конни?

— Сейчас все расскажу вкратце и по порядку, а то времени мало. Не дай бог, застукают врачи... Конни здесь. Не волнуйся, с ней теперь все хорошо, — добавил он торопливо, заметив мою произвольную реакцию. — Она тоже была ранена. Вовремя наши подоспели, а то бы всем нам троим какую.

— Где Конни? — повторил я.

— Здесь, — соорудил невинное лицо Джеральд. — Я же тебе говорил.

— Палату знаешь?

— Этажом ниже. Дежурная по этажу отказалась от денег, но купилась на твой автограф. Свой я уже ей дал.

— Так что же ты мне сразу не сказал! — не на шутку рассердился я. — Пошли!

— Я посоветовался с сестрой, и она сказала, что без риска для здоровья тебе можно пять минут поболтать со мной и пять минут с Конни. Без риска для ее здоровья.

Когда я вошел в палату и увидел Конни, то какое-то время стоял, остоленев от счастья и от жалости к ней. Она была бледна, тревожные глаза, казалось, занимали чуть ли не всю половину осунувшегося лица. Забыв о врачах и об осторожности, обо всем на свете, я бросился к ней, но Джерри удалось призвать меня к порядку. Конни не меньше, чем мне, хотелось услышать то, что уже знал Финчли и о чем могли только догадываться мы.

— В общем, дело было так, — начал Джерри, когда я спокойно уселся на край постели Конни, взяв ее за руку. — Я, как умел, перевязал тебя, Сережа, и мы с Конни решили дожидаться десанта. Но к нам неожиданно появился Джонсон со свитой, и при них «серый кардинал». Началась пальба. Я вспомнил, что там, в сельве, у самой границы лагеря, где Хауз тренировал своих бандитов для переворота, наткнулся на могилу. На ней было написано: «Бригаденфюрер СС Юзеф Шульц, 1900—2005». Потом я взял пленного. — Джерри сделал паузу, собираясь с мыслями. — Короче, был у Гитлера ученый, который в лагерях ставил преступные эксперименты над заключенными. Мы сейчас подняли старые архивы, раскопали документы. Об этом человеке говорили на Нюрнбергском процессе, фамилия его Крафке. Талантливый мерзавец. Так вот, он еще в гитлеровские времена добился результатов, к которым современная наука по-настоящему подходит только сейчас. Он научился вводить людей в искусственный летаргический сон или как там это правильно по-научному называется. Когда наци поняли, что их дело плохо,

они решили воспользоваться его исследованиями и в буквальном смысле слова законсервироваться до лучших времен.

А потом эту «кладовку» нацистских преступников каким-то образом подобрал Хауз. Как он это сделал, я пока еще точно не знаю. И начал их вытаскивать на свет божий, когда в них настала нужда. Бригаденфюрер — это, по-ихнему, генерал СС. Там и были-то в основном старшие офицеры и генералы... Один из них умер при пробуждении, сердце не выдержало, а приятели по службе похоронили его за забором лагеря... Вот это и был «резерв 88»... — сбивчиво объяснил Джерри.

— Почему «88»? — только и смог спросить я. Все услышанное просто не укладывалось в голове.

— Да, я и тогда уже, на Острове, начал кое о чем догадываться, — не слыша меня, продолжал Финчли, — потому и сказал тебе, что мы, кажется, имеем дело с призраками...

— Что означает «88»? — повторил я.

— Восемь — порядковый номер буквы Н в латинском алфавите. Отсюда — «Хайль Гитлер» в сокращении «88», ведь в латинском написании оба слова начинаются с буквы Н. Сейчас это уже все забыли, но одно время так приветствовали друг друга нацисты в Германии, а после окончания второй мировой войны это приветствие стало популярным среди тайных, а потом и явных фашистов во многих, к сожалению, странах.

В ЮАР, знаешь ли, испокон веков существовала тайная расистская организация «Бродербонд», которая практически правила страной, пока власть не перешла в руки коренного населения... Так вот, ее члены иначе, чем «88», друг друга не приветствовали. А в Англии в середине семидесятых годов двадцатого века, через тридцать лет после смерти Гитлера, даже была создана официально зарегистрированная политическая организация «Колонна 88», которая выставляла своих канди-

датов на выборы в парламент. «Сектор 88» — так назывались лаборатории в лагере уничтожения, в которых Крафке проводил свои «эксперименты»... Вот какие корни...

— «Забыли», — задумчиво повторил я. — Ты говоришь, «все забыли»? Нет, Джерри, не все. И ведь те, кто тебе все это рассказал, кто побудил ООН поднять старые документы, они ведь не забыли! Кстати, кто тебе все поведал, Джерри?

И вдруг Джерри потупил глаза. Страшное предчувствие какой-то непоправимой беды охватило меня.

— Кто?.. Кто тебе все это рассказал, Джерри? — повторил я после паузы.

— Друзья Стояна Ганева, — понуро ответил Джерри. — Его друзья и соотечественники из Болгарской миссии при ООН. И твои соотечественники тоже. Я ведь был не так тяжело ранен, как ты, — поспешно добавил он извиняющимся тоном, — да и помощь ко мне подошла раньше... Поэтому мне и свидание разрешили еще вчера утром.

— Друзья Стояна? — повторил я, начиная понимать, что предчувствие мое было ненапрасным. — Почему не сам Ганев?..

— Он погиб, — еле слышно вымолвил Джерри, и впервые за время нашего знакомства я увидел на его глазах слезы. Старший инспектор СОБН, бесстрашный, веселый и всегда немного наигранно-циничный, Джеральд Финчли заплакал как ребенок. Никогда не думал, что такое возможно.

— Прости, Сергей, — взял он себя в руки. — Стоян был мне как брат. Он погиб, когда призраки атаковали наш десант. Оказывается, Хауз доставил в свои владения целую банду...

— А что сам Хауз?

— Его убили в перестрелке. И убили, надо сказать, при странных обстоятельствах.

— Судить бы его публично...

— Нет, Сережа, нет. — Финчли уже восстановил контроль над собой. — Мне стыдно в этом признаться, но даже с теми документами, которые мы захватили на Острове, со всеми доказательствами, которые у нас есть в руках, он бы вывернулся. Так устроен наш мир...

— Так устроен ваш мир... И пока он именно такой, всегда можно ждать, что появится очередной Хауз... Поэтому мы и не забываем о прошлом, Джерри. С памятью о прошлом часто легче понять настоящее... И думать о будущем... Поэтому мы никогда не забудем и Стояна Ганева. Так устроен наш мир. Да, а что с этим Крафке?

— Крафке застрелил один из эсэсовцев, из его же...

— Смерть Франкенштейна, — только и мог я сказать.

Мы некоторое время молчали, думая о только что услышанном. Наконец я нарушил паузу:

— Послушай, Джерри, а что ты имел в виду, говоря о странных обстоятельствах гибели Хауза?

— А то странно, — медленно и вроде бы даже нехотя ответил Финчли, — что и наш Стоян, и Хауз были убиты выстрелами в упор из пистолета марки «беретта», в то время как участники боя были вооружены автоматами и кольтами. Стояну убийца выстрелил в спину, а Хаузу — прямо в лицо. Сознательно он их расстрелял, короче говоря.

И даже не то странно, что единственную «беретту» среди всего этого побоища нашли только у Баудэна, личного представителя нашего президента. И не то странно, что Баудэн, как сумели установить мои друзья, офицер ЦРУ США. В конце концов, в нашем мире ничего ничем подобным особенно не удивишь. То странно, что мои друзья, начавшие копать эту историю, немедленно были уволены со своих постов — кто из госдепартамента, кто из министерства юстиции, кто из дру-

гих мест. Всего семь человек. Мало того, двоим из них уже предъявлены иски через суд. Нарушение государственной тайны, злоупотребление служебным положением и что-то еще, я даже пока не знаю точно что. И суд, между прочим, это еще не самое страшное...

— Но ведь следствие о смерти Хауза и об убийстве Ганева входит в компетенцию международных органов, — подумал я вслух.

Конни молча смотрела на нас широко раскрытыми от ужаса глазами. Скорее всего она, американка, куда лучше меня понимала, что все это значит и какими могут быть последствия.

— Правильно. Я следил за ходом расследования отсюда, из больницы, — согласился Джерри. — До вчерашнего дня Джейк Питерс держал меня в курсе...

— Почему только до вчерашнего? — не понял я.

— Потому что сегодня утром его уволили из СОБН... И меня тоже, — тяжело вздохнул Финчли, смотря куда-то в угол. — Так что я больше не старший инспектор ооновской полиции. Теперь я — частное лицо. Обыкновенный гражданин США: И как таковой уже успел получить повестку для дачи показаний. Похоже, будут стряпать против меня дело. Нарушение федеральных законов, связь с подозрительными иностранцами...

— Интересно, кто же это? — поинтересовался я, еще не веря в то, о чем догадался.

— Вполне хватит тебя и Стояна, — криво усмехнулся Джерри. — Теперь тебе ясно?

— Ну и ну, — только и смог выговорить я.

— А сегодня я получила уведомление от совета директоров концернов Хауза, — наконец тихо произнесла Конни. — Мне сообщили, что я больше не работаю там. Уволена за нарушение внутренней дисциплины и разглашение служебных дел концерна. И суд, надо полагать, будет на их стороне. Только вот откуда они все

узнали, если Хауз, и Сандерс, и Джонсон мертвы? Может быть, просто догадались, что что-то не так?

Но формально они правы, я ведь действительно выдала служебную тайну концерна. Пусть это даже была тайна подготовки государственного переворота... За попытку переворота их, конечно же, накажут: посадят нескольких незначительных участников, возьмут денежный штраф — и все. Благо Хауз мертв, и все можно преспокойненько валить на него.

— Накажут... — ухмыльнулся Финчли. — Кого наказывать-то? И за что? Никаких документов о готовящемся заговоре нет. Хотя я точно знаю, что тогда, на Острове, в кабинете Хауза кое-что найти удалось. Да и здесь, при обыске в штаб-квартире концерна, какие-то документы обнаружили. Но все... бесследно исчезло. Ведь не один же Баудэн из ЦРУ был тогда на Острове во время высадки десанта. Это каждому понятно. Так что я уже ничему не удивляюсь.

— Но ведь есть еще кассета, которую я передала Ганеву в Золотой бухте! — приподнялась на локтях Конни. — Из нее даже ребенку все ясно станет.

— Не волнуйся, не станет, — вздохнул Джерри. — Кассета бесследно исчезла. И поймите вы, хоть и не знаем мы, что произошло тогда в Центральной, но ясно только одно — живых свидетелей не осталось. Костлер, Баудэн и Ганев, с одной стороны, и Хауз, Сандерс и Крафке — с другой, мертвы. Генерал Улеле только руководил операцией, но есть у меня сведения, что его тоже со дня на день могут устранить. «Голубые каски»? Это же просто солдаты, исполнители. Такого веса, как все остальные, они не имеют. Так что можно считать, что, кроме нас с вами, свидетелей не осталось... Делайте из этого соответствующие выводы...

— Я немедленно напишу обо всем этом в «Вестнике»! — взорвался я. — Мы не дадим этой банде так просто заткнуть нам рот.

— Ты ничего не напишешь в «Вестнике», Сергей, — грустно улыбнулся Финчли. — В этом я теперь полностью уверен. ООН сильна, но наше правительство тоже... сильно. Да и друзей у него в ООН хватает. И руководство ООН не хочет слишком осложнять отношения с ним в столь критический момент. Ведь эпоха доверия еще только началась. Заговор подавлен, Хауза, слава богу, больше нет. Вопрос закрыт. Некоторые люди просто не хотят громкого скандала, Сережа.

— Некоторые, да не все! — твердо возразил я.

— Ваши представители молчать не будут, — согласился Джерри. — У них тоже есть достаточно сил и возможностей, чтобы сорвать заговор молчания, как был сорван заговор Хауза. Но таким людям, как Конни, я и мои друзья, это не поможет. Мы американские граждане, ООН нам не защита! Конечно, мы не сложим оружия, мы будем бороться, покуда хватит сил, но... Но кто знает, как долго сможем. И что успеем...

— Что же, предположим, что я не смогу писать об всем этом в «Вестнике», — сказал я, чувствуя, как горло перехватывает никогда не знакомое раньше чувство яростного гнева. — Но мне и без «Вестника» найдется куда написать. Я — советский гражданин. Меня поймут и поддержат. Заговор Хауза — это урок для всех правительств и народов. Да и в ООН теперь спохватятся. Главное сейчас — вскрыть все скрытые пружины заговора Хауза, чтобы укрепить правоохранные органы ООН...

Скоро я уеду в Союз, там, в полной безопасности, я напишу серию очерков... Не сомневайся, Джерри, нас поймут! Нас больше, и мы одолеем те силы, которые помогали Хаузу...

Конни посмотрела на меня почерневшими глазами и сказала тихо:

— Забери меня с тобой, Сережа. Забери, пожалуйста...

И ВЕДРО ОБЫКНОВЕННОЙ ВОДЫ...

Научно-фантастическая повесть

— Получено известие об убийстве на улице Верри. Знаешь такую? — не поздоровавшись, спросил комиссар Брин инспектора Макса Карти. — Седьмой округ, пятый квартал. Там селятся в основном люди среднего достатка. Личность убитого установлена. Некто Фредерик Арно. Он проживал в доме номер семь на первом этаже. Займись этим делом.

Макс сел за руль своей старенькой малолитражки и повернул ключ зажигания. Щетки не справлялись с бегущими по лобовому стеклу струями. Дождь и не думал прекращаться. Инспектор выжал сцепление, и его «старушка» понеслась, рассекая лужи.

Дом номер семь Карти нашел сразу. Шестиэтажное здание, окрашенное лет двадцать назад под стать сегодняшней погоде. У стоявшей рядом с подъездом машины было выбито заднее стекло. Выключив мотор и подняв воротник плаща, инспектор выскочил на улицу. Из парадного появился пожилой полицейский и взял под козырек:

— Убитый за машиной. Я накрыл его брезентом.

Они обошли автомобиль, и Макс увидел лежавшего на асфальте человека. Если бы не большое бурое пятно, расплзавшееся от головы, то его можно было при-

нять за крепко подгулявшего поклонника Бахуса, решившего провести ночь прямо на улице.

— Он так и лежал здесь, когда я пришел. Нам сообщил его сосед, Леон Тамиз, — объяснил полицейский. — Мне тут рядом, так что я пришел сразу. И ничего не трогал. — Полицейский вновь прикрыл тело брезентом. — Только вот взял документы и ключи из кармана.

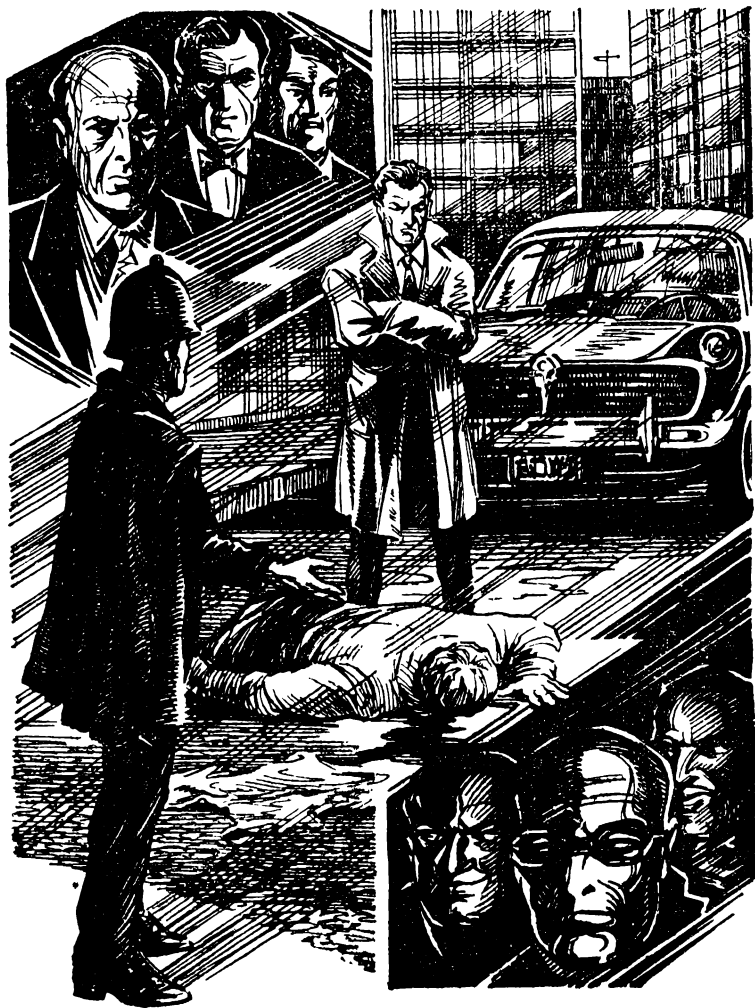
— Не трогали — это хорошо, — поежился Карти, принимая ключи. — Хотя под таким ливнем все равно никаких следов. Идеальная погода для убийства. Проследите, чтобы труп увезли в морг, но не вскрывали. — У инспектора имелись основания не спешить с патологоанатомической экспертизой, но посвящать рядового полицейского в детали было ни к чему.

— Слушаюсь, — ответил полицейский.

Карти вошел в парадное, поднялся на несколько ступенек, нашел нужный ключ и открыл дверь. Нащупав в темноте выключатель, повернул его и огляделся. Рядом с дверью вешалка. На ней потрепанное пальто, потертый плащ и давно вышедший из моды пиджак. Тут же, неподалеку, шкаф. За дверцей несколько стопок чистого белья, полкой ниже — грудa белья грязного. За соседней створкой висело два костюма, теплое пальто, халат. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: женская рука давно их не касалась.

Инспектор прошел в комнату. Кроме стола, небольшого серванта с посудой, которой давно не пользовались, да четырех стульев, ничего не было, да и не могло бы разместиться.

Во второй комнате громоздились книги. В огромных шкафах, на стульях, письменном столе, подоконнике. Толстые фолианты и брошюры об аккумуляровании солнечной энергии и о двигателях внутреннего сгорания, о приливных электростанциях и термоядерном синтезе, о

ветрах и геотермальных источниках... Учебники, справочники по химии, таблицы октановых чисел.

Карти взял наугад один том, полистал. Книги находились здесь не для красоты. Их читали, изучали весьма основательно. То и дело на страницах встречались пометки.

Положив книгу на место, инспектор прошел в третью комнату, оказавшуюся крошечной спальней. Обстановка и здесь была небогатой. Тахта, тумбочка, стул, телевизор...

Посередине четвертой комнаты стоял большой лабораторный стол, заставленный огромным количеством химической посуды и незнакомых инспектору приборов. А в углу — верстак с разбросанными по нему инструментами.

Карти задумчиво смотрел на верстак. Похоже, что здесь успел побывать кто-то чужой. Слишком уж хаотически все разбросано, слишком резко кто-то выдвигал ящики письменного стола во второй комнате.

«Но кто это мог быть? — думал Макс. — Неужели убийца? Вряд ли этот Арно был богат. Но что же тогда искали?»

В дверь позвонили. На пороге стоял пожилой мужчина в мятом пиджаке, неглаженных брюках и в тапочках. У него был вид человека, не очень-то враждующего с алкоголем. Мешки под глазами, нос, давно утративший первозданную форму, и серая с красными прожилками кожа. Несмотря на насморк, инспектор почувствовал отчетливый запах перегара.

— Что вам угодно?

— А что вы здесь делаете? — качнувшись, ответил незнакомец.

— Инспектор Карти из уголовной полиции.

— Вот как? Понятно, у кого же еще могли оказаться ключи? А я сижу это у себя и слышу, кто-то здесь

ходит. Оделся, значит, и скорее сюда. Вдруг пригожусь. Я-то как раз и услышал утром на улице шум, выскочил, а он там лежит. Я и в полицию сообщил. Смотришь, подбросят монетку-другую... А зовут меня Леон Тамиз.

Макс нащупал в кармане две бумажки и сунул их в руку непрошеного гостя.

— Знаете что, пойдете на кухню, — предложил Тамиз, когда дверь снова закрылась. — Мне там привычнее. Арно никогда не пускал меня дальше.

— Почему? — поинтересовался Карти.

— Нелюдим он был, да и скряга изрядный. Посудите сами. Пенсия у нас со старухой небольшая. Квартира хоть и поменьше, чем эта, но все равно дороговато. Так что денег не остается. А ведь я человек, мне иногда и отдохнуть хочется. Сколько раз пытался занять у него, но напрасно. Жмот он был, вот судьба с ним и посчиталась.

— А если у него тоже не было денег? Почему вы решили, что он богаче вас?

— Прикиньте сами, — невозмутимо продолжал старик. — Квартира вдвое больше нашей, хотя и жил он все время один. А главное — никогда не работал. Вообще почти никуда не ходил. На что же он жил, спрашивается? Значит, деньги были. Но чтобы дать займы — ни-ни. Однажды угостил, это было. Поставил бутылку, здесь же, на кухне, выпили. Он захмелел и ну хвастать, что очень скоро, дескать, о нем узнает весь мир. Но тут же спохватился и сменил тему. А бутылку спрятал, жадюга, хотя там еще оставалось.

— Он что, даже женат никогда не был? — поинтересовался инспектор.

— Вроде был. И дочь у него взрослая якобы. Но сам я ее ни разу не видел...

— Ладно, и на том спасибо, — поблагодарил инспек-

тор, видя, что больше старику сказать нечего. Леон Тамиз вышел.

«Пока складывается впечатление, что Тамиз действительно ни при чем, — думал Макс. — Но этих алкоголиков не поймешь. Вышел на улицу, увидел соседа, хватанул его чем-нибудь по голове. А потом — в квартиру, за деньгами...

Ну что ж, подведем итоги. Рано утром рядом с домом обнаружен Арно с проломанным черепом. Возле своей машины с выбитым задним стеклом. Сосед утверждает, что он нигде не работал. И похоже, что в квартире после смерти Арно что-то искали. Надо поговорить с экспертами, пусть проверят отпечатки пальцев. Разыскать жену и дочь, если таковые имеются. Может, сумеют пролить хоть какой-то свет на жизнь этого затворника. Но главное — зачем Фредерику Арно химическая лаборатория и верстак?»

На запрос о семье Арно электронное досье ответило сразу. Адрес бывшей жены и дочери-студентки, место работы первой, факультет и курс, на котором училась в университете вторая. Сообщил компьютер и еще кое-какие детали из жизни Арно, вызвавшие у инспектора интерес.

«Но на вопрос о химической лаборатории и верстаке не ответил и он, — усмехнулся Карти. — Пока не ответил. Я еще не знаю, с какого конца подойти к делу, как программировать вопросы. Будем разбираться. Для начала пойдем по указанному адресу».

Дверь открыла девушка, совсем подросток на вид. — Вам кого? — Голос у нее был слабый, приятный. — Если маму, то она уехала, будет дней через десять.

— Мне нужны родственники Фредерика Арно.

— Я его дочь, Матильда. — Она покраснела. — А вы по какому делу?

— Из уголовной полиции. — Макс протянул удостоверение.

Матильда подняла испуганные глаза, посторонилась. Он прошел в бедно обставленную, но чистенькую квартиру. Чувствовалось, что здесь живут женщины, очень любящие порядок, но не имеющие средств.

— Я хотел спросить вот о чем, — начал инспектор, когда они сели. — Давно ли вы виделись с отцом?

— Он здесь не бывает. Но мы встречаемся каждый месяц. Ну, когда он передает деньги. Мама работает медсестрой, получает немного. Я учусь. Он звонит обычно в начале месяца. Через неделю мы снова должны увидеться...

— Ваш отец в состоянии вам помогать? — спросил инспектор. И тут же добавил: — Извините, что задаю бестактные вопросы, но, поверьте, вынуждают интересы дела.

— Я понимаю, — безразлично пожала плечами девушка. — Если отец стал объектом внимания полиции... Он не только в состоянии помогать нам, но и мог бы делать это гораздо больше. Он много лет работает в фирме «Шейдел» и получает повышения чуть ли не каждый год.

— Как?.. — Инспектор еле успел прикусить язык. Ведь, по данным того же всезнающего электронного досье, Фредерик Арно покинул фирму «Шейдел» еще тринадцать лет назад. Но ни дочь, ни бывшая жена, судя по всему, об этом не знают.

— Почему развелись ваши родители? — быстро сменил тему инспектор.

— Сама-то я, естественно, не помню, — ответила Матильда, — но мама много рассказывала об этом. Она до сих пор ничего не может понять. Жили они вроде

нормально, но вдруг он заявил, что решил уйти от семьи, что не может больше жить по-прежнему, что мы мешаем ему заниматься каким-то важным делом. Впрочем, отец всегда был странным человеком... Но почему вы спрашиваете о нем?

Инспектор вздохнул.

— Сегодня утром ваш отец был обнаружен на улице, рядом со своим домом. Мертвый...

Подбородок Матильды задрожал. Наступило молчание, которого Макс боялся не меньше, чем слез. Но уже минуту спустя она снова заговорила:

— Нет, я не буду плакать. Возможно, вам покажется чудовищным, но я не любила отца. Конечно, неприятно узнать, что он умер. Но не более неприятно, чем если бы это был просто знакомый. Как могла я любить человека, который бросил маму?.. Еще сегодня она сказала: «Матильда, я верю, что он вернется. Если нет, то его ждет смерть. Должна же быть справедливость на этом свете!»

Карти распрощался, договорившись, что в случае чего позвонит. Сев в машину, задумался. Разговор привел к новым вопросам, не ответив ни на один из прежних. А сегодня, пожалуй, можно успеть и в дирекцию фирмы «Шейдел». Может, вспомнит кто-нибудь бывшего коллегу.

Надежды Карти не оправдались. После долгих расспросов он сумел подтвердить лишь то, что уже знал: Арно внезапно покинул фирму тринадцать лет назад, несмотря на предстоящее повышение. Толком его никто не помнил: что за человек, какие имел привычки, чем увлекался, чего избегал. Данные электронной системы, следящей за деятельностью бывших сотрудников, не расходились с данными полицейского компьютера в том, что после ухода из «Шейдел» Арно нигде не служил и

имел «неизвестный источник доходов...». Дать более развернутое объяснение отказались оба компьютера: банковская тайна охраняется законом. Нужен специальный код.

«Кто вел финансовые дела Арно?» — выстукал на клавишах пульта Карти.

«Адвокат Марьен», — вспыхнул ответ на дисплее и тут же адрес и телефон.

Связаться с Марьеном, объяснить суть проблемы, оформить с помощью его домашнего компьютера официальный протокол дознания в рамках следствия по делу об убийстве не составляло труда. Через двадцать минут формальности были улажены, адвокат отдал компьютеру банка соответствующие указания и ввел в программу шифрованный код. Еще через минуту на дисплее Карти появилась надпись: «Фредерик Арно, Верри, 7. Наследство — 1982. год. Деньги и ценные бумаги. Сумма — 1 миллион 250 тысяч. Остаток на сегодня — 450 тысяч».

Карти только присвистнул и тут же снова связался с Марьеном.

— Нет, не знаю, — ответил адвокат, — не знаю, куда ушли 800 тысяч. На бирже он не играл, акции не скупал, капиталы ни во что не вкладывал. И не сорил деньгами, всегда был бережлив. Однажды сказал мне, что миллион с четвертью — все равно не деньги, вот станет, мол, знаменитым, тогда и деньги придут настоящие, и тратить их начнет по-настоящему, со вкусом. А пока будет жить экономно. Завещание на имя дочери составил, но ни она, ни мать о деньгах и о завещании никогда ничего не знали.

«Пора вновь подводить итоги, — решил Макс, усаживаясь в машину. — О деньгах Арно никто, кроме адвоката, не знал. Подозревать о них мог только Леон Тамиз. Но неужели он способен убить? Сомнительно. Жена? Тоже не очень-то верится. Ни о деньгах, ни о

завещании она ничего не знала. Она искренне считала, что Арно до сих пор работает в «Шейдел». Роковые страсти? Возраст не тот. Но как понять ее слова насчет кары судьбы? Может, ей надоело ждать, и она сама решила сыграть эту роль? И уехала из города именно сегодня, в день убийства... Так кто же все-таки — Леон Тамиз или жена? И почему исчезла изрядная сумма?..»

Инспектор, так и не придя к каким-либо выводам, добрался до дома, но не успел переодеться, как раздался звонок. По хриловатому голосу он узнал комиссара Бриана.

— Ну как? — поинтересовался комиссар.

Разговаривать Максу не хотелось. Он сообщил главное в нескольких фразах. И добавил:

— Меня смущает одно — зачем разбили стекло машины? Неужели это не имеет никакого отношения к убийству?

— Конечно! — хмыкнул комиссар. — И не ломай себе голову. Наверняка это сделали какие-нибудь хулиганы. Еще ночью. Давай быстрее закрывай дело. Я почти уверен, что это Леон Тамиз. Увидишь, он сразу расколется.

— Посмотрим, — отозвался Макс, думая о том, что, пока он не разузнает все о таинственных занятиях Арно, решения принимать нельзя. — Если будет что-то новое, я вам сообщу.

Звонок Луизы Оппенбаум не очень удивил Макса. Он мог с ней не видеться целыми месяцами, но стоило мало-мальски серьезному происшествию привлечь внимание прессы, как Луиза сразу же его находила. Став не так давно вице-директором известной косметической фирмы и превратившись по совместительству в хозяй-

ку модного салона, где охотно собирались отечественные и заезжие знаменитости, она стремилась постоянно быть в курсе событий.

Удостоиться приглашения в ее салон считалось престижным. Здесь бывали богатые бездельники, модные певцы, популярные писатели, с которыми охотно болтали видные политические деятели, серьезные ученые.

Любил провести там время и Макс Карти. Доступ в салон позволял ему получать информацию из самых неожиданных источников. К тому же... Инспектор до сих пор испытывал к очаровательной хозяйке чувство куда более глубокое, чем просто дружеская симпатия.

Общество собралось пестрое. Карти постоял немного у группы, окружившей африканского дипломата из ЮНЕСКО, потом взял у бармена бокал мартини и послонялся немного по залу. Он выслушал жалобы голливудской кинозвезды на гнетущий темп жизни в Калифорнии, поговорил с тренером национальной баскетбольной команды. Вновь подходя к бару, он увидел, как Луиза, ускользнув от гостей, направилась к нему.

— Ну как, Макс, не скучаешь?

— Помилуй, Луиза, разве можно скучать в твоём доме? — засмеялся инспектор. — За полчаса я узнал о современной живописи, африканских проблемах и НЛО куда больше, чем за всю предыдущую жизнь. И стал таким же глубоким знатоком этих проблем, как те, кто мне о них рассказывал.

— Ты неисправим, — расхохоталась Луиза. — Приятно, что служба в полиции не притупила в тебе чувства юмора.

— Что ты, если его потерять, то у нас и свихнуться недолго.

— Думаю, тебе было бы интересно познакомиться с

одним из моих гостей. — В голосе Луизы зазвучали теперь нотки хозяйки светского салона. — Его тоже интересуют социальные проблемы. Очень милый человек. Журналист. Ведь ты, кажется, никогда не относился плохо к людям из прессы.

Луиза сделала знак высокому черноволосому мужчине лет тридцати пяти.

— Разрешите вас познакомить. Макс Карти, мой давний друг, инспектор уголовной полиции. Петер Баркаш, журналист.

— Единственный из журналистов, на которого не распространяется мое лояльное отношение к прессе в целом, — буркнул Карти.

— Все дуешься на меня за ту статью? — сокрушенно вздохнул Баркаш.

— Как, вы знакомы? — изумилась Луиза. — А я и не знала.

— Не все же знать хозяйке о своих гостях, — съязвил Карти. — Даже в твоём салоне человек имеет право на личные тайны.

— Мы очень давно знакомы, — невозмутимо подтвердил Баркаш. — Но Макс рассердился на меня...

— Что же, надеюсь, эта встреча поможет вам восстановить былую дружбу. А сейчас, извините, должна вас покинуть.

— Нелегкая работа быть хозяйкой такого салона, — добродушно сказал Баркаш, провожая взглядом Луизу. — Но и у нас с тобой хлеб не из легких.

— Не ставь нас на одну доску, — отрезал Карти.

— Все дуешься за эту статью? — повторил Баркаш.

— Ты не имел абсолютно никакого права... — начал инспектор.

— ...Изображать комиссара Брина тупым, ограниченным служакой, — закончил за него Баркаш. — Ты это уже говорил мне тогда, год назад.

— И скажу еще раз: Тем более что при всех его недостатках, Брин — один из немногих неподкупных и честных людей среди моего начальства.

— Послушай, Макс, — Баркаш смотрел ему прямо в глаза, — я был не прав тогда. Не разобрался. Погорячился. И сорвал на комиссаре гнев, накопившийся за время общения с его коллегами. Не по адресу выступил... Но комиссар на меня не сердится.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Карти.

— Я говорил с ним на прошлой неделе. Принес ему свои извинения. Не сердись на меня и ты. А комиссар действительно оказался славным человеком.

— Вот это да! — восхитился Карти. — Петер Баркаш, либерал и рупор партии экологов, восхищается полицейской ищейкой Брином!

— Не язви. Либералы и экологи не раз восхищались даже полицейской ищейкой Карти, когда тот честно исполнял свой долг порядочного человека. Мы не сомневаемся, что Макс Карти выполнит свой долг и сейчас, расследуя дело Арно.

— Дело Арно? — мгновенно напрягся инспектор. — Но следствие только началось. Откуда тебе известно об этом деле и почему оно тебя интересует?

— Садись, Макс. — Баркаш жестом указал на кресло, взял с подноса у проходящего мимо официанта два бокала, сел рядом с инспектором, протянул бокал ему. — Но прежде всего скажи: мир?

— Мир. — Карти и Баркаш пожали друг другу руки. — А теперь выкладывай, что ты знаешь об Арно, — потребовал Макс. — Ты ведь наверняка за этим и пришел к Луизе: помириться со мной и поговорить об Арно? — Инспектор испытующе посмотрел на приятеля. — Вот и начнем с того, что знаешь ты. И при чем здесь партия защитников окружающей среды? Вы ведь

теперь люди вполне респектабельные, провели десяток депутатов в парламент, к вам надо прислушаться.

— Оставляя без внимания твои дешевые подначки, скажу одно... Вот что, старик. — Баркаш бегло огляделся по сторонам и наклонился ближе к инспектору. — Есть данные, что этот самый Фредерик Арно разработал новое топливо. Дешевый заменитель нефти. Если это правда... Ты же понимаешь, что дело здесь не в обычной уголовщине...

— То есть?

— Неужели неясно? Если Арно нашел такой заменитель нефти, то миллионы людей будут ему благодарны. Ведь этот заменитель, по слухам, не только дешев, но и продукты его сгорания практически безвредны. Представь себе — воздух без гари, настоящие, а не пластиковые газоны, запах настоящих листьев, настоящих деревьев после чистого дождя, не оставляющего на одежде грязных пятен, от которых не избавишься ни в одной химчистке...

— Прямо предвыборный плакат партии экологов... — вставил Макс.

— Но наряду с благодарностью миллионов изобретение Арно не может не вызвать ненависти... — продолжал Баркаш, — со стороны тех немногих, кто корыстно заинтересован в сохранении нынешнего положения дел. Тех, кто безрассудно разрушает окружающую среду, наживается на бездумной индустриализации, поставляет нефть для вооруженных сил...

— То есть политических противников партии экологов?

— То есть противников всех нормальных людей, желающих вести нормальную жизнь. Значит, твоих противников тоже, — отрубил Баркаш. — И убийц Фредерика Арно.

— У тебя есть что-либо более конкретное, чем общие теоретические выкладки? — поднял брови инспек-

тор. — Я, знаешь ли, сыщик. Мне бы в руки конкретные факты, улики, документы, имена...

— Имена? — усмехнулся журналист. — Изволь. Тебе что-нибудь говорит имя Декстер?

— Как и любому другому гражданину нашей страны. Декстер — это автозаводы и ядерная станция, фармацевтика и химия, угольные шахты и металлургия, производство оружия и...

— ...И нефть. Прежде всего — нефть.

— Ну и что? — скептически спросил Карти. — Раз он нефтепромышленник, так, значит, убил Арно, который что-то изобрел?

— Изобрел! — Баркаш допил коктейль и поставил бокал на стол. — В том-то и дело, что изобрел. Меня даже обещали познакомить с человеком, лично видевшим результаты его трудов. Что же до Декстера, в его биографии, которую я уже много лет собираю по крохам для своей книги, есть любопытные факты. Скажем, расправа с людьми, работавшими как раз в области создания новых видов топлива, способных заменить нефть...

— Факты или предположения? — еще раз настойчиво переспросил Карти. — Если факты, то почему ты не принес их к нам? А если предположения, то извини, но....

— Почему не принес к вам? — переспросил Баркаш. — А много у вас таких, как ты и Брин?

Инспектор счел за лучшее не отвечать.

— К тому же, — продолжал Баркаш, — ты прав в том, что факты и доказательства против Декстера должны быть неопровержимыми. Иначе я приду в суд обвинителем, а выйду обвиняемым. До сих пор я знал о Декстере много, но не видел возможности ухватить его за руку. Сейчас я не только уверен, что именно он расправился с Арно, уверен я и в том, что мы сумеем наконец его изобличить.

— Мы? — подчеркнуто спросил Карти.

— Неужели ты откажешься?

— Я веду следствие. Если ты способен оказать активную помощь, она будет принята.

— Что же, для начала и это хорошо, — хмыкнул Баркаш.

Он хотел сказать еще что-то, но к ним подошла Луиза.

— Я вижу, у вас все хорошо? Как я рада, что старые друзья встретились и помирились в моем доме. Лучший комплимент хозяйке.

— Которая не нуждается в комплиментах вообще. — Баркаш галантно склонился над ручкой Луизы.

— Но у тебя, Макс, вид не очень довольный... — вопросительно взглянула на инспектора хозяйка.

— Устал очень, да и простуда замучила. Ты уж извини, дорогая, но я пойду. — Инспектор встал и посмотрел на Баркаша.

Журналист мгновенно вскочил.

— Позволь откланяться и мне, милая Луиза. Я, кажется, достаточно сумел заинтриговать нашего друга Макса...

Прощавшись, инспектор и журналист вышли на улицу.

— Выдержит твой «Боливар» двоих? — спросил Баркаш. — Я без машины.

— Куда тебя подбросить? — спросил Макс.

— Пойдем ко мне. Ты ведь не против продолжить разговор?

— О длинной руке Декстера, убившей Арно? — не без насмешки спросил Карти, поворачивая ключ зажигания. И внезапно утратил всякое желание смеяться. И вздрогнул. Как же можно было не придать значения той газетной вырезке в столе Фредерика Арно? Конечно, дословно он не помнил заметки, но смысл запечатлелся в памяти.

В ней говорилось, что кто-то в Бразилии предложил новый способ изготовления спирта из сахарного тростника. Отличался он втрое меньшей ценой получаемого продукта. А в Латинской Америке тысячи машин работают на смеси спирта и бензина... Далее в заметке сообщалось, что изобретателю никто не поверил, а несколько дней спустя он бесследно исчез.

«Но что было написано на полях? — напряг память Макс. — Ах да: «Можно сделать еще дешевле. Раза в четыре, а то и в пять». Кажется, именно так. А я, идиот, не придавал этому значения. И вдобавок забыл о выводах экспертов, обследовавших автомобиль Арно. О том, что выбитое стекло было нестандартным. Судя по количеству осколков, оно было многослойным по структуре. И очень толстым. В салоне зачем-то были лишние провода, ведущие к этому загадочному стеклу. А главное, в машине отсутствовал карбюратор. На его месте болтались обрывки трубок...»

— Идиот! — громко воскликнул Макс, забыв, что он не один.

— В чем дело, инспектор? — тихо спросил Баркаш. Макс рассказал ему все.

— Об этом я знаю, да и газета такая у меня есть. Но известно мне и еще кое-что. За несколько недель до исчезновения бразильского изобретателя там появился некто Шарц — доверенное лицо Декстера. Вот так-то...

Баркаш жил неподалеку, и через каких-нибудь десять минут инспектор уже сидел у него в квартире. Просторный кабинет был элегантен. На столе ничего лишнего, в шкафах — ровные ряды книг. Макс и оглянуться не успел, как на столике в углу появились две чашки кофе, бокалы.

— Попробуй, Макс, великолепный коньяк. Пей и слушай внимательно. Месяц назад разбился директор вычислительного центра Антуан Рокар. На собственном

автомобиле. Такие случаи нередки. Но когда специалисты обследовали машину, они пришли к выводу, что рулевое управление и тормоза были кем-то повреждены... Вот, познакомься с документами.

Макс углубился в фотокопии. Описание места аварии — поворот на шоссе, ведущем к загородным виллам, сведения об Антуане Рокаре и заключение экспертизы: «Тяги рулевого управления и тормозная система были повреждены умышленно, поскольку на них имеются надрезы искусственного происхождения. Езда на автомобиле с такими повреждениями неминуемо должна была привести к аварии...»

Макс вернул документы.

— По опыту знаю, что причиной такого преступления может быть одно из четырех: любовный треугольник, интрига, желание устранить соучастника или получить наследство.

— Рокару за шестьдесят, значит, первая причина отпадает, — уверенно сказал Баркаш. — У него двое детей: инженер и студентка. Оба они очень любили отца, да и существовала семья лишь на его зарплату. Честный кибернетик, к концу жизни выбившийся в люди. А тот, кто занял его место — Рэк Карро, — был прислан из министерства. Для него это скорее понижение, чем повышение. Прежде он был помощником министра.

— Ну и что? — устало вздохнул Макс. — Все это не имеет никакого отношения к делу Арно.

— Не совсем так, дорогой инспектор. К вычислительному центру Рокара проявил странное и настойчивое любопытство небезызвестный вам Говард Декстер. Интересовался Рокаром и тот самый Шарц, о котором я уже говорил. Но и это еще далеко не все...

Разговор с Баркашем затянулся надолго.

С раннего утра инспектор сидел в квартире Фредерика Арно. Уже не первый час просматривал он бу-

маги, но ничего интересного не находилось. Одно из двух: или этот фанатик-одиночка не вел никаких записей, или же кто-то действительно побывал здесь еще до инспектора.

«Нет, здесь я не узнаю, насколько Арно был близок к цели, — думал Карти. — И значит, я правильно сделал, что отправил его тело не на вскрытие, а просто в морг. Конечно, мозг сильно поврежден, да и официального решения не добиться, но в крайнем случае что-нибудь придумаем...»

Макс опечатал квартиру и поехал в управление. Звонок внутренней связи раздался, как только он появился в своем кабинете. Дежурный с первого этажа спрашивал, можно ли пропустить посетителя, пришедшего по неотложному делу. Через минуту в комнату вошел худой человек среднего роста. Он испуганно оглядывался по сторонам и, казалось, всего боялся.

— Жорж Кордоне, сотрудник специального вычислительного центра, — представился вошедший. — Зайти сюда мне посоветовал господин Баркаш.

Определить возраст этого человека было не так легко: не то двадцать пять, не то сорок с лишним. Лоб с залысинами, редкие волосы — ну и что? Инспектор знал многих, начавших лысеть в двадцать. Что поделаешь, отравленная окружающая среда сказывается даже на прическах...

— Господин Баркаш сказал, что кое-что вам уже известно, — произнес Кордоне, усевшись. — Но как вам понравится, что в одном учреждении за два года один директор покончил с собой без всяких на то причин, другой утонул, а третий погиб в автомобильной катастрофе? Началось все с Виктора Дорма...

— Это тот, что покончил с собой? — поинтересовался Макс.

— Да, он самый, — кивнул Кордоне. — Вечером, после работы, он сидел в своем кабинете, когда ему

кто-то позвонил. Разговор, по словам секретарши, был долгим. Потом он запер дверь и выбросился в окно. Десяти этажей более чем достаточно для перехода в лучший мир... Месяц спустя после гибели Дорма назначили нового директора. Человек он был замкнутый и вроде бы настороженный. Как-то раз поехал на недельку на Средиземное море. И на третий же день утонул. Говорят, сердечный приступ. Не знаю. Впрочем, сердце у него действительно было не из лучших. Потом пришел Рокар. Его-то я знал хорошо, до назначения он был заместителем. Но вскоре стал каким-то хмурым, перестал шутить, ушел в себя... Однажды я на правах старого приятеля решил поговорить с ним начистоту. Он мне сказал: «Видишь ли, я сам еще не во всем разобрался. Что-то у нас не так... Когда разберусь, обязательно расскажу. Договорились?» Теперь вы понимаете, что привело меня к вам? — шепотом закончил Кордоне, достал носовой платок, вытер лицо и руки. — А тут еще это странное убийство Фредерика Арно. Они ведь с Рокаром были хорошо знакомы, я это точно знаю.

— Да, события странные, — сказал, помолчав, Карти. — А каким он был, ваш друг Антуан Рокар?

— Рокар... Талантливый, веселый собеседник, шутник... Идеи рождались в его голове неожиданно, и он надиктовывал их на стереофон, так как записывать не любил. Иногда специально надиктовывал инструкции и указания тем или иным работникам, рассчитывая, что они разработают высказанную им мысль сами. В таких случаях кассету помечал специальным знаком. Если, скажем, надиктовывал что-либо для меня, клеил в верхнем правом углу кассеты кусочек липкой красной ленты. Вот, пожалуй, и все...

Жозефина Рокар оказалась обходительной и приятливой. Она не стала долго расспрашивать Макса, зачем ему нужны записи мужа, а сразу же провела в кабинет.

В левом ящике стола инспектор увидел великолепный портативный стереофон. Хозяйка извлекла его и поставила на стол. Макс нажал кнопку, открывающую гнездо для кассеты. Крышка откинулась. Стереофон был пуст.

— Как? — изумилась хозяйка. — Я открывала его уже после смерти Антуана. Кассета была на месте. Правда, я не включала стереофон и не знаю, что там было записано.

— Скажите, а кто из посторонних бывал здесь в последнее время? — спросил Карти, начиная догадываться, что произошло.

— Рэк Карро, новый директор, — сказала Жозефина Рокар. — Он заходил узнать, не нужна ли мне помощь. И говорил о записях Антуана. Может, удастся что-то использовать...

— Оставался ли Карро здесь один?

— Попробую вспомнить... — рассеянно произнесла женщина. — Да, всего на несколько минут. Звонили по телефону, а он в гостиной, вот я и отлучилась...

— Но вы не ошибаетесь? Кассета действительно была вставлена в стереофон?

— Разумеется! Я, помню, еще обратила на нее внимание, потому что в верхнем правом углу кто-то наклеил кусок красной ленты. Надо было позвонить секретарю покойного Антуана, может, кассету кто-то искал, может, она нужна... Но я забыла. Ведь столько хлопот... А теперь она исчезла.

«Любопытный поворот, — подумал Макс уже в машине. — Жаль, что вечер... Хорошо бы познакомиться с этим Карро».

Дорога была отличной. По обочинам даже торчали потрепанные синтетические деревья. Машин почти не было. Лишь черный «мерседес» быстро приближался сзади, идя на обгон. Неожиданно, поравнявшись с ма-

шиной Карти, мощный автомобиль, резко, угрожающе взял в ее сторону. Инспектор автоматически нажал на акселератор. Его «старушка» взвыла и прыгнула вперед, оставив «мерседес» чуть-чуть позади.

Не успел Макс прийти в себя, как преследователь вновь повторил свой маневр. Инспектор ощутил сильный удар в левую заднюю дверцу. Малолитражка начинала терять управление.

Навстречу из-за поворота шоссе вынеслись сразу три автомобиля. «Мерседес» взревел двигателем и на предельной скорости исчез впереди. Только после этого Макс почувствовал, что рубашка прилипла к телу, а руки дрожат. «Началось», — мелькнуло у него в голове.

Не горя желанием вновь встретиться с таинственным «мерседесом», Карти развернул машину и помчался за тремя удалявшимися автомобилями. Лишь в центре города он решил осмотреть машину. Левая дверка и багажник были слегка помяты, и Макс решил немедленно поехать к знакомому механику, выручавшему его не раз. Минут сорок спустя он уже пешком шел к своему дому: от мастерской сюда было всего четыре квартала. Неожиданно резкий толчок в бок отбросил его к стене ближайшего здания. Взвизгнули тормоза.

— Не сильно я вас? — услышал Макс незнакомый голос позади себя. Он обернулся. К нему обращался здоровый парень лет тридцати. — Извините, конечно, но еще немного, и этот шальной «мерседес» подмял бы вас как котенка. Ваше счастье, что я как раз из парадного выходил. Жаль, номера не запомнил. Наверное, пьяный.

— Наверняка, — согласился Макс. — Большое вам спасибо!

Они попрощались и пошли в разные стороны.

Рэк Карро оказался человеком весьма милым. Он жаловался на обилие работы и сокрушался, что лично не был знаком с Рокаром. Говорил и улыбался так, будто Карти был его самым лучшим другом.

— Курите? — Он выдвинул ящик стола и достал коробку отличных сигар.

Инспектор ответил с секундным опозданием: в глубине ящика лежала стереофонная кассета. Мелькнул ярко-красный квадратик в верхнем углу, и директор захлопнул ящик.

От сигары Макс отказался и вскоре откланялся, так толком и не объяснив несколько удивленному директору цель своего визита. Выйдя на улицу, инспектор посмотрел на будку телефона-автомата, шагнул было к ней, затем бросил искоса взгляд на здание, которое только что покинул. Сотни стеклянных глаз-окон, казалось, не сводили с него взгляда. Пристально-жесткого взгляда директора Карро, так не вязавшегося с его светским обликом и милой, непринужденной болтовней...

Чисто инстинктивно Макс решил найти автомат подалее от здания.

— Слушайте меня внимательно, — начал Карти, услышав голос собеседника и представившись ему. — Вас прислал ко мне Петер Баркаш. Поэтому мы говорим не просто как инспектор полиции со свидетелем, а как люди, доверяющие друг другу.

— Согласен, — ответил Кордоне.

— В столе Карро лежит кассета Рокара, адресованная явно вам. Карро украл ее. И думаю, не будет грехом...

— Я вас понял. Позвоню вам, как только смогу. До встречи. — И Кордоне повесил трубку.

Баркаш встретил меня вопросом:

— Видел сегодняшнюю «Вечернюю почту»? Прочти. — И сунул газету в руки инспектора.

Карти прошел в кабинет Петера, сел в кресло и развернул газету. «Арно, еще один фальсификатор». Текст под заголовком гласил:

«Как мы уже обещали, репортеры «Вечерней почты» провели самостоятельное, без каких-либо контактов с бездельниками из полиции, расследование дела Фредерика Арно. Как мы и ожидали, его «изобретение» оказалось просто блефом. Да и можно ли было ожидать другого? Тысячи ученых в сотнях великолепных лабораторий десятилетиями работали над этой проблемой и давно уже пришли к выводу, что ее решение невозможно. Нефть и только нефть останется движущей силой ваших прекрасных автомобилей, мчащихся по замечательным автобанам. Только она будет согревать ваши дома в холодные зимние ночи, только она одна...»

Карти пропустил несколько абзацев. В конце статьи было написано:

«Но вас, дорогие читатели, конечно, интересует, кто же все-таки убил этого мошенника Арно? Наверняка какой-нибудь обыкновенный грабитель, покусившийся на кошелек, а может быть, и на машину. Мы категорически уверены, что и бездельники из полиции в ближайшее время придут к такому же выводу».

— Ну, каково? — усмехнулся Баркаш. — Да здравствует нефть, да здравствуют сверхприбыли! А ты не верил, что за этим стоит Декстер со своей бандой! Кстати, тебя тоже предупреждают, как себя вести.

— Это я понял вчера вечером, — устало проговорил Макс и рассказал о черном «мерседесе». Баркаш, слушая, покачивал головой и приговаривал: — Да, совсем обнаглели! — А когда Карти кончил, он сказал: — Впрочем, этого следовало ожидать. А ты не верил...

— Ладно, поговорили — и хватит, — решительно сказал Карти. — Скажи лучше, где человек, который

видел результаты Арно? Раз они так стараются, значит, изобретение действительно было. Но мне нужны доказательства... Познакомишь меня с ним?

— Обязательно. Завтра же.

— Хорошо... Но я пришел не только поэтому. — Макс вынул стереофон. — Нам с Кордоне удалось разыскать завещание Рокара. Слушай.

«Здравствуйте, Жорж Кордоне, — слышали они низкий приятный голос. — Я верю, что вы сумеете прослушать эту запись, если со мной что-нибудь случится. Но будьте осторожны. «Всемирная элита» сильна и коварна. И если они поймут, что я об всем догадался... Нет, мой предшественник погиб не случайно. Наверняка он шел тем же путем, что и я. Но лучше рассказать по порядку.

Вам известно, что наш вычислительный центр создавался как звено Всеевропейской информационной системы. Она не засекречена, но особого шума вокруг нее не поднимают. Ведь не всем бы понравилось, что с ее помощью многие экономические, технические и иные секреты легко могут выведать специалисты из других государств. Да и политики тоже.

Но рано или поздно о ней узнают все, ведь она объединяет вычислительные центры почти всех государств Западной Европы. Все они обмениваются информацией напрямую. Система позволяет объективно следить за энергетическими запасами и потребностями каждой из стран, контролировать и координировать межгосударственные поставки электроэнергии и энергоресурсов. Но зато каждый из подключенных к системе компьютеров может узнать все, что ему требуется, у любого другого компьютера... Вспомните Виктора Дорма: как он боролся сначала за включение в систему нашего центра, потом за место директора. Ведь кто готовит основные документы для правительства? Наши специалисты на основе информации, выдаваемой всеми компьютера-

ми страны. А при подключении объединения вычислительных центров к Всеевропейской, а теперь и к Атлантической системе Дорм не только способствовал проникновению заинтересованных международных организаций в наши секреты, но и помогал одной из них воздействовать на нашу экономику и политику. Это «Всемирная элита». Ее люди всегда старались пробраться в руководство ведущих вычислительных центров, входящих во Всеевропейскую и Атлантическую системы. Ведь они хотят стать властителями мира. Раньше они проникали в правительства, в руководство партий, в министерства государств Запада, чтобы обогатиться с помощью власти. И это им удавалось. А теперь они решили заполучить более простой, компьютерный, способ...

Как я узнал об этом? У меня в кабинете есть дисплей. Установлен он для того, чтобы директор мог контролировать информационные потоки, движущиеся по основным линиям связи. Как внутри страны, так и по линиям Атлантической системы.

Началось с мелочи, со скандала из-за бурового оборудования, предназначенного для Восточной Европы. Я заинтересовался: как могло случиться, что столь выгодные поставки были сорваны? И обнаружил команды, поступающие откуда-то из недр Атлантической системы. А вскоре понял, что выявить их происхождение попросту невозможно. Подчиняясь им, где-то свертывался выпуск комплектующих изделий; где-то отсылались в неправильном направлении железнодорожные составы... И так далее. Со стороны все выглядело обыкновенной случайностью.

Зачем это было нужно? Конечно, не для того, чтобы просто сорвать выгодный заказ. Но в результате подобных акций международная обстановка обостряется. Кривая вооружений лезет вверх, принося миллиардные барыши заинтересованным корпорациям. Я запрограм-

мировал кабинетный дисплей так, чтобы он отбирал для меня самое важное: то, что не предусмотрено соглашениями и договорами. Все равно такой информации оказалось огромное количество. Знакомясь с некоторыми данными и командами, я приходил в ужас.

Подробнее расскажу потом. Сейчас ограничусь одним: «Всемирная элита» работает с Декстером. То ли они его люди, то ли он их человек. Пока еще не разобрался, приказы и инструкции отдаются с обеих сторон. Вот недавно Декстер потребовал информацию о всех потенциальных возможностях замены нефти дешевым чистым топливом, которые возникли во всех уголках нашего мира и могли пройти мимо его внимания. А вчера он запросил все, что известно о Фредерике Арно... Я же, как вам известно, немного знаком с этим затворником и знаю, чем он занимается. Другое дело, что я давно его не видел и не знаю, каких результатов ему удалось добиться. Пожалуй, надо будет повидаться с Арно и предупредить его на всякий случай... Однако продолжать не могу, вызывают на совещание...»

На этом запись кончалась. Молчание нарушил Баркаш:

— Что же ты собираешься делать дальше?

— Ждать, когда меня отстранят от дел, — горько усмехнулся Карти. — Это в лучшем случае. «Мерседесов»-то много... А кассета пускай пока остается у тебя, это надежнее, чем сейф в полиции.

На следующий день заголовок в «Утреннем колоколе» гласил: «Чем занимается небезызвестный Карти?»

«Как всегда, «Вечерняя почта» пользуется лишь сплетнями. Ее репортеры проводили «специальное расследование» (!) Ха-ха-ха! Это наглая ложь, призванная увеличить давно уже мизерный тираж газеты. Наши же читатели всегда получают информацию только

из самых достоверных источников. Вот и сегодня на вопросы нашего корреспондента отвечает знаменитый ученый, вице-президент Академии наук Франц Геккерт. Итак:

— Уважаемый метр! Что вы можете сказать по поводу всей этой истории с Фредериком Арно?

— Ничего! Все это чепуха, антинаучная выдумка! Наш научный мир знать не знает никакого Арно. Это самый обыкновенный шарлатан, каких расплодилось множество!

— Но в принципе считаете ли вы возможным, чтобы из водопроводной воды с примесью какого-то порошка можно было приготовить топливо для двигателей внутреннего сгорания?

— Чушь! Бред! Чтобы вода горела?! Гасить огонь — вот ее назначение! И ради бога, поскорей убирайтесь вон! Не отнимайте у меня драгоценного времени!..

Так что наши уважаемые читатели могут сами судить, как относится к проблеме Арно одно из светил нашей науки. Почему же известный сыщик Макс Карти до сих пор не может выйти на след убийцы? Да потому, что он занимается неизвестно чем. Где, спрашивается, его хваленая интуиция?..»

Дальше шло еще несколько пассажей в том же духе. Но после «завещания» Рокара инспектора уже ничто не удивляло. Оставалось ждать вызова от Брина. Вскоре раздался телефонный звонок.

— Читал сегодняшней «Колокол»? — вместо приветствия поинтересовался комиссар, и Макс понял, что ничего хорошего не предвидится. — Как твое мнение?

— Да чепуха все это...

— Чепуха? — буркнул комиссар. — Ладно, приезжай в управление.

По дороге Карти размышлял, стоит ли ему посвящать комиссара в подробности. Уже поднимаясь на лифте, он решил рассказать шефу все, конечно, в разумных

пределах. О Баркаше, например, лучше пока умолчать...

Долго смотрел на Макса комиссар, когда тот закончил рассказ. Каждый думал о своем. Брин — что его любимец Карти связался с тайной международной организацией. Связался на свою голову. Инспектор же ждал, что комиссар опять предложит какой-нибудь компромисс.

— Да, мой мальчик, много ты накопал, — проговорил наконец Брин. — Причем того самого, чего лучше бы не касаться. Начнем с «Всемирной элиты». Это не партия, не союз, а своеобразная масонская ложа, объединяющая людей из разных государств — самых правых финансовых воротил, тех, кого принято называть представителями военно-промышленного комплекса, нефтепромышленников, производителей энергии и их ставленников. Они, идя к своим целям, не брезгают ничем: ни подлостью, ни преступлением... Когда я с ними в свое время столкнулся, компьютеров у них еще не было. Они действовали примитивнее: подкупами, лестью, угрозами... А сейчас их люди везде — даже в полиции, в правительствах...

Макс хотел возразить, но комиссар перебил его:

— Знаю, что ты хочешь сказать. Но будь предельно осторожен. «Мерседес» был только предостережением. Вероятно, Фредерик Арно добился в своих экспериментах положительных результатов. Иначе... он остался бы жив.

— Сегодня я должен увидеться с человеком, который знаком с его опытами. И нужно разыскать этого Шарца...

— Шарца пока не трогай, оставь его мне. А что доложить начальству?

— Я буду работать пять дней, не больше.

— Почему именно пять?

— Пять дней — крайний срок, — замаялся Карти. — Понимаете, вскрывать Арно я не разрешил. Но

через пять дней мозговое прослушивание станет бесполезным.

— Ах, так вот что ты задумал! — удивился Брин. — Но ты же знаешь, что разрешение выдается только в крайних случаях. Тебе этого никто не позволит.

— Боюсь, другого выхода нет, — вздохнул Макс. — Поверьте, вас это ни в коем случае не затронет.

— Ни в коем случае... — заворчал Брин. — Ладно, там разберемся...

— Привет, — сказал Баркаш. — Проходи, тебя ждут. А я приготовлю перекусить.

Макс вошел в комнату. Навстречу ему поднялся пожилой солидный человек. Его серебристая шевелюра оттенялась черными густыми бровями. Серые волевые глаза, прямой нос, красивое спокойное лицо. Инспектор где-то его уже видел, но где — вспомнить не мог.

— Насколько я понимаю, вы Макс Карти, — сказал незнакомец, протягивая инспектору руку. — Хозяина нет, будем знакомиться сами. Профессор Мартолл.

— Герберт Мартолл? — переспросил Макс. — Депутат парламента от...

— Да, я не только преподаю историю, но и пытаюсь доказать, что экология — общее дело, — ответил Мартолл. — Хорошо, что вы это тоже понимаете.

— Почему вы уверены в том, что я вас понимаю?

— Потому, что вы умный человек.

— Вас понимают все умные люди? — усмехнулся инспектор. — Как же тогда Декстер? Президент? Его министры?

— Они нас тоже понимают, — спокойно и уверенно ответил Мартолл. — Очень хорошо понимают, смею вас уверить, потому и борются с нами. Мы представляем явную опасность для них, требуя контроля над промышленностью в целях сохранения окружающей среды.

А уж наша антивоенная программа — просто бельмо у них на глазу. Поддерживают же нас люди не только умные, но и порядочные, у которых совесть еще не окончательно разъели ядовитые испарения нашей общественной клоаки.

— На мою поддержку вы тоже рассчитываете? — спросил Карти.

— Разумеется... Но как вы сами относитесь к этому?

— Весьма польщен. Хотя мне, штатному служащему полиции, и не пристало вроде...

— Да нет, почему же, — улыбнулся профессор. — Мы теперь люди респектабельные. Я — депутат парламента. Вы в полном праве говорить со мной.

— Даже если бы я и не был вправе... — усмехнулся инспектор, но решил не продолжать.

— Да, Петер мне говорил, что к служебной дисциплине вы всегда относились без особого пиетета, — улыбнулся Мартолл. — А вот и Петер.

— Извините за задержку. — Петер рухнул в кресло. — Замучила киберкухня. Почему-то она исправно работает только у почтенных замужних дам, а у холостяков объявляет забастовку. Итак, как ваши дела?

— Как наши дела, а, Макс? — пристально взглянул на инспектора Мартолл. — Можем мы полагаться на вас?

— Да, — ответил Карти. — Дело Арно требует ответов. Необходимо распутать его. И все, что за ним стоит.

— Прекрасно. — Мартолл протянул Максу руку, тот пожал ее. — Но, прежде чем заняться делом покойного Арно, мне хотелось бы посоветоваться с вами как со специалистом. Мне кажется, что за мной установлена слежка. Мне приходится часто останавливаться в гостиницах. И стоит выйти из номера, как мои вещи кто-то проверяет. Да и дома в мое отсутствие... А однажды

хозяин отеля признался, что не успел я отлучиться, как к нему подошли двое. Из какой-то «полиции НАТО». Они быстро обыскали номер и пригрозили хозяину крупными неприятностями, если...

— Как? — перебил Макс. — «Полиция НАТО»? Такой не существует, уверяю вас.

— Меня тоже смутило незнакомое название. Но недавно меня пытались шантажировать. Требовали, чтобы я не занимался делами Арно и передал им все документы, а также порекомендовали уменьшить свой пыл в вопросах охраны природы... И они тоже представились «полицией НАТО»... Это было еще до того, как меня избрали в парламент. Запугивали и избирателей и меня. Но слежка продолжается и сейчас. Я прекрасно знаю об электронной слежке, о том, что на каждого из нас есть компьютерное досье, что простым нажатием кнопки можно узнать о нас все. Но они следят за мной почти демонстративно. На политическую полицию непохоже: так открыто следить за депутатом парламента? Это что-то новое. Так кто же все-таки скрывается под этой вывеской, хотел бы я знать?

Теперь поговорим о Фредерике Арно. Я познакомился с этим противоречивым человеком несколько лет назад. Он разыскал меня, чтобы я помог внедрить его изобретение: ведь его смесь при сгорании выделяла практически почти чистые водяные пары. Фредерик был совершенно одинок, и мы быстро привязались друг к другу. Он показывал мне свои опыты, уже близкие к завершению.

Далеко не сразу пришел Арно к правильному решению. Сначала он занимался дешевыми способами получения электроэнергии, потом вернулся к двигателям внутреннего сгорания. И когда придумал окончательный вариант карбюратора и специального разделительного устройства, то отнес заявку на изобретение в государственное патентное бюро. А через некоторое время к

нему обратился полномочный представитель концерна Говарда Декстера...

— Шарц! — выпалил Баркаш. — Именно он занимается такими делами.

— Арно не называл имен, — продолжал профессор. — Короче, ему предложили продать изобретение в полную собственность концерна. Естественно, я объяснил ему, что в этом случае он может забыть о своей работе. Декстеру пока выгоднее торговать нефтью, а не водопроводной водой...

— Так, значит, Арно действительно добился этого результата? — спросил Карти.

— Да, — подтвердил профессор. — Я сам видел его машину, преспокойно разъезжающую на обыкновенной воде. И у меня есть вещественные доказательства. Правда, не здесь, а у надежных друзей, далеко отсюда. Кстати, завтра я туда собираюсь.

— Отлично, — встрепенулся Макс. — Если не возражаете, я поеду с вами.

Вечером того же дня инспектор рассказал Брину обо всем, что узнал от Мартолла.

— Ты, я смотрю, — прохрипел Брин, — продолжаешь лезть не в свои дела. Плохо это кончится, если начальство узнает. Да и тем, другим, ты, я думаю, уже изрядно поднадоел. Но кто же все-таки выдает себя за никогда не существовавшую «полицию НАТО»? Политическая полиция? Контрразведка? Зачем им этот Мартолл, да и Арно тоже? А профессор Мартолл — человек умный. Читал я некоторые его статьи. Охрана природы, которой он посвятил себя, конечно же, штука нужная, даже необходимая. Сам знаешь, без этих суперкондиционеров, — Брин указал на никелированную сетку в стене, — дышать нельзя не только в городе, но километрах

в ста от него. Я уже и забыл, когда в последний раз сидел на берегу реки, а не сточной канавы, когда обыкновенный полевой цветок видел... Смотреть противно на пластиковые подделки, что по обочинам стоят и на клумбах понатыканы. Дожили в конце двадцатого века до того, что искупаться можно только в закрытом бассейне с тройной очисткой. Дожили... А таких людей, как Мартолл, в парламенте не так много, да и приходится им нелегко. Ведь весь этот «прогресс» приносит выгоды монополиям, бороться с которыми непросто. Да что говорить! Занимайся своими делами, а я к завтрашнему дню постараюсь что-нибудь разузнать. Тогда и решим, стоит ли тебе сопровождать Мартоллу.

На следующий день Карти пришел в управление задолго до начала работы. Брин был уже на месте.

— Ну вот, — сказал комиссар, — политическая полиция здесь ни при чем. Они сами в недоумении. Так что можешь действовать. И езжай лучше отдельно, на своей машине. Тебе будет удобнее. Кстати, Шарц действительно близкий человек Декстера. Запомни на всякий случай: возраст — 42, рост — 185, блондин, носит темные очки, общителен, всегда вооружен. Желаю успеха!..

...Подъезжая к развилке, Макс увидал вдали темный «ситроен» Мартоллу. Профессор, видимо, тоже заметил Карти: его машина рванула с места. Инспектор знал, что ехать придется почти всю ночь. Когда-то он бывал в этом, со всех сторон окруженном горами промышленном городке с его нефтеперерабатывающими и химическими предприятиями, закопченным небом и серыми жилыми домами, построенными неизвестно когда.

Часа через три Макс увидел «ситроен» профессора на

обочине. Сам Мартолл стоял рядом. Кругом было безлюдно, и Макс тоже затормозил.

— Отдыхаете? — спросил он, подходя к Мартоллу.

— Вы что-то имеете против? — улыбнулся депутат, и инспектор обратил внимание, что выглядит он вполне бодро. — Я люблю такие поездки, особенно по пустому шоссе. Электроника ведет машину, в голову приходят интересные мысли...

— Не знаю, — признался инспектор, — моя малолитражка была выпущена, когда об электронных системах вождения только мечтали. Менять ее на шикарный лимузин у меня нет средств. Поставил лишь систему очистки воздуха, без которой в городе нельзя. А за город я почти не выезжаю. Ведь вам, наверное, не дешево обходятся дальние вылазки?

— Я, признаться, не задумываюсь над этим и оттого не испытываю неудобств. Я же не вожу с собой наличные. Неужели вы не пользуетесь кредитной карточкой? — Мартолл протянул инспектору продолговатый кусочек пластика с закругленными углами. «Евроэкспресс» — было напечатано на верхней его части. Ниже шли ряды цифр и темная полоса шириной около сантиметра. Ни фамилии, ни каких-то других данных владельца. Инспектор вернул карточку.

— У меня тоже есть такая карточка, но раньше я как-то не задумывался, как продавцы узнают, есть ли на счете в данный момент средства.

— Совершенно элементарно, — засмеялся Мартолл. — На этой полоске специальным магнитным шифром записан номер моего счета. Когда надо платить, передают карточку продавцу, тот опускает ее в специальную приставку к кассовому аппарату. Та связывается с кредитной фирмой и передает ей шифр. Фирма отвечает, что все в порядке. Потом приставка сообщает фирме истраченную сумму. А имени того, кто скрывается за номером счета, не знает даже главный компьютер

фирмы. Картотека хранится в сейфе, куда никто не имеет права заглядывать. Анонимность гарантирована фирмой. Как видите, очень удобно.

— Понятно. Думаю, можно трогаться. Уже совсем рассвело.

— Забыл вас предупредить, — сказал Мартолл, забираясь в «ситроен», — остановлюсь в «Старом льве», в семнадцатом номере.

Через несколько минут его машина была уже еле видна на прямой ленте дороги.

...За несколько лет в городке почти ничего не изменилось. Все то же сизое mareво, те же пустынные переулки, серые, невзрачные дома. Даже несколько новых административных зданий в центре не украшали унылых улиц. Зато дышать стало еще труднее. Хотя очиститель воздуха работал на полную мощность, казалось, что тяжелый смрад проникает в машину, сдавливает горло, обволакивает мозг.

Миновав небольшой парк искусственных деревьев, Карти увидел на площади знакомую вывеску. Припарковав малолитражку, он набрал полную грудь воздуха и бросился к гостинице. Пройдя шлюзовую камеру, влетел в вестибюль и только здесь осмелился отдыхать.

— Мне нужен номер, — сказал он миловидной девушке-администратору.

— Номеров сейчас много. Сами понимаете, безветрие. Хозяева заводов готовы платить любые штрафы, лишь бы не ставить надежные системы очистки. Реку они погубили лет двадцать назад. Питьевую воду нам привозят в цистернах. А сейчас планируется новое расширение производства. Вот многие и уехали: никто не хочет умирать от рака легких.

— А вы сами-то как здесь живете? — поинтересовался Макс.

— Плохо, — горько усмехнулась девушка. — Особенно при неблагоприятных ветрах, а они длятся месяцами. Хорошо, здесь никто не живет. Но концерны неплохо платят, вот и терпим. Сами знаете, сколько сейчас безработных. Я получаю втрое больше, чем администратор самой шикарной гостиницы на побережье. Поднакоплю денег и уеду. Не хочу я рожать уродов, а здесь это бывает. — Она вздохнула. — Шестнадцатый вас устроит? Это на втором этаже.

В номере над окном красовалась грозная надпись: «Открывать категорически запрещается. Опасно для жизни!» Инспектор прошел в ванную, побрился, принял душ. Настроение сразу улучшилось. Одевшись, он спустился в ресторан. Мартолл уже сидел за столиком у окна. Макс выбрал место в другом конце зала, заказав завтрак. Вскоре в зал вошли трое. Двоим было лет по сорок, младшему вряд ли исполнилось двадцать пять. Заметив Мартолла, они направились к его столу. Профессор приветствовал их как друзей, которых давно не видел.

Они направились к выходу. Когда инспектор, набрав полную грудь воздуха, выскочил на улицу, машина профессора уже тронулась. Карти забрался в свою малолитражку, включил воздухоочиститель и двинулся следом. Улицы были пустынные, лица редких пешеходов скрывались под масками, напоминающими противогазы.

За очередным поворотом Карти не обнаружил машины профессора. «Ситроен» словно провалился сквозь землю. На тротуаре стоял человек в маске-респираторе. Он сделал жест, и Макс притормозил. Незнакомец пулей влетел в малолитражку, захлопнув за собой дверцу, снял маску. Это был один из тех, что подошли к профессору в ресторане.

— Я покажу вам дорогу. У нас здесь тоже есть кое-какие секреты.

Поплутав по переулкам, они въехали в крохотный

грязный двор. Незнакомец показал на дверь в его глубине. Они, задержав дыхание, выскочили из машины, перебежали двор. Когда дверь за ними захлопнулась, Макс наконец вздохнул — и закашлялся.

— Да, здесь не гостиница, — засмеялся сопровождающий.

— Как же вы обходитесь без кондиционеров? — прохрипел Макс.

— Человек — это единственное животное, которое может приспособиться ко всему, — спокойно ответил провожатый. — Но... Посмотрите на наших женщин — к тридцати они не могут иметь детей, а в тридцать пять стареют. Да и мужчины... Как говорят предприниматели: «Насильно вас никто не держит...»

Они оказались в большой комнате. По стенам висели какие-то плакаты, графики. За столом сидели Мартолл и еще двое мужчин.

— Как дела? — поинтересовался профессор. — Не стесняйтесь, при этих людях можно говорить все.

Инспектор промолчал. Ему было не особенно по душе, что Мартолл привел его неизвестно куда: в какой-то профсоюзный или даже партийный комитет.

— Не сердитесь, — засмеялся Мартолл. — Конечно, полицейскому здесь не место. Но это мои друзья, и я объяснил им, что вы тоже мой друг. А сейчас вы увидите то, ради чего приехали. — Он показал Максу кассету видеофона. — Арно разрешил мне это запечатлеть. «Для истории», как он выразился. — И профессор вставил кассету в аппарат.

На экране возник подъезд дома на улице Верри. Из дверей вышел Фредерик Арно. В правой руке портфель, в левой — эмалированное ведро. Он открыл капот своей машины, достал из портфеля карбюратор и принялся прилаживать его на место...

«Так вот почему в машине отсутствовал карбюра-

тор, — мелькнуло в голове у инспектора. — Его украли вместе с портфелем».

А на экране Арно уже отошел от капота. Достал из портфеля пробирку, высыпал порошок в ведро, вылил содержимое ведра в бензобак.

— В ведре вода из-под крана, он ее при мне наливал, — пояснял профессор. — А порошок — это и есть главный секрет Арно...

Арно на экране сел в машину и повернул ключ зажигания. Машина вздрогнула и завелась. Изобретатель вылез из кабины и медленно нагнулся к выхлопной трубе, из которой вился только легкий парок...

«Как в рекламном фильме, — усмехнулся про себя Макс. — Хочет продемонстрировать, что выхлопы не токсичны...»

Арно опять сел за руль. Автомобиль тронулся. На экране замелькали знакомые улицы. Наконец машина затормозила у аптеки.

— Сейчас начнется самое интересное, — шепнул профессор.

Минут через пять Арно вышел из аптеки с пригоршней каких-то лекарств. Он бросил их на сиденье и вновь взялся за руль. Автомобиль выехал на загородное шоссе. Замелькали виллы, мосты. Рядом с одним из них машина остановилась.

Открыв багажник, Арно достал ведро и спустился к реке. Зачерпнул воды и вновь поднялся к машине. Взял с сиденья несколько аптечных порошков, высыпал их в ведро, вылил воду в бензобак. Пустые упаковки смял и бросил в реку. Бумажный ком, медленно разворачиваясь, поплыл по течению...

— В последнее время он всех боялся, — тихо проговорил Мартолл. — Покупал на всякий случай больше лекарств, чем следовало, чтобы скрыть формулу препарата. Однако, как видите, все компоненты его чудодейственного порошка можно приобрести в обыкновенной

аптеке. Короче, топливо Арно — это его чудесный порошок... и ведро обыкновенной воды...

— Но почему ему так скоро понадобилось заправляться?

— Понимаю, о чем вы думаете, — усмехнулся профессор. — Нет, его «топливо» расходовалось примерно как бензин. Просто он обожал рисоваться. Знал, что его снимают, вот и показывал, что машину можно заправлять хоть из реки. Был бы с собой порошок...

А на экране автомобиль Фредерика Арно неся по шоссе, легко обгоняя все другие машины.

Наутро, выйдя из ванной, Карти вдруг услышал, что дверь соседнего номера щелкнула. Он выглянул в коридор. В сторону лестницы направлялись двое. Макс последовал за ними. Поравнявшись с семнадцатым номером, толкнул дверь. Она не поддавалась.

Незнакомцы спустились на первый этаж и вошли в кабинет главного администратора. Карти, остановившись в конце коридора, смотрел в окно. Стекло отражало все, что происходило в коридоре. Вот дверь кабинета открылась. Те двое вышли. Едва они скрылись, инспектор поспешил к администратору.

— Кто были эти двое?

— А вы, собственно, кто такой? — испуганно спросил хозяин кабинета, пожилой человек небольшого роста.

— Из уголовной полиции. — Макс протянул удостоверение.

— Так это же ваши коллеги, — скользнув по документу взглядом, успокоился администратор. — Из «полиции НАТО».

— Вы видели их документы?

— Нет, зачем же...

— Так вот, такой полиции никогда не было и, надеюсь, не будет. Сознайтесь: вы давали им ключи от семнадцатого номера?

— Давал, — опять испугался администратор. — Но кто же они?

Макс не ответил. Вылетев из гостиницы, он увидел, что незнакомцы усаживаются в «форд» европейской сборки. На вид одному из них было чуть больше сорока. Высокий, подтянутый. У второго были темные волосы, бегающие глазки и совершенно незапоминающаяся внешность.

Первый надел черные очки и включил мотор. «Неужели Шарц?» — мелькнула мысль. Карти бросился к своей машине.

Они выехали на уже знакомое шоссе. Машин было много, и Макс то терял «форд» из виду, то вновь нагонял. А через несколько часов увидел его возле небольшой придорожной гостиницы.

Остановив машину, он вошел в вестибюль. Со второго этажа спустилась женщина лет сорока.

— Добрый вечер, мадам. Вы хозяйка этого прелестного заведения? — спросил Карти, приветливо улыбувшись. — Мне нужно переночевать.

— Пожалуйста! Есть прекрасные номера. Самый лучший, правда, только что заняли два молодых человека... Но и для вас есть неплохой.

— С вашего разрешения, я поужинаю в номере, — сказал Макс. — И если вас не затруднит, разбудите меня утром, когда... эти двое соберутся уезжать...

— Хорошо. Пойдемте, я провожу вас.

Утром гонка возобновилась. Примерно час спустя Макс заметил, что «форд» стоит поперек пустынного шоссе. Отступать было некуда. Макс поставил свою «малютку» на обочину метрах в двадцати и проверил пистолет. Потом достал пачку голографических снимков преступников, которые разыскивались по разным причинам, отобрал два подходящих и вылез на дорогу. Высокий шел навстречу, держа руку в кармане брюк.

— Мне необходимо проверить ваши документы, — хладнокровно произнес Карти.

— На каком основании?

— Я из уголовной полиции. — Макс отвернул лацкан.

— Ну и что?

— Мы разыскиваем бежавших преступников. — Макс достал из кармана снимки. — Мне показалось, что вы похожи на одного из них. Так что, будьте любезны, предъявите документы...

— Пожалуйста. Но учтите: я известный коммерсант Джон Шарц и буду жаловаться, — возмутился тот, протягивая удостоверение.

— Все в порядке, — спокойно произнес Карти, сравнив снимки и возвращая документ. — А теперь подойдем к вашему приятелю. Извините, такая служба.

Спутник Шарца предъявил документы на имя Ботса Небела, тоже коммерсанта. Затем оба сели в машину. Она понеслась дальше.

«Теперь кое-что понятно, — думал Макс, глядя ей вслед. — Этот Шарц не зря здесь ошивается. Убрав Арно, Декстер и его команда интересуются, нет ли у Мартолла каких-либо материалов, проливающих свет на открытие. Но как же могли они узнать о его поездках? Если кто-нибудь сообщал загодя, то они приехали бы не через сутки, а пораньше. Нет, недаром не лежит у меня душа к его кредитной карточке. Придется обратиться к нашим специалистам...».

Макс доложил комиссару Брину о фильме Мартолла, а также о своих наблюдениях и выводах.

— Значит, Арно все-таки добился своего, за что и поплатился, — покачал головой Брин, когда Карти закончил. — А мне все-таки казалось, что это мистификация. Твою встречу с Шарцем я предвидел, поэтому и дал его приметы. Они частенько лезут туда, куда их ни-

кто не звал. Придется навести еще справки. А насчет кредитных карточек действительно посоветуйся.

Когда инспектор рассказал о своих подозрениях Жерару Ноэлю, лучшему специалисту управления в области электроники, тот долго сидел задумавшись.

— Что же, твое предположение вполне реально. Видишь ли, достаточно добавить к электронному шифру на карточке несколько лишних индексов, и компьютер кредитной фирмы может сам передать нужные сведения другому компьютеру, с которым имеет связь. Замаскированному, скажем, под кассовый аппарат. Конечно, для этого необходимо узнать, кому принадлежит электронный шифр. Но это сделать тоже довольно легко. Подкупить, например, продавца магазина, где бывает интересующее тебя лицо, и тот за минуту прочтет шифр. А потом он же может добавить индексы, о которых я говорил. Проверить, есть ли они на карточке, нетрудно.

Через два часа Карти вручил Ноэлю кредитную карточку, на время взятую у Мартолла. Жерар попросил подождать, но одиночество Макса длилось недолго.

— Оказывается, мы были правы, — самодовольно произнес Ноэль, вернувшись минут через двадцать. — Некоторые наши сотрудники тоже пользуются карточками фирмы «Евроэксpress». Так вот, на той, что ты дал, три индекса лишние. Слушай дальше: у меня есть знакомый хозяин одного магазинчика, где установлен кассовый аппарат с приставкой «Евроэксpress». Мы поедем туда и захватим вот этот мини-компьютер. Связавшись с его помощью с машиной «Евроэксpress», мы сможем проверить, куда поступали сведения о твоём подопечном.

Когда они приехали в магазин, хозяин, симпатичный парень, уже ждал их. Повесив табличку «закрито», он отпустил продавщицу и кассира. Ноэль подсоединил свой компьютер к кассовому аппарату и нажал кнопку.

Спустя минуту из машины поползла бумажная лента, сплошь покрытая цифрами и буквами.

— Вот и все, — обратился Ноэль к хозяину магазина, когда лента остановилась. — Спасибо, Дони.

— Все? — недоверчиво переспросил Макс. — Что же тебе удалось узнать?

Они вышли на улицу, сели в автомобиль. Жерар протянул Максу обрывок бумажной ленты.

— Видишь десятизначное число? Это индекс организации, куда поступали сведения о профессоре. А это шифр, под которым он у них числился...

— А где они размещаются?

— Взгляни на эти три цифры. Первые две — название улицы, третья — номер дома. Номера квартиры нет — значит, официальная организация. У тебя есть карта города?

— Вот она.

— Итак, восемьдесят третья улица, девятый дом. Восемьдесят третья... — проговорил Ноэль, ведя пальцем по списку на обратной стороне карты, — это улица Марсенар...

Макс вздрогнул, хотя и ожидал этого. На улице Марсенар в доме номер девять располагалось бюро концернов Декстера, где официально работал Джон Шарц.

— Теперь ты знаешь все, — продолжал Жерар. — Забирай ленту и действуй.

Макс поблагодарил Жерара Ноэля, хотя уже начал понимать, что полученная сейчас информация вряд ли ему пригодится. Не такова «Всемирная элита», не таков и сам Говард Декстер, чтобы допустить громкие и скандальные разоблачения. И от сознания этого на душе у Макса стало нехорошо.

— Политической полиции не по душе, что частная разведка Декстера столь нахально присваивает себе ее прерогативы, — прохрипел Брин, когда инспектор

вошел в кабинет. — Особенно по части слежки за депутатом парламента. На это, видишь ли, имеют право только они сами. К тому же Шарц мешает им работать. Ясно?

— Ясно и противно, — ответил Макс.

— Твоего мнения не спрашивают, — отрубил комиссар. — Обсуждаются факты как они есть, ни больше ни меньше. Эмоции оставь при себе. Итак, Шарц зарвался, и его приведут к порядку.

— А Декстера нет?! — зло усмехнулся инспектор.

— А Декстера нет... И дай бог, чтобы он не решил привести к порядку нас. Устранение Шарца — сильная оплеуха для него. Но на большее правительство не пойдет. Скандала никто не хочет. Дело Арно рекомендовано закрыть, официально приняв мою первоначальную версию: убийство на почве обыкновенного хулиганства. Ясно?

— Ясно, — почти обреченно ответил Карти.

— Да? — недоверчиво переспросил комиссар. — И что же ты намерен делать?

— Продолжить дело Арно, — ответил инспектор. — Но вы не волнуйтесь. Вы ни о чем не знаете, я делаю все на свой страх и риск. И я вас не подведу.

Машина Мартолла стояла в условленном месте. Макс захлопнул дверцу, и «ситроен» тронулся.

— Почему такая таинственность? — спросил профессор.

— Сейчас мы будем заниматься незаконным делом. Но не бойтесь, профессор, вас это никак не коснется. В крайнем случае погорю я.

— Что же все-таки происходит? — поднял брови Мартолл.

— Вы историк и, возможно, не знаете, что не-

сколько лет назад был изобретен шлем, с помощью которого, если его надеть на голову человека и подсоединить к компьютеру, можно читать мозговые импульсы. То есть мысли. Да откуда вам знать об этом, если все исследования и работы в данном направлении тут же засекретили. Позднее выяснилось, что на протяжении некоторого времени это можно проделывать и с мертвым человеком. Пока сохраняется информация, находящаяся в его мозгу... Тело, конечно, нужно хранить в особых условиях...

— И вы хотите сказать?..

— Да, — продолжал Макс. — По моей просьбе тело Фредерика Арно поместили именно в такие условия. И вы будете сейчас присутствовать при снятии оставшейся мозговой информации. Мозг сильно поврежден при ударе, так утверждают специалисты. Впрочем, в любом случае мозг умершего человека сохраняет отнюдь не всю информацию, накопленную за жизнь, а лишь самые важные фрагменты. Те самые, что вызвали в свое время наибольшее напряжение мозговой деятельности, наибольший всплеск эмоций.

— Фантастично! Но что же здесь противозаконного?

— Хотя, как я уже говорил, все работы в этом направлении были засекречены, случалось немало злоупотреблений, — пояснял инспектор. — Мозговые показания снимали не те люди, кому это было положено, кое-кто воровал чужие идеи и так далее. Тогда-то в юридических и следственных кругах и появились рьяные противники таких методов. Их называли «незаконным вторжением в частную жизнь», связывали с контролем над личностью... Было принято специальное решение об их запрещении. Разрешение дается теперь лишь строго индивидуально, по закрытому постановлению высших судебных и юридических инстанций. Нам с вами его никто не даст.

— Но почему? — возмутился профессор. — Ведь это помогло бы не только следствию! Наука, энергетика... Экономика, в конце концов!..

— Вот поэтому и не дадут, — устало ответил инспектор. — Вы же первый заподозрили, что вашего знакомого убили вовсе не из-за подержанной машины. Его открытие встало кое-кому поперек глотки, причем не нам с вами, а людям куда более сильным и влиятельным. Неужели Декстер допустит, чтобы тайна формулы Арно была открыта?.. Но мы уже прибыли.

Мартолл повернул руль, и «ситроен», обогнув небольшое двухэтажное здание, въехал во двор. Профессор поставил машину в тени деревьев. Едва они с Карти вылезли, как на пороге дома появился высокий светловолосый парень атлетического сложения.

— Привет, Фридрих, — издалека крикнул инспектор. — Познакомьтесь, это профессор Мартолл, о котором я тебе говорил.

Здоровяк протянул руку.

— Ну как, пойдете? У меня все готово.

Они вошли в здание. Темный коридор вывел их в просторную комнату, которая напоминала бы хирургическую палату, если бы не компьютер в углу да стол с пультом и дисплеем. На другом столе, посередине помещения, под простыней лежал труп. Его голову венчал блестящий металлический шлем, наполовину закрывающий забинтованное лицо.

— Бинтов я не снимал, — пояснил Фридрих, поймав взгляд инспектора. — Удар был очень сильным, черепная коробка повреждена.

Фридрих сел к пульту. На экране запрыгали блики. Потом изображение стало четче, и Макс увидел, что это течет черная, густая река. Ее поток становился все шире и полней, захватил весь экран, но потом начал светлеть, разбиваться на капли. И Карти, присмотревшись, понял, что это потоком текут золотые монеты.

А потом в золото превращалась уже не нефть, а чистая родниковая вода. Ее брызги обретали правильную форму, округлялись, превращались в золотые монеты. Постепенно они заполняли экран, и стало уже казаться, что ими наполняется и вся комната. Они сыпались отовсюду...

— Господи, именно это и погубило его, — тихо проговорил профессор. — Я же объяснял ему, что деньги не та цель, к которой надо стремиться. Но он не хотел верить...

Потом на экране появились красивые женщины, и он погас. Профессор, подождав какое-то время, разочарованный, встал и направился к выходу. Карти последовал за ним. Вдруг Фридрих закричал:

— Макс! Макс, скорее! Опять началось!

Мартолл со злобой выдергивал застрявший в кармане блокнот. Инспектор повернулся к экрану. На нем возникали цифры и индексы.

«Химические формулы, — понял инспектор и взглянул на профессора. Тот лихорадочно записывал. — Неужели те самые? Значит, мы пришли не напрасно! Чем бы все это ни кончилось!»

Неожиданно экран погас. На этот раз окончательно.

— Но ведь это же не вся формула, не вся... — шептал Мартолл. — Это только ее начало... Что же было дальше? Ведь он показывал мне ее, и я помню, что она была гораздо длиннее...

— Поверьте специалисту, — спокойно произнес Фридрих, — это все. Остальные участки повреждены безнадежно. Хорошо, что нам удалось получить хотя бы это.

— Спасибо тебе, Фридрих, — спокойно сказал Макс, потрепав приятеля по плечу. — Будем надеяться, что все обойдется. Скоро за ним приедут и сделают все как положено. Смотришь, никто ничего и не узнает. Ты все записал?

— Я же обещал, — ответил Фридрих, — вот кассета, на которой я записал все, что было на экране. Вдруг пригодится? — И он протянул инспектору маленькую коробочку.

Макс пожал ему руку и направился к двери. Депутат шел за ним. В машину они сели молча. Мартолл думал о том, что формулу Арно полностью так и не удалось восстановить. У Карти же в голове вертелись более прозаические мысли. Он понимал, что если отделается строгим выговором, то будет просто прекрасно. За годы службы в полиции он уже понял, что с сильными мира сего бороться практически бесполезно.

И в то же время он был доволен, что совесть его чиста. Он сделал все, что мог.

— Куда вас подвезти? — прервал молчание Мартолл.

— Если не возражаете, то к дому Баркаша, — глухо отозвался инспектор. — Мне надо забрать у него одну вещь. А что, неужели секрет Арно заключался только в этой формуле?

— Как вам сказать... — задумался Мартолл. — И да и нет. Если просто добавить в воду какой-то порошок, то вряд ли она станет отличным горючим. Фредерик пошел по другому пути. То, что перспективным топливом может стать водород, он понял еще тогда, когда работал в фирме «Шейдел». Ведь водород имеет самую высокую теплотворную способность. Да и запасы его на планете огромны — вода. Фирма еще в те годы искала пути получения этого газа дешевым способом. Им было ясно, что самым удобным было бы разлагать воду с помощью электролиза. Но процесс этот требовал довольно много электроэнергии, а она с каждым годом становилась все дороже.

У Арно были кое-какие свои идеи, но он не хотел делиться ими с фирмой. А тут как раз подвернулось наследство, вот он и ушел из «Шейдел» и занялся сво-

ими исследованиями. А идея его заключалась в том, что он решил как бы объединить два способа — фотолиз и электролиз. То есть воду он разлагал с помощью электричества, полученного из солнечного света. Вернее, это была даже не вода в нашем понимании этого слова, а электролит, так как в воде растворялся тот самый порошок, который мы видели. Он был катализатором, стимулирующим процесс фотолиза. Именно он способен разрывать под действием света и электричества связи молекул, разлагая воду на водород и кислород. Без этого порошка ничего не выйдет... Да и без карбюратора, конечно...

— А как же машина двигалась в темное время суток? — поинтересовался Карти.

— Сами понимаете, многих технических тонкостей я не знаю, — вздохнул Мартолл. — Арно доверял мне не настолько. Но из рассказов его я понял, что по ночам разложение воды происходило только под действием электричества. Для этого вполне хватало аккумулятора и генератора, ведь, повторяю, порошок, полную формулу которого нам так и не удалось узнать, был отличным катализатором. Конечно, расход электроэнергии в ночное время было несколько больше, чем в дневное время, но Арно говорил, что мощности электросистемы обычного автомобиля вполне достаточно.

В его машине заднее стекло было двойным. А между стеклами находилась вода с растворенным в ней порошком. В светлое время суток под действием солнечных лучей, а в темноте только при больших затратах электроэнергии она разлагалась, выделялись микроскопические пузырьки, практически не ухудшающие видимости, и по трубкам выводились соответствующие газы. Как ему удалось их разделять — точно сказать не могу, знаю только, что для этого между стеклами у него было какое-то хитроумное приспособление.

Фредерик говорил, что в будущем скорее всего ста-

нут выпускать машины с двойными стеклянными крышами, что значительно повысит выход водорода и мощность двигателя. Сам же он не сделал этого, чтобы не привлекать внимания...

Теперь инспектору стало ясно все: и непонятные обрывки резиновых трубок, и лишние провода. Судя по всему, это самое «хитроумное приспособление», о котором говорил профессор, тоже было украдено, как и карбюратор. Да и порошок, который тоже наверняка находился у Арно, тоже исчез. Значит, убийцам известны все секреты. Карти поделился своими мыслями с Мартолллом.

— Я долго думал об этом, — проговорил депутат после некоторого молчания, — но пришел к выводу, что этого могло и не произойти. Вспомните: дом Арно расположен на улице Верри. А улица имеет довольно сильный наклон. Арно нередко просто заливал в бак воду, снимал машину с тормозов, и она катилась вниз. А вниз — на углу — аптека...

Так что трудно нам с вами решить, удалось ли убийцам заполучить все, что их интересовало. Вы же сами говорили, что у вас сложилось впечатление, что квартиру его до вас кто-то обыскивал. Ну а если они и узнали секрет формулы Арно, то скорее всего на какое-то время положат это изобретение под сукно. Пока ведь всевозрастающие цены на нефть их вполне устраивают. Ну а позже, когда запасы ее начнут иссякать окончательно, они запатентуют все, что удалось изобрести и открыть Фредерику, и потом начнут всю торговать новым горючим, назначая цену на него по своему усмотрению. И сами понимаете, она будет в несколько раз выше реальной. Так что доходы их только подскочат...

— Кто знает, — сказал инспектор. Они уже подъехали к дому журналиста.

Петер готовил срочный материал, и ему явно было

не до гостей. Макс, захватив кассету с записью «завещания» Рокара, пешком пошел в управление.

Погода была пасмурной. Инспектор не сразу понял, что с ним происходит. Он плелся по улице, подняв воротник плаща, прямо по лужам, и пытался разобраться в собственном настроении. Почему он недоволен, хотя только что закончил столь сложное дело?

И вдруг осознал: потому что бессилен. Бессилен в сражении за справедливость. Не способен ухватить за руку преступника и убийцу, посадить его на скамью подсудимых.

Когда он вошел в кабинет Брина, комиссар листал какие-то бумаги и, казалось, даже не заметил подчиненного. А потом поднял голову и тихо спросил:

— Ну что скажешь, мой мальчик? Все обошлось благополучно?

— Все в порядке. Акт вскрытия подпишут днем убийства. Я договорился с ребятами, — устало сказал Макс, прислонясь плечом к стене. — Так что теперь никто ничего не докажет.

— Но что вы узнали?

— Почти ничего. Только начало формулы. Мартолл считает, что этого слишком мало. Но что поделаешь: его стукнули именно по той части головы, по которой не следовало. Я хочу дать вам послушать одну запись и показать то, чего мы добились сегодня. — И Макс включил стереофон, в который еще по дороге вставил кассету Рокара...

— Я был у министра, — мрачно сказал комиссар Брин, когда на следующий день Макс Карти вошел к нему в кабинет. — Заварил кашу ты, а расхлебывать ее приходится мне. На кой черт ты связался с этими экологами? Теперь тебя обвиняют в разглашении служебных тайн. Не понимаешь, чем это пахнет?

— Мартолл — депутат парламента. Он с полным правом получит у полиции интересующую его информацию, — парировал Карти.

— Расскажи это министру, — буркнул Брин.

— Разве я не прав?

— Прав, — неохотно согласился комиссар. — Но Мартолл нарушил все формальности. Он мог сделать запрос в парламенте как положено. А вместо этого ты давал ему информацию напрямую, через голову министра и в обход целой кучи начальников. Этого тебе никто не простит.

— Тем более, — усмехнулся Макс, — что не так давно наш министр дважды сажал Герберта Мартолла в тюрьму «за участие в беспорядках» и трижды штрафовал на большую сумму. И никак не привыкнет к его нынешней депутатской неприкосновенности.

— Вот именно, — согласился Брин и напомнил: — А у Баркаша депутатского мандата нет. И вообще, с точки зрения коллег из политической полиции, он сомнительная личность.

— Эта «сомнительная личность» больше любого другого помогла мне разобраться в убийстве Арно, с его помощью я узнал о таинственной цепочке смертей в вычислительном центре, — вспылил Карти. — Работай с таким же рвением политическая полиция, желай она действительно служить республике, мы давно положили бы конец беззакониям.

— Не читай мне лекций! — грохнул по столу кулаком комиссар. И тут же сообразил тихо: — Мне и самому противно, да что делать...

— А «Всемирная элита»?..

— Об этом не будем, — перебил Брин. — Политическая полиция просила не влезать в сферу ее компетенции. Хотя кое-что я могу тебе рассказать. Тебе ведь некогда было заниматься специальным вычислительным центром, а мне удалось выяснить некоторые подробно-

сти. Так вот, этот самый вычислительный центр очень во многом работает на Декстера. Виктор Дорм был его человеком, но... банально проворовался. Когда Декстер или же его приближенные уличили Дорма в этом, он понял, что ничего хорошего ему ждать не приходится. И, не раздумывая слишком долго, выбросился в окно, сам того не зная, что подводит этим своего шефа. Ведь на его место-то назначили человека со стороны, никакого отношения к Декстеру не имеющего, да к тому же еще и принципиального. Вот и пришлось его потихоньку убрать.

Но опять не повезло Декстеру — назначили Рокара. Так что, как видишь, власть-то этого представителя «Всемирной элиты» не на все и не на всех распространяется. Мало того что этот Рокар тоже оказался человеком неподкупным, так еще и много думающим. Сумел он, как ты сам из записи знаешь, разобраться хотя и не во всем, но во многом. Но думаю, не это было основной причиной того, что его тоже устранили, а то, что был он знаком с Арно. Не знаю уж, успел он предупредить о чем-то изобретателя или нет, это мы с тобой только гадать можем. Хотя, думается, чего его и предупреждать-то было? Он ведь больше о деньгах думал, чем об общей пользе. И на чем они с Декстером не сошлись, как не сторговались — ума не приложу...

Короче, убирать Рокара у Декстера причин хватало... Карро же, судя по всему, как раз то, что Декстеру и нужно было, его человек... Теперь он за специальный вычислительный центр может не беспокоиться. Но и нам к нему подступиться еще труднее стало... Да и не наше это дело, честно говоря, в этом коллеги из политической полиции правы... Короче, рассказал я тебе, что сам сумел установить, и забудь об этом деле. не по зубам оно тебе, да и мне. Забудь... Это даже не совет, а приказ...

В кабинете наступило молчание. Брину где-то в глу-

бине души было стыдно говорить все это инспектору, который, конечно же, сам многое понимал. Карти же было просто мерзко от своего бессилия.

— Тебя хотели уволить, — раздался наконец голос комиссара. — Но я уперся: у старика Брина все-таки есть кое-какие связи. Однако, прошу тебя, поезжай в горы. Кататься на лыжах. И чтобы месяц здесь носа не показывал. А там, глядишь, постепенно все забудется...

— Хорошо, — согласился Карти. — Но я прошу вас обеспечить охрану профессору Мартолла. Боюсь, что его знаний вполне достаточно, чтобы его решили убрать.

— Это, славу богу, в пределах моей компетенции, — довольно хмыкнул комиссар. — Обещаю, ничего с твоим ученым другом не случится. Кстати, намекни-ка ему, что можно поднять скандал. Только чтобы не ссылался ни на тебя, ни на меня. Пусть сделает запрос в парламенте по всей форме, и пусть Баркаш обнародует все, что у него есть. Это поможет и им и нам. — Брин засмеялся. — А сейчас иди, и чтобы завтра же духу твоего здесь не было.

Попрощавшись с комиссаром, Карти пошел к себе, сел за стол, обхватил голову руками и поморщился, словно от приступа зубной боли. На душе все так же было мутно и противно.

— Да брось, Макс, не расстраивайся. — Баркаш хлопнул его по плечу. — Не так уж все плохо.

Они сидели в кабинете журналиста. На письменном столе высился ворох еще не разобранных газетных вырезок, черновиков и блокнотов.

— Ты, Макс, сделал все, что мог. Я — тоже. А Мартолл, а ваш Брин? Все мы старались в меру своих возможностей. И сообща мы добились главного — этим

мерзавцам не удалось и не удастся похоронить идею Арно, не удалось замолчать открытие. Пусть через несколько лет, но секрет формулы Арно откроют. Ведь главное — что прецедент был, что такое возможно! И значит — мы победили.

— Все равно все мерзко и стыдно, — честно признался Карти.

В дверях кабинета показалась массивная седая голова профессора Мартолла.

— А, Герберт, очень рад вас видеть, — поднялся навстречу Баркаш. — Вот думаем, что делать дальше.

Профессор вежливо поздоровался.

— Не думайте, Петер, что все это пройдет для них даром. Завтра же группа депутатов собирается внести запрос в парламент. Раз уж мы твердим о демократии, так надо показать ее в действии. К нам присоединяются левые партии...

— Кстати, насчет печати, — сказал Карти. — Не кажется ли вам, что пора рассказать в солидной газете обо всем, что вам известно? Ведь эта международная банда очень опасна. Декстер просто не может не знать, что вы располагаете сведениями, о которых, по его мнению, не должен знать никто. А если они станут достоянием гласности...

— То Декстеру и «Всемирной элите» уже не будет смысла связываться с профессором Мартолом, — подхватил Баркаш. — Да, это так. Только кто опубликует нашу статью? Даже моя газета не решится, боюсь... Пожалуй, я обращусь в «Ежедневную рабочую газету». Им Декстера бояться нечего. Они поддерживали меня и раньше. Думаю, не подведут и на этот раз.

— Ты прав, — согласился Макс. — И еще одна вещь... Для убедительности наверняка потребуются точные факты. Смело ссылайся на меня. Как-нибудь переживу...

— А я поставлю под статью и свою подпись, — сказал Мартолл. — Так будет убедительнее.

Статью Баркаша и профессора Карти прочитал уже в горах. Кончалась она такими словами:

«Ученые мира! Вам, вашему таланту и знаниям вручаем мы начало формулы талантливого изобретателя, открывшего тайну, способную изменить мир, сделать его лучше и чище. Не позволяйте декстерам и шарцам похоронить ее, как они делали уже не раз. Ведь они настолько ослеплены своей жадностью, что не видят, к краю какой пропасти катятся, увлекая за собой остальных».

Два месяца спустя Макс Карти, тщательно выбритый, причесанный и наглаженный, входил с букетом роз в хорошо знакомый ему особняк. Хозяйка, чмокнув его в щеку, увлекла за собой в гостиную.

— Представь меня вашему другу, Луиза, — сказал один из гостей, стоявший у бара. — Я, признаться, много о нем наслышан.

— С удовольствием, — улыбнулась хозяйка. — Познакомься, Макс, это друг Гербета Мартолла, лауреат Нобелевской премии за работы в области химии, профессор Фенграпп.

— Очень приятно, — поклонился Макс, протягивая руку. — Макс Карти. Частный детектив.

СОДЕРЖАНИЕ

Тайная империя (<i>предисловие</i>). А. Казанцев . .	5
ОСТРОВ «ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА» (<i>роман-памфлет</i>)	7
И ВЕДРО ОБЫКНОВЕННОЙ ВОДЫ... (<i>повесть</i>)	228

Максимов 3. В.

М 17 Остров «Его величества»: Фантастический роман-памфлет и повесть / Предисл. А. П. Казанцева. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 286 с., ил. — (Б-ка сов. фантаст.).

90 к. 100 000 экз.

В научно-фантастическом романе-памфлете «Остров «Его величества» разоблачаются нравы общества, в котором достижения науки служат бизнесу и обогащению монополий. В книгу включена также повесть «И ведро обыкновенной воды...».

М 4702010200—284
078(02)—84

Без объявл.

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 4414

Захар Максимов

ОСТРОВ «ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА»

Редактор В. Фалеев

Художник Ю. Манаров

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор В. Пилкова

Корректоры И. Тарасова, Т. Пескова

Сдано в набор 16.05.84. Подписано к печати 26.09.84. А00831.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,95. Учетно-изд. л. 12,9. Тираж 100 000 экз. Цена 90 коп. Заказ 848.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

90 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ОСТРОВ
"ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА"

ЗАХАР МАКСИМОВ

